

КИДАНИ

ЗАПАДНЫЕ

Г. Г. ПИКОВ

Г.Г. Пиков

ЗАПАДНЫЕ КИДАНИ

**Издательство
Новосибирского
университета**

Новосибирск 1989

Пиков Г.Г.

ПЗ2 Западные кидани. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та,
1989. - 000 с.
ISBN 5-7615-0020-5

На основе многочисленных китайских и мусульманских источников рассматривается история основания государства Западное Ляо (1125-1218) на территории современных Средней Азии и Казахстана, его политика, отдельные вопросы культуры.

Для преподавателей вузов, археологов, специалистов, занимающихся историей среднеазиатских республик и Казахстана, стран Азии и Африки в средние века.

Рецензент доктор исторических наук Ю.С.Худяков

Рекомендовано к печати кафедрой всеобщей истории
Новосибирского государственного университета

П 0503010000 88
185(012) - 89

ISBN 5-7615-0020-5

ББК ТЗ(2)4П.9+ТЗ(257)4Г+
+ТЗ(5Кит)42+ТЗ(5Мо)42

© Пиков Г.Г., 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время чрезвычайно вырос интерес к истории национальных государственных образований на северной окраине танского и сунского Китая (тиркийский и уйгурский каганаты, Бохай, Западное Ся, Ляо, Цзинь) и характеру их взаимоотношений. Это обусловлено рядом причин и прежде всего накоплением нового археологического материала и успехами в филологии, антропологии и этнографии. Вторая половина первого тысячелетия н.э. — первая половина второго — одна из наиболее насыщенных событиями эпох в истории народов Центральной Азии. Значение этих событий сказывалось далеко за пределами данного региона. Это был период непрерывной борьбы кочевых племен^I, сопровождавшийся быстрым образованием, кратковременным существованием и столь же скорым падением обширных империй. Прямой результат этого процесса — значительное перемещение и смешение различных этнических групп, нивелирование их материальной и духовной культуры. Для Центральной и Восточной Азии особенно актуальными становятся вопросы своеобразия и самобытности отдельных народов, определения вклада каждого из них в культуру всего человечества, его значение в истории, в том числе и региональной.

Заметное место в истории центральноазиатского региона занимают кидани, сыгравшие значительную роль в бурных событиях предмонгольского периода, оказавшие огромное влияние на развитие культуры дальневосточной ойкумены. Их история, как свидетельствуют данные археологии, памятники эпиграфической письменности, сведения из китайских династийных историй, на протяжении тысячи лет была связана с Китаем. Китаццам с древнейших времен приходилось вести непрерывную, ожесточенную борьбу с многочисленными племенами на севере, востоке и юге. В восточном и южном направлениях китаццы довольно быстро и успешно продвигались. Однако северные племена, обитавшие главным образом на территории нынешней Монгольской Народной Республики, упорно сопротивлялись китаццкой экспансии. Источники (хроники, сочинения древних историков и философов) полны многочисленных сообщений о военных столкновениях с этими народами, происходивших со времени образования китаццкого государства.

В этом ряду многочисленных северных народов, с которыми Китай пришлось вести борьбу на всем протяжении средневековой истории, кидани занимают особое место. По словам В.С.Таскина, "этот народ как бы открыл новую страницу в отношениях между Китаем и кочевой степью. Дело в том, что до киданей все вожди враждовавших с Китаем племен либо признавали превосходство китайского императора, либо считали себя равными ему. Киданьский же император Тай-цзун в результате военных побед сам возвел на китайский престол угодного ему императора, который официально признал его отцом, а себя сыном, что выражает, по китайским понятиям, отношения подданного к государю. Другими словами, впервые в своей истории Китай признал чужеземное господство.

Кроме того, если раньше в результате военных поражений Китай соглашался платить унижительную для себя дань, называя последнюю подарками, то возведенный киданями император помимо ежегодного предоставления подарков уступил кочевникам шестнадцать китайских областей"².

По этому поводу известный русский востоковед В.П.Васильев в свое время писал: "Это событие имело решительное влияние на дальнейшие происшествия. Допущение инокордцев не грабить, а уже властвовать над китайскими городами было пятном, которое стремились смыть все китайские государи. Из-за этого они воевали с киданями, вступили в союз с маньчжурами (т.е. чжурчжэнями. — Г.П.) и против них с монголами, и все это для того, чтобы отдать последним весь Китай. Со своей стороны, обладание китайскими землями должно было произвести великий переворот и между обитателями Монголии; они научились владеть китайскими землями и увидели, что можно этот первый опыт повторить и в более обширных размерах"³. Накопленный киданями опыт борьбы с Китаем и выработанные ими методы управления оседлым населением были использованы более поздними завоевателями — монголами и маньчжурами. Не случайно потомок первого киданьского императора Елюй Чуцай служил советником у монголов, а маньчжуры перед нападением на Китай перевели на свой язык истории династии Ляо, Цзинь и Хань.

Без преувеличения можно сказать, что кидани принадлежат к числу народов, известность которых, по выражению М.В.Воробьева, далеко уступает их роли в истории. Их место в политической истории Восточной и Центральной Азии определено уже давно и достаточно четко. Империя Великое Ляо, существовавшая более двухсот лет (916—1125), в период наибольшего могущества владела территорией Внутренней и Внешней Монголии и частью Северного Китая. Эта империя влияла на политику Кореи, северокитайских династий Поздняя Цзинь, Поздняя Хань и Северная Хань (936—972), тангутского государства Западное Ся. В зависимости от нее находились даже южноки-

тайские царства Ухэ и Южное Тан. И тем не менее этот народ бесследно исчез с исторической арены, хотя имя его не забылось и сохранилось не только в названии Китая, одного из крупнейших государств нашей планеты, но и в памяти людей. Недаром очень многие путешественники, писатели и ученые спустя столетия после гибели империи проявляли интерес к его истории. Большинство из них стояло на китаеццентристских позициях, выработанных китайскими учеными. М.В.Воробьев писал: "В русло китайской истории с неизменной последовательностью вводилось все, что происходило в китайской или околоскитайской ойкумене, независимо от того, осуществлялось ли это в Китае, для Китая, против Китая или в связи с Китаем. Китайцы считали себя единственными распорядителями мира: для них - всего, для нас - дальневосточного. В итоге такой метод привел к потрясающим результатам. По временной аберрации история сохранила все важное, значительное, громкое. Китайская история, богатая сама по себе, оказалась до отказа насыщенной великими деятелями и грандиозными открытиями. Киданьское государство Ляо (916-1125) и чжурчженьское Цзинь завоевали значительную часть Китая, а монгольская династия Юань (1280-1367) - весь Китай, и эти государства и династии, и все ими сделанное официально включены китайскими историками в фонд истории Китая"⁴.

Подобные идеи были распространены и за пределами Китая. Можно упомянуть уникальную по обобщению и анализу фактического материала работу К.А.Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, которая носит красноречивое название "История китайского общества: Ляо"⁵.

Разбирая вопросы национального развития окружающих Китай народов, профессор Токийского университета Ямамото Тацуро среди причин, под воздействием которых "поднимались и гибли" эти народы, в том числе и кидани, на первое место ставит политическое, экономическое и культурное влияние Китая⁶.

Не избежали влияния китаеццентристских идей и некоторые русские востоковеды XIX и первой половины XX в. Так, например, ученик В.П.Васильева М.Н.Суровцов, написавший первое монографическое исследование о киданях, к сожалению, оставшееся неопубликованным, замечает: "собственными, единичными силами они сделали бы весьма мало и только при посредстве цивилизованного Китая, его вековых опытов, им удалось довести свое материальное положение до более или менее удовлетворительных результатов ..."⁷.

А.Н.Бернштам, много лет изучавший памятники культуры так называемых западных киданей (или каракитаев), т.е. части киданьских племен, основавших после гибели империи Ляо новое государство на территории современной Средней Азии, считал, что "каракитай внесли новую струю китайской культуры"⁸.

Число примеров тенденциозного толкования проблемы можно было бы умножить. Советскими учеными эта страница истории Дальнего Востока и Центральной Азии должна быть прочитана более внимательно и оценена объективно, тем более, что она оставила след в культуре тунгусо-маньчжурских и монгольских народов, многие из которых живут на территории нашей родины.

Русскими и советскими учеными накоплен богатый опыт в изучении истории киданей и их государства. Некоторые вопросы освещены детально, отдельные проблемы решены убедительно, но до сих пор остается в силе замечание редакции сборника "Дальний Восток", поместившей статью ленинградского востоковеда Л.Н.Рудова "Кидани": "У нас нет пока ни одного монографического исследования ни по языку киданей, ни по их истории"⁹.

В равной степени сказанное относится и к истории киданей после крушения империи Ляо, раскрывающей драматические страницы средневековой истории Центральной и Средней Азии в домонгольский период. Заметную роль в этой истории сыграло государство Западное Ляо (1125-1218). Выявление и анализ сведений о нем высвечивают многие неясные моменты политической и хозяйственной жизни региона, процессы становления и развития государственности у центральноазиатских народов, позволяет более четко решать вопросы взаимовлияния арабской, индийской, китайской и местных самобытных культур Дальнего Востока и Центральной Азии. Актуальность темы исследования определяется и тем, что ее разработка проводилась в соответствии с ведущим направлением развития советской исторической науки о классовых обществах, для которой характерно стремление к глубокому и комплексному изучению археологических памятников и письменных источников, воссозданию на их основе истории древних народов и выявлению их этногенетических связей с современными народами как нашей страны, так и сопредельных территорий. Настоящая работа вносит определенный вклад в поставленную на Всесоюзной конференции китаеведов в 1982 г. задачу научного раскрытия самобытности и независимого государственного, экономического и культурного развития соседних с Китаем народов¹⁰.

Данная монография представляет собой первое в советской исторической науке исследование, в комплексе рассматривающее политическую историю и социально-экономический строй государства Западное Ляо, а также затрагивающее некоторые проблемы его культуры. Для этого потребовалось решение ряда конкретных задач: выявление и анализ доступных исследователю источников, прежде всего письменных; рассмотрение политической истории государства, роли племен, населявших его территорию, в истории Центральной и Средней Азии в предмонгольский период; обобщение известных в науке и особенно малоизвестных или оставшихся вне поля зрения ученых свиде-

тельств социально-экономического строя Западного Ляо, его места и роли в процессе развития феодального способа производства на территории Средней Азии. Содержащиеся в работе фактические материалы и вытекающие из них выводы и обобщения восполняют малоизученные страницы истории Западного Ляо. Анализ сведений по истории этого государства может представлять определенную ценность для специалистов, а решение ряда вопросов позволяет опровергнуть антинаучные, фальсификаторские положения относительно истории племен и народов Центральной Азии и характера их взаимоотношений с китайской империей.

ГЛАВА I

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАПАДНОГО ЛЯО

Китайские источники относят киданей к дунху (восточным варварам), т.е. связывают их происхождение с древнейшими монгольскими племенами ухуань, сяньби, мун, жуань и другими. По "Ляо ши", в III в. н.э. они выделились вместе с племенами юйвэнь и кумоси из племенной группы сяньби. В течение IV–VII вв. кидани вели непрерывные войны с мун, тоба, тюрками, уйгурами и другими племенами, а также с Китаем. К середине VIII в. объединение восьми киданьских племен приняло характер государствообразования во главе с ханом, а в начале X в. Абаоцзи из рода Елюй образовал на его основе государство. После целого ряда завоеваний на территории Монголии и Северного Китая складывается империя Ляо (Железная). В 916 г. Абаоцзи объявил себя императором и установил наследственную монархию. Новая империя в социально-экономическом и этническом отношении была неоднородной. Составлявшие ее многочисленные племена и народности находились на различных стадиях общественного развития – от родовых до развитых феодальных отношений. В силу этого экономика государства носила смешанный характер. Решающее значение, особенно в северных районах страны, имело кочевое скотоводство, большое место занимало земледелие. В империи были развиты ремесла, с преобладанием ткачества, шелководства, плавки металлов; велась оживленная торговля. В период своего наибольшего могущества империя Ляо охватывала юго-восточную и среднюю часть Монголии, значительную территорию Северо-Восточного Китая и северные провинции собственно Китая. Политическая история этой империи проходила под знаком непрерывных войн с соседями, в частности с Китаем, Кореей и другими государствами и племенами. Особо следует отметить войну с Китаем, которая велась на протяжении всего X в. и приняла ожесточенный характер после создания в Китае Сунской империи (960–1279). По мирному договору 1005 г. кидани стали получать ежегодную дань в сумме 100 тыс. лан серебра и 200 тыс. кусков шелка, а в 1074–1075 гг. добились от Сунской империи даже территориальных уступок.

Внутри империи происходили непрекращающиеся восстания различных подвластных племен, велась внутренняя борьба среди правящих знатных кланов, между феодалами и эксплуатируемыми массами, к концу XI в. усилились сепаратистские устремления племен, входивших в состав государства. Ослабленная империя Ляо не смогла в начале XII в. противостоять объединению усилившихся северо-восточных племен чжурчженей и Сунского Китая. Чжурчжэни, начавшие в 1113 г. под руководством Агуды борьбу с Ляо, довели ее к 1125 г. до победного конца, захватив почти всю территорию киданей и пленив их последнего императора. Для Сунской же империи антиляоский союз с чжурчжэнями знаменовался целым рядом поражений от киданей, а впоследствии и от союзников-чжурчженей и привел к потере почти трети территории. Начался период Южно-Сунской империи. В этих боях против чжурчженей и особенно против китайцев отличился будущий основатель государства Западное Ляо Елюй Даши. Именно он, возглавив не подчинившуюся чжурчжэньской империи Цзинь (1125-1234) часть киданей, увел ее на запад, в Среднюю Азию, где вскоре и основал государство, известное в китайских источниках под названием Западное Ляо (Си Ляо), а в мусульманских - государство китаев или каракитаев (кара-киданей, западных киданей, черных китаев, черных киданей, хитаев). Государство Западное Ляо, созданное на основе конгломерата племен, ядром которых были кидани, просуществовало почти сто лет и в 1218-1220 гг. погибло под ударами Чингис-хана.

1. Китайские источники

"Исход" киданьских племен на запад и история их государства - Западного Ляо - разносторонне отражены в многочисленных письменных источниках. Их обилие и разнообразие требуют классификации. То обстоятельство, что эта история протекала и в Восточной, и Средней Азии, обуславливает разделение источников на две основные группы: китайские и мусульманские (арабские и персидские).

Из первой группы необходимо выделить наиболее многочисленную подборку китайских сочинений, посвященных истории собственно киданей и их восточной империи. Эти источники помогают понять причины гибели могущественной империи Ляо и ухода на запад части киданьских племен, содержат необходимый фактический материал для воссоздания начальных страниц истории нового государства. Изучение путем экстраполяции этих произведений в целом и логическое осмысление отрывочных данных о государстве западных киданей, его социально-экономическом строе позволяет ответить на многие вопросы. Однако надо иметь в виду одну характерную особенность ки-

тайских исторических сочинений – их ярко выраженную тенденциозность. Почти все они пронизаны навязчивой идеей превосходства Среднего государства над окружающими народами. "Что касается фактического материала, то с учетом отмеченной тенденции в подаче его, неизбежных ошибок и непреднамеренных искажений, возможных в любой работе такого плана, его можно считать вполне достоверным"¹¹.

Количество этих источников огромно, но почти все они приводят лишь отрывочные сведения, по которым трудно составить общее представление и тем более соотнести их с данными о западных киданях¹². И только два сочинения – "Цидань го чжи" ("История государства киданей") и "Ляо ши" ("История династии Ляо") – дают систематическое изложение истории киданей.

В "Цидань го чжи" история киданей излагается со времени появления основателя государства Ляо Абаоцзи и доводится до 1125 г., т.е. до распада этой империи. Автором работы был помощник начальника императорского книгохранилища Е Лунли. Свое сочинение он написал и представил южносунскому императору Сюэ-цзуну (1163–1189) в 3-й луне 7-го года эры правления Чунь-си (1180). Сделал он это по повелению императора, который хотел иметь изложенную в последовательном порядке историю государства Ляо. В законченном виде сочинение Е Лунли составило 27 глав и пять дополнений. В этом труде содержится множество сведений о политической истории киданей, особенно о взаимоотношениях Ляо и Сун, приводятся дипломатические документы, дорожные записи китайцев, которые бывали в киданьских землях, сообщается о быте, культуре и обычаях киданей и окружающих их народов. Среди многочисленных китайских сочинений это первая дошедшая до нашего времени самостоятельная работа, посвященная истории другого государства. До этого все имеющиеся сведения о соседних государствах давались китайскими авторами как приложения к отдельным династийным историям.

В первых двенадцати главах раскрывается политическая история Ляо, главным образом взаимоотношения киданей с Китайской империей. Весь материал излагается год за годом, причем, даже если автору ничего не было известно о событиях, имевших место в каком-либо году, он все равно указывал дату, оставляя ниже пустую строку. Пять веков додинастической истории киданей, предшествовавших их выходу на политическую арену дальневосточного мира в качестве лидеров, таким образом, выпали из поля зрения автора. Причина этого заключалась в отсутствии памятников по раннему периоду, не считая кратких статей в династийных историях.

В главах с 13 по 19 даются биографии императриц, членов императорского рода и некоторых сановников, в том числе китайцев, состоявших на службе у киданей. В 20-й главе приводятся документы дипломатической переписки между северокайскими династиями

Поздняя Цзинь и Сун с империей Ляо. В числе этих документов и такие, как текст знаменитого договора Сун и Ляо от 1005 г., переписка двух императоров от 1042 г. в связи с территориальными претензиями Ляо и Сун и документ от 1074 г. о разграничении территории двух государств. В 21-й главе перечисляются дары, которыми обменивались Сун и Ляо от 1005 г., переписка двух императоров от 1042 г. в связи с территориальными претензиями Ляо к Сун и документ от 1074 г. о разграничении территории двух государств. В 21-й главе перечисляются дары, которыми обменивались Сун и Ляо, а также дары, преподносившиеся киданям правителями зависимых от них территорий, в 22-й — приводятся географические сведения, в 23-й — сведения о различных институтах, существовавших у киданей. В 24-й и 25-й главах воспроизводятся дорожные записки китайцев, побывавших в киданьском государстве. Глава 26 посвящена владениям, окружавшим киданей, а последняя, 27-я, рассказывает об обычаях киданей.

Сличение текста "Цидань го чжи" с текстами различных источников, проведенное В.С.Таскиным, показывает, что при написании своего труда Е Лунли использовал множество работ китайских историков. Преимущественно это были сунские авторы. Имеющиеся в его распоряжении источники он подвергал незначительным переделкам, выразившимся главным образом в сокращении отдельных деталей. Он сам отметил это в своем докладе императору: «Получив Высочайшее повеление, я тщательно собрал сохранившиеся сведения, отбросил излишние мелочи и составил "Историю государства киданей" для представления»¹⁴. Но такие сокращения в некоторых случаях привели к искажению источников. Так, например, на страницах "Цидань го чжи" нет даже упоминания о западных киданях. В 19-й главе приводится краткая биография основателя западнокиданьского государства Елюй Даши, заимствованная из "Сунмо цзивэнь" ("Записи об услышанном в Сунмо") Хун Хао, мимоходом сообщается о смерти Даши и о том, что "потомки их (киданей — Г.П.) сообщников все еще живут на земле, где они остановились"¹⁵. История западных киданей для южносунского сановника показалась несвязанной с историей его родины, поэтому он не обратил на нее внимания. На самом же деле, как показывает анализ сведений из других источников, в том числе и китайских ("Сун ши", "Цзинь ши", "Юань ши"), западные кидани все же поддерживали связь со своей бывшей родиной и даже принимали некоторое участие в политической жизни дальневосточного региона. Уже составители "Ляо ши" будут иметь это в виду при работе над летописью.

При написании "Цидань го чжи" Е Лунли, находясь в плену националистических чувств, порой произвольно обращается с историческими фактами, из нескольких версий принимая более выгодную для Китая, подчас искажая суть дела. Так, в главах, посвященных

распаду киданьской империи, нередко даются иные датировки, чем в "Ляо ши" и других династийных историях. Например, отличаются датировки битв при Ланьгоудяне и реке Байгоу, в которых Елюй Даши с незначительными силами разгромил отборные сунские войска. Е Лунли, описывая эти события, добавляет, что сунских воинов было немного, да и те "переправились по мосту через реку со знаменами и проклятиями, обращенными к населению"¹⁶. По возможности обходя молчанием союз Сун и чжурчженей против Ляо, Е Лунли объясняет измену китайцев правлением самозванца Яньвана, что по соображениям китайского этикета освобождало сунского императора от принятого обещания. Подобных примеров можно привести немало, поэтому "для правильного понимания текста целесообразно привлекать источники, которые легли в основу этого сочинения"¹⁷.

Кроме "Сунмо цзивэнь" Е Лунли опирается на сочинение Сыма Гуана "Цзычжи тунцзянь" ("Всеотражающее зеркало, управлению помогающее") и работу Ли Дао "Сюй цзычжи тунцзянь" («Летопись, продолжающая "Всеотражающее зеркало, управлению помогающее»»), в которой описываются события уже после воцарения династии Сун. Почти всю 25-ю главу занимает рассказ Ху Цяо "Сяньбэй цзи" ("Записки попавшего на север"), называющийся также "Сяньлу цзи" ("Записки попавшего к варварам") или "Сяньляо цзи" ("Записки попавшего в государство Ляо"). Этот китайский чиновник, пробывший среди киданей семь лет, вернувшись на родину, описал путь, по которому ехал к киданям, а также все, что ему привелось видеть и слышать среди них. Двадцать седьмая глава, посвященная обычаям киданей, полностью опирается на сочинение У Гуя "Яньбэй цзацзи" ("Различные записи о районе к северу от земель Янь"). В сочинении Е Лунли можно найти отрывки из "Мэнси битань" ("Разговор кисти у горного ручья, виденного во сне"), принадлежавшего Шэнь гуа (1031-1095).

Компилятивность труда Е Лунли, однако, не умаляет его значения, ибо, как писал известный русский монголовед Д.Позднеев, "сопоставление мелких данных, относящихся к одному и тому же факту, анализ текстов, трактующих об одном и том же в различных выражениях, — все это необходимо сделать раньше, чем приступить к строгой научной работе, а в трудах, подобных сочинению Е Лунли, оказывается уже выполненной совершенно или отчасти та полумеханическая работа, которая так трудно дается европейцам"¹⁸.

"История государства киданей" давно привлекала внимание исследователей. В середине прошлого столетия известный русский востоковед В.П.Васильев в своей работе "История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах" привел "небольшие статьи, которые хотя и не составляют официальной истории, но между тем не лишены интереса, тем более что написаны

частными лицами, жившими недалеко от описываемой ими эпохи"¹⁹. Это и были отдельные главы из "Истории государства киданей". Перевод В.П.Васильева в течение более ста лет оставался единственным в европейской науке (до перевода Р.А.Штейна)²⁰. Однако грубые ошибки в нем, в ряде случаев простой пересказ, естественно, не могут удовлетворять исследователя. Исходя из этих соображений, В.С.Таскин предпринял новый и полный перевод данного источника. Особую ценность это издание имеет еще и потому, что для комментирования текста переводчиком привлечены династийные истории.

Другое сочинение, имеющее большое значение как источник наших сведений о киданях, было составлено в основном либо самими киданями, либо китайцами, состоявшими на службе у киданьских государей. Это "Ляо ши" или "История династии Ляо". Она, в отличие от "Цидань го чжи", основное внимание уделяет не политическим и военным аспектам, а внутренней жизни киданьского народа.

В состав ляоского правительства входило так называемое управление государственной истории, возглавлял которое особый инспектор, ответственный за составление государственной истории. Этого чиновника выбирали из числа высших министров. Штат управления состоял из ученого историографа, редактора-историографа и составителя государственной истории. В "Ляо ши" упоминается, что впервые должность такого инспектора была введена в 9-й год периода правления Тун-хэ, т.е. в 991 г., но, вероятно, она появилась еще раньше. В 920 г. киданин Елюй Лубугу за помощь, оказанную в составлении "большого письма", получил от Тай-цзу назначение на эту должность²¹.

Инспектор со своими помощниками должен был выполнять самые различные работы. Прежде всего, они вели записи о поступках и словах императоров, называвшиеся цизцжюйчу (дневники деятельности и покоя). Императоры придавали этим дневникам огромное значение. Назначая Сяо Хань-цзяну на должность главного писца академии Ханьлинь с совмещением обязанностей составителя государственной истории, император инструктировал его: "Должности, связанные с составлением сочинений, создают славу государству. На них назначают только талантливые. По своим знаниям литературы ты являешься великим ученым нашего времени, поэтому назначаю тебя в академию Ханьлинь. Записывай правдиво наши слова и деяния"²². Читать эти материалы император не имел права, дабы не оказывать давления на составителей. Но ляоские правители не стеснялись удовлетворять свое любопытство. В 1076 г. император потребовал на просмотр эти записи и, когда ему было отказано, распорядился сурово наказать составителей: каждый получил 200 ударов палкой и был отстранен от должности²³.

На основе записей цизюйчжу и других источников составлялись затем так называемые жили (ежедневные записи). События в них излагались в хронологическом порядке. В 941 г. Тайцзун приказал написать официальную историю первого киданьского предка хана Цишоу, а император Шэн-цзун в 1003 г. потребовал при составлении ежедневных записей избегать мелких деталей.

Начиная с Шэн-цзуна, каждый император считал своим долгом составить и издать ши-лу (истинные записи). Они представляли собой более или менее связный рассказ о событиях, имевших место при предшествующем императоре. В 991 г. Ши Фан составил и представил императору свой труд в объеме 20 цзюаней (глав). В 1044 г. работа, состоявшая из 20 цзюаней, была написана Сяо Ханьцзяну. В 1085 г. император приказал учредить бюро по составлению общей истории киданьского государства. Бюро привело в систему и представило императору Дао-цзуну жизнеописания предшествующих императоров. Это была в некотором роде первая история государства. И, наконец, в 1103 г. при последнем императоре Тянь-цзо, группа чиновников под руководством Елюй Яня составила новые истинные записи, взяв за основу сочинение 1085 г.²⁴ Этот труд объемом в 70 цзюаней и послужил одним из источников для написания "Ляо ши", которая неоднократно цитирует целые отрывки из него.

Именно на основе этих цизюйчжу, жили, ши-лу при династии Цзинь, созданной чжурчженями, были предприняты две попытки заново написать историю ляоского государства. Цзиньский император Си-цзун, рассказавшийся в том, что в молодые годы "не знал стремления к учению", отдал распоряжение о составлении истории Ляо. Работу начал киданин Ила Цзыцин. После его смерти продолжил и закончил ее Сяо Юнци, тоже киданин по происхождению. Поэтому и сочинение, состоящее из 75 цзюаней, получило название истории Сяо Юнци. Оно было представлено императору в 1148 г.²⁵, но вскоре признано неудовлетворительным, ибо многие чиновники возражали вообще против написания стандартной истории для варварской династии киданей. Началось составление нового варианта. С 1189 по 1207 гг. над ним трудились 13 чиновников, из которых около половины были киданями. Правительство даже издало специальное постановление, предписывающее населению сдать властям все материалы, имеющие отношение к истории Ляо. Новый вариант получил название истории Чень Даженя.

Только при монгольской династии Юань была окончательно составлена история Ляо. Среди чиновников поначалу развернулся интересный спор. Одна группа утверждала, что кидани узурпировали власть на территории китайской империи и поэтому их история должна быть включена в описание сунской династии. Другая группа считала, что Ляо была независимым северным государством и заставляла даже китайских императоров признавать вассальную зависимость,

поэтому история Ляо должна быть представлена как самостоятельное произведение. Каждая группа так энергично отстаивала свою точку зрения, что работа была временно отложена. Только в 1343 г. особый комитет из 23 человек во главе с монголом Токто (Тото) возобновил работу, "чтобы не лишиться источника сведений"²⁶. Разгорелся прежний спор, но Токто вынес соломоново решение, заявив, что Ляо, Цзинь и Сун были ортодоксальными династиями и потому история каждой из них должна быть датирована в соответствии с ее собственным календарем. Написание труда было закончено на следующий год. Такие быстрые темпы, объясняются тем, что история составлялась по частям отдельными лицами и из готовых материалов, которые переписывались с небольшими изменениями.

"Ляо ши" построена на основе трех источников: истинных записей Елюй Яня, истории Чень Даженя и "Идандь го чжи" Е Лунли. Так появился современный вариант "Ляо ши", являющийся одной из 24 китайских династийных историй. В летописи четыре традиционных раздела (бэньцзи, няньбяо, шу и лэжжуань), 116 цзюаней. Издавалась она 34 раза. Самое доступное – наиболее полное издание "Бо-на", вышедшее в 1931 г., включающее все 116 частей сочинения. Оно фотостатически воспроизведено с большого количества неполных изданий, появившихся при монгольской династии Юань. Именно этим изданием пользуется большинство современных исследователей.

Первые 30 глав "Истории династии Ляо" занимает раздел бэньцзи, где излагаются события, имевшие место при отдельных императорах. Следующие три главы объединены в один раздел – инзэй чжи. Эти записи о защите лагеря отражают кочевой уклад киданей, дают сведения об ордо-императорской гвардии, о походных лагерях киданьских императоров, о киданьских племенах и племенах, зависимых от империи Ляо. В 34–36-й главах рассматривается военная организация империи и система комплектования армии. В главах 37–41 содержится географическое описание киданьского государства. Главы 42–44 посвящены системе летоисчисления, принятой в империи Ляо, 45–48 – структуре государственного аппарата и его функциям, 49–53 – светским и религиозным церемониям, 54 – музыке, 55 – колесницам, 56 – одежде и 57 – придворному ритуалу. Данные о системе землевладения и формах эксплуатации населения содержатся в 59–60-й главах, об уголовном законодательстве – в 61–62-й. В состав раздела бяо (таблицы) входят главы 63–70, включающие предысторию киданей, составленную на основе династийных историй "Бэй-шу", "Суй-шу" и "Цзю тан-шу", краткие биографии членов императорского рода, сведения о выездах императоров, перечисление зависимых племен и владений. Биографиям императриц и наиболее крупных сановников посвящены главы 71–114. В 115-й главе приводятся сведения о соседних странах – Гаоли и Западном Ся. И, наконец, в 116-й главе находится

словарь, большая часть слов которого относится к именам собственным и титулам. Таким образом, в "Ляо ши" содержится обширный материал для исследования различных сторон жизни киданьского государства.

Несколько слов необходимо сказать о переводе "Ляо-ши" на маньчжурский язык. В 1636 г. министр комитета по обнаружению законов Хифэ вкупе со своими подчиненными чиновниками Вамба, Чабухаем и Ваньвонькуем представили "почтительнейший доклад" императору Тай-цзуну (1636-1643), в котором указали на важность знаний событий древней истории, зафиксированных в летописях и указах государей. Памятуя мудрую пословицу "добро - мой учитель, зло - тоже мой учитель" и исходя из того, что люди мало изменились по сравнению со своими далекими предками, они призывали государя изучить поступки императоров Ляо, Цзинь и Юань, а для того повелеть перевести их истории. И Тай-цзун, пожелавший знать детали истории, законы и обычаи этих народов, чтобы "постоянно внимательно рассматривать их", издал указ о переводе на маньчжурский язык летописей этих империй²⁷. В переводе предстояло выпустить "непригодные места", возвеличить "все удачи добрых дел" и рассмотреть "неудачи злых дел", т.е. новое сочинение должно было носить назидательный характер. В том же 1636 г. целая группа чиновников под общим руководством Хифэ приступила к работе и закончила ее в 1639 г., а в 1644 г. вручила сочинение преемнику Тай-цзуна - императору Шицзу (1644-1661). В 1646 г. переводы вышли в свет и стали таким образом доступны тем, кто владел маньчжурским языком.

"Ляо ши" привлекает нас не только тем, что мы можем извлечь из нее массу сведений о социально-экономическом строе киданьских племен. В конце 30-й главы раздела бэньцзи содержится особый параграф, посвященный истории Си Ляо. Сведения, содержащиеся в нем, а также в других главах о последних днях существования империи Ляо, более полны по сравнению с данными "Цидань го чжи". Уже ко времени создания цзиньского варианта "Ляо ши" (история Чень Даженья) государство западных киданей пользовалось широкой известностью в Центральной Азии, к тому же оно было заклятым врагом чжурчженей. Западнокиданьские эмиссары неоднократно подстрекали киданей-подданных Цзинь на восстания. Сунские императоры радовались этим инцидентам и поддерживали с Си Ляо активные отношения. А монгольским воинам пришлось вести непосредственные военные действия против западных киданей. Западнокиданьское государство являлось существенной преградой на пути Чингис-хана к мировому господству. Естественно поэтому, что монгольская историография, которая должна была обосновать "право" монгольских хаганов на мировое господство, не преминула ввести его историю на страницы "Истории династии Ляо". Характерно, что государство западных киданей в "Ляо ши"

рассматривается как прямое продолжение киданьской империи во времени и пространстве. Это ощущение преемственности особенно ясно видно из названия государства – Си Ляо, т.е. Западное Ляо.

При пользовании "Ляо ши", особенно применительно к истории западных киданей, необходимо сверять данные этой летописи, в частности даты, с другими китайскими, мусульманскими и западноевропейскими источниками. Так, например, в 30-й главе "Ляо ши" сообщается о том, что Елюй Даши был провозглашен императором после победы у Синь-сю-каня (Самарканда) и даже называется конкретная дата: 5-й день 2-го месяца II24 г. Налицо явное противоречие. Во-первых, мусульманские источники вторжение кара-киданей относят к II28 г., не ранее. Во-вторых, сама "Ляо ши" сообщает о том, что движение на запад началось в день цзя-у 2-го месяца. Она не называет год, но по подсчетам Лян Каньдуня это могло произойти только в II30 г., ибо ни один из предыдущих годов не имеет подобного дня во втором месяце²⁸. Цинский ученый Цянь Ласинь считал, что отрывок, содержащий дату цзя-цзень (5-й день 2-го месяца), просто заимствован составителями "Ляо ши" из другого источника и вставлен с целью прославления Елюй Даши²⁹. Действительно, подобная дата в китайском шестидесятилетнем цикле могла быть только в II24 г., а по данным некоторых цзиньских источников, Елюй Даши известен в качестве императора именно с этого года³⁰. Это подтверждают "История государства киданей" Е Лунли и даже сама "Ляо ши", в 29-й главе которой содержится сокращенная и значительно искаженная версия рассказа о бегстве Елюй Даши от императора Тянь-цзо, более полно изложенного в 30-й главе и датированного II24 г.

Далее. По "Ляо ши" кидани прошли на территорию Средней Азии только одним путем – через Восточный Туркестан. Мусульманские же источники (Джувейни) говорят о попытке вторжения киданей на территорию кыргызов. Решительный отпор кыргызов показал Елюй Даши, что путь в Сибирь закрыт. В "Ляо ши" есть лишь косвенное подтверждение этого. Раньше кыргызы были подданными Ляо: есть сведения о посольствах от енисейских кыргызов в 930, 952 и 975 гг. Кыргызы находились в ведении управления по делам вассальных государств северной стороны, где существовала должность пограничного генерал-губернатора. В последнем разделе лечжуань (жизнеописания), в биографиях Елюй Даши (цз. 77) и Пяньду (цз. II3) упоминается факт ссылки мятежников братьев Люгэ и Пяньду во владения кыргызов на Енисее. Однако после разгрома киданьской империи чжурчжэнями среди племен, примкнувших к Даши или оказавших ему помощь (цз. 30), кыргызов не было.

"Ляо ши" дает достаточно подробную хронологию событий в отличие от мусульманских и некоторых китайских источников. Однако не все периоды истории западных киданей освещены ею одинаково.

Очень скупо говорится о Даши до его похода на запад. Это можно объяснить его явно двусмысленной ролью в событиях периода разгрома Ляо. Зато остальные сунские источники не считают нужным скрывать ни службу в цзиньской армии, ни прочие неблагоприятные поступки Даши. Очень мало сообщает "Ляо ши" о финальном периоде. Это тоже понятно, ибо мусульманские авторы больше интересовались военными походами Чингис-хана.

Некоторые события, получившие отражение в мусульманских источниках, не находят подтверждения в "Ляо ши". Так, Абу-л-Фарадж приводит письмо несторианского митрополита Самарканда своему католикусу в 1046 г. о выходе из гор между Тибетом и Хотаном и появлении у Кашгара какого-то многочисленного кочевого народа³¹. Он считал их киданями³². Он же сообщает о вторжении киданей в Семиречье в 1010 г. Его сведения подтверждают Утби, Ибн ал-Асир и другие мусульманские историки. Однако в "Ляо ши" нет упоминания об этом, а между тем военные походы не могли остаться незамеченными³³.

На русский язык "Ляо ши" до сих пор полностью не переводилась. В 1869/70 учебном году по предложению факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета студентом третьего курса М.Н.Суровцовым была выполнена работа "О владычестве киданей в Средней Азии". Для того чтобы написать ее, Суровцов перевел на русский язык "Ляо ши", хотя, видимо, не полностью. Сейчас этот перевод считается утерянным, работа Суровцова, до сих пор не опубликованная, хранится в архиве востоковедов ЛОИВ АН СССР³⁴. Отдельные выдержки из "Ляо ши" в переводе на русский язык используются в трудах А.Г.Малаявкина и В.С.Таскина³⁵.

Большие и важные фрагменты китайского варианта "Ляо ши" в свое время переводились на английский и французский языки³⁶. Маньчжурская версия ("Дайляо гуруни судури") была переведена на немецкий язык Габеленцем³⁷. Л.В.Тирминой выполнены переводы его труда и маньчжурского текста на русский язык, отдельные части двух глав "Истории государства Дайляо" опубликованы³⁸. Западным киданям в маньчжурском тексте отведено специальное приложение, представляющее собой фрагментарный конспект "Ляо ши".

Хотя в "Ляо ши" и содержится обширный материал для исследования самых различных сторон жизни киданьского государства (политической истории, социально-экономических аспектов, культуры, военной организации и т.д.), тем не менее очень многие сведения, имеющиеся в многочисленных китайских источниках, не нашли в ней отражения. Поэтому цинский историк Ли Э в 1743 г. написал работу "Ляо ши ши" ("Подборка пропущенного в истории династии Ляо"), в которой привел огромный неиспользованный материал. Книга составлена таким образом, что отдельные события, описанные в

"Ляо ши", дополняются сведениями из китайских источников. Она состоит из 24 глав.

В 1794 г. появилась еще одна работа, в которой даны дополнительные сведения о киданях из "Цзю удай ши" ("Старой истории пяти династий"), не использованные Ли Э, а также сведения из других источников. Эту работу, состоящую из пяти глав, написал тоже цзинский ученый Ян Фуцзи. Называлась она "Ляо ши ши бу" («Дополнение к сочинению "Подборка пропущенного в истории династии Ляо»»).

Чжурчжэнская империя Цзинь была одной из самых влиятельных сил в Центральной Азии. Однако чжурчжэни не вели, в отличие от ханьской или танской империй, активной торговли с далекими западными странами, а военная опасность угрожала им практически лишь со стороны монголов, да и то в конце династии. Это обусловило то, что в цзиньских источниках содержатся довольно скудные сведения о западных киданях, которые по-прежнему именуются киданями, а государство их — Ляо (или царство Даши). Это, естественно, отражало существовавшее у цзиньцев ощущение преемственности, когда речь шла о киданях и о их новом государстве.

"Цзинь ши" ("История династий Цзинь") составлена тем же комитетом под председательством Токто, что и "Ляо ши". Хотя вопрос о создании истории Цзинь возник сразу после падения цзиньской столицы Кайфына и захвата монголами государственных архивов, вышла в свет она лишь в 1344 г., после пятой попытки. Крупный исследователь и писатель Оуян Сюань при последнем юаньском императоре Шунь-ди организовал ученый комитет и поиски источников. В основу летописи были положены истинные записи (ши-лу), составлявшиеся еще при жизни императоров. Хроника, состоящая из четырех традиционных разделов (бэньцзи, няньбяо, шу и лэжжуань) и 125 цзюаней, охватывает события периода 1115–1235 гг.

Весьма подробно освещаются в "Цзинь ши" события, связанные с распадом империи Ляо и уходом киданьских племен на запад. В отличие от "Ляо ши" она детально описывает службу Даши в цзиньской армии (цз. 2, 72, 74, 121), упоминает о многих военных сражениях, которые он провел, дает интересные сведения о борьбе чжурчжэней с объединившимися под командованием принца киданьскими отрядами (цз. 3, 73, 74, 121), попытках цзиньского правительства помешать гурхану создать античжурчжэнскую коалицию (цз. 73, 74, 121). Из нее мы узнаем о провокационных действиях западокиданьских эмиссаров на границах империи и активных связях Сун с Си Ляо (цз. 3, 50, 88, 94, 132, 133). В цзюанях 8 и 94 сообщается о том, что цзиньская администрация даже пыталась разработать целый план сдерживания западных киданей, для чего использовала и традиционную китайскую политику "разделяй и властвуй".

В I2I цзюане содержится биография чжурчжэньского сановника Няньгэ Ханьну, из которой становится известно, что в II44 г. уйгурское посольство привезло весть о смерти Елюй Даши и о распространении пределов его царства до границ Западного Ся. С этим уйгурским посольством в обратный путь поехал послом к кара-киданям Няньгэ Ханьну. Он пропал без вести, и только много позднее чжурчжэни узнали, что их посол нашел смерть в II46 г., отказавшись сойти с коня перед кара-киданьским императором и потребовав, в свою очередь, чтобы тот пешим принял цзиньскую грамоту.

В биографии также сообщается, что в II75 г. на цзиньскую границу прибыли три купца, которые рассказывали, что живут в городе Гу-сы-э-лу-до, кара-киданьской столице. "Старики передают, что в прежние времена, когда пришли кидане, они не могли оказать им сопротивления и поэтому подчинились им. Если ехать на лошади вокруг лагеря, в котором живут кидане, то с рассвета и до полудня его можно объехать только один раз"⁴⁰.

Любопытно сообщение, что в II75 г. цзиньскому правительству подчинились вожди нескольких племен, объединенных племенем канглов. Они передали таблички и печати, которыми наградил их Елюй Даши. Тем самым подтверждается известное сообщение мусульманского историка Ибн ал-Асира о том, что "каждый из царей, кто подчинился им, прикреплял на своей груди подобие серебряной дощечки: таков знак того, кто им подчиняется"⁴¹. Число таких вассальных владений было довольно значительно. Под непосредственным управлением гурханов, как это видно и из "Цзинь ши", а не только мусульманских источников, находилась в основном лишь южная часть Семиречья. Кара-киданьским правителям неоднократно приходилось посылать войска против мятежных племен (цз. 7, I2I).

"Цзинь ши" неоднократно привлекала внимание китайских и зарубежных исследователей. Минский автор Ян Сюньцзи составил "Цзинь сяо ши" ("Малую историю Цзинь") в восьми цзюанях, имевшую некоторые расхождения с юаньской версией. Маньчжуры в целях преодоления античжурчжэньских тенденций в тексте создали в 1936 г. специальную комиссию, которая на базе истинных записей императоров составила свой вариант под названием "Айсин гурун исудири" ("История государства Цзинь"), вышедший в свет в 1647 г.⁴²

На русский язык в 1942 г. был переведен А.Г.Малаявкиным первый цзюань юаньского варианта "Цзинь ши"⁴³. Студент Пекинской духовной семинарии Григорий Розов сделал перевод маньчжурского варианта на русский язык, который хранится в архиве востоковедов ЛОИВ АН СССР⁴⁴. Переведен он и на французский язык⁴⁵.

Некоторые сведения о политической истории Восточной Азии в период распада киданьской империи можно найти в "Да Цзинь го чжи" ("Записки о государстве Великая Цзинь"), составленных Юйвэнь Мао-

чаю (в 40 цзюанях), и в "Да Цзинь дяофа лу" ("Записки об успокоении народа и о наказании (мятежников) при Великой Цзинь") в четырех цзюанях, содержащих интересный материал об отношениях между Сун и Цзинь в 1122-1130 гг. В первом сочинении, в частности, сообщается любопытный факт о попытке сына Елюй Даши гурхана Или наладить отношения с чжурчжэнями (цз. 14 л., 1 а). Цзиньский полководец Бо-лун-дунь был назначен инспектором с заданием провести войска в район города Хо-дунь, где они должны были заняться распашкой земли. Или послал на помощь несколько патрульных сотен⁴⁶.

Одно из первых мест по обилию фактического материала среди китайских исторических сочинений занимает "Сун ши" ("История династии Сун"). Составление ее велось с весны 1343 до конца 1345 г. по специальному распоряжению каньского двора официальным комитетом во главе с Токто. Подобно всем чжэн ши она представляет собой компилятивное собрание разнообразных материалов, созданных еще в период правления династии Сун и специально подготавливавшихся комитетом для будущей династийной истории. Все эти материалы надлежащим образом обработаны, систематизированы и сгруппированы по четырем разделам (бэньцзи, няньбяо, шу и лэчжуань). Пользоваться этим огромным по объему (496 цзюаней) сводом не совсем удобно, ибо, как писал известный русский китаевед В.П.Васильев, династийные истории не отвечают самым элементарным требованиям научной публикации из-за "странного расположения, которое заставляет занимающихся перебирать все сочинение для того, чтобы получить полное понятие об одном каком-нибудь отдельном событии"⁴⁷. Тем не менее главы, посвященные событиям начала XII века и периода первых войн Чингис-хана, дают возможность привлечь дополнительный материал для освещения истории образования государства каракиданей и разгрома этого государства⁴⁸. То обстоятельство, что "Сун ши" окончательно составлялась уже при монгольских завоевателях, обусловило определенную объективность некоторых содержащихся в ней сведений. Так, например, при описании битвы при реке Байгоу составители в отличие от Е Лунли не скрывают масштабов разгрома сунской армии, которая понесла огромные людские потери. Запасы провианта, откладывавшиеся со времен Ван Ань-ши, целиком попали в руки победителей (цз. 357).

В хронике монгольской династии "Юань ши", содержащей сведения по истории Китая и Монголии 1206-1368 гг., также говорится и о западных киданях. Эта летопись была составлена в поразительно короткие сроки: 16 авторов во главе с Сун Лянем и Ван Вэем приступили к работе 9 марта 1369 г., а в следующем году уже были готовы все 210 цзюаней. Она состоит из четырех традиционных частей (бэньцзи, няньбяо, шу и лэчжуань). Осуществление столь грандиозного предприятия за такой короткий срок стало возможным толь-

ко потому, что составители располагали готовыми материалами. Источниками для "Юань ши" послужили летописи монгольских ханов, созданные при юаньских императорах (ши-лу), огромный компилятивный труд под названием "Цзинь-ши дадянь" ("Великий закон правления миром") из 894 цзюаней, составленный в 1331 г., и ряд других материалов. Неудивительно поэтому, что сведения из этой летописи во многом сходны с такими известными монгольскими хрониками, как "Нигуча Тобчиян", "Алтан дебтер", "Шэн-у цинь-чжэн лу" и повествованием известного иранского историка Фазлаллаха Рашид ад-Дина.

Для нашей темы интересно описание похода войск Чингис-хана в Среднюю Азию и его борьбы с Кучлуком и найманами. По разделу баньцзи можно проследить политические события в их хронологической последовательности. Однако слишком лаконичное изложение не позволяет составить полную картину событий, и поэтому исследователю приходится обращаться к другим частям "Юань ши". В частности, интересные сведения о стране западных киданей содержатся в разделе лешуань (биографии). Особенно интересна биография Хэсмайли⁴⁹. Он был родом из Гу-цзе-ва-р-до, служил в качестве ба-су-ха (сборщика налогов) в администрации гурхана. Перейдя на службу к монголам, участвовал во многих их походах, возглавлял авангард монгольских войск, в состав которого, вероятно, входил и отдельный десяти тысячный корпус, сформированный из остатков армии каракиданей. Хэсмайли участвовал в штурме Нишапура, разгроме Джелаль-ад-Дина, походе монгольских войск на Кавказ, битве на реке Калке и за все свои подвиги в 1240 г. получил звание гуй-си-кюй-да-шуй – покорителя западных стран.

Определенный вклад в изучение общественного строя западных киданей вносят сведения "Юань ши" о дворе гурхана и некоторых титулах западнокиданьских чиновников (цз. 120, 124). Титул Хэсмайли – ба-су-ха – наводит на мысль о том, что "каракиданьская территория, которая первоначально принадлежала караханидам, даже в каракиданьское время сохраняла свой тюркский характер"⁵⁰. Таким образом подтверждается сообщение Ибн ал-Асира: "Когда они занимали город, то для жителей его ничего не меняли, только брали с каждого дома по динару – с жителей городов и, кроме того, с деревень"⁵¹.

"Юань ши" указывает на большое влияние при дворе буддийских священников и уйгуров (цз. 124). Она позволяет в значительной мере дополнить рассказ других китайских источников о судьбе Кучлука и его семьи (цз. I, 121), о восстании уйгуров против каракиданьского владычества (цз. I, 124).

В 149 цзюане говорится о том, что войска Чингис-хана все-таки сражались с западными киданями. Дело в том, что о состоявшемся якобы между Кучлуком и монгольским полководцем Чжабе столкно-

влении сообщает только хивинский хан Абулгази (1603-1663)⁵². Оперт видел подтверждение "этого единственного, к тому же очень позднего, известия"⁵³ в рассказе французского монаха Плато Карпини о битве в "узкой долине между двух гор", где монголы разбили найманов и кара-киданий⁵⁴. В.В.Бартольд сомневается в подлинности сведений Карпини, ибо тот "сообщает это известие не при изложении своего маршрута, а в главе о монгольских завоеваниях, заключающей в себе, как известно, много неточностей. Ввиду этого мы не можем знать, где находилось поле битвы, о котором он говорит, и действительно ли в битве принимали участие названные им народы". Абулгази же, по его мнению, неправильно понял текст Рашид ад-Дина, который сообщает, что Кучлук бежал прежде, чем монголы успели начать битву⁵⁵. Сведения о том, что западнокиданьские города не сразу сдались монголам и некоторое время, видимо, выдерживали осаду, открыв ворота только после того, как Хасымайли показал им голову Кучлука, и приведенное сообщение "Юань ши" заставляют прислушаться к словам Абулгази. "Юань ши" относит разгром 30-тысячной армии кара-киданий к 1214 г., "Синь юань ши" датирует ее 1219 г., что, вероятно, ближе к истине⁵⁶.

"Юань ши" выдержала несколько изданий при минской династии, а при маньчжурской династии вышел в свет сокращенный перевод ее на маньчжурский язык⁵⁷. На русский язык она была частично переведена Н.Я.Бичуриным⁵⁸. Сведения о западных киданях из этой хроники приводятся в работах Э.В.Бретшнейдера, Ф.Царнке и др.⁵⁹

Помимо этих главных источников есть много других, привлечение которых при работе над историей западных киданей также необходимо. И хотя в них нет конкретных данных о киданях и их западном государстве, все же содержится немало сведений о политической обстановке в Восточной Азии в XII-XIII вв., о взаимоотношениях различных государств, в том числе Сун, Цзинь и Западного Ся - ближайших соседей Си Ляо. Количество их огромно, поэтому здесь перечисляются только самые основные. Это летопись "Цзы чжи тун цзянь" ("Всепроницающее зеркало, управлению помогающее", Сыма Гуан и др., XI в., 294 цз.), "Сюй цзы чжи тун цзянь чан бянь" («Материалы, продолжающие "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее», Ли Дао, 1183), юаньская энциклопедия "Вэньсянь тункао" (Ма Дуаньлинь, 348 цз.), "Сань чао бэй мэн хуйбянь" ("Летописный сборник о сношениях с Севером в период трех царствований", Сюй Мэнсинь, 1194, 250 цз.), "Цзы чжи тун цзянь ган му" (Чжу Си, ок. 1190 г., полное издание в 1707 г., 104 цз.) и "Сун-мо цзивэнь" ("Воспоминания о Сунмо", Хун Хао, 1143 г., 2 цз.)⁶⁰.

Обширные сведения о районах Семиречья, где господствовали западные кидани, могут быть получены из заметок китайских путешественников. "Чан Чунь чжэн-жэнь сиюцзи" ("Записки о путешествии

на Запад праведника Чан Чуня") – наиболее ценное из этих повествований. Это рассказ о путешествии даоского проповедника Цю Чуцзи, более известного под своим монашеским именем Чан Чунь. Он был учеником основателя даоской секты "Полной чистоты" в г.Нинхэе (провинция Шаньдун) и в 1170 г. после смерти учителя стал ее главой. Чингис-хан узнал о нем от китайцев, перешедших на службу к монголам, и летом 1219 г., находясь на Иртыше, вызвал его в свою ставку. Он надеялся получить от мудреца "лекарство для вечной жизни", буквально поняв даоское учение о Дань (философском камне), хотя та школа, к которой принадлежал Чан Чунь, отказалась от опытов с химическими веществами и искала это сокровище не в материальном, а психическом мире, стремясь лишь к достижению безмятежного философского спокойствия. Чан Чунь обрадовался возможности оказать влияние на "завоевателя мира" и отправился в путь. Ставка в это время была уже в Средней Азии, поэтому философу пришлось совершить свое путешествие из Северного Китая в Среднюю Азию. Вместе с обратной дорогой оно заняло четыре года (1220–1224). "Симцзи" представляет собой дневник путешествия, который вел на протяжении всего пути один из учеников Чан Чуня Ли Чжичан (1193–1278). Он и отредактировал его окончательно в 1228 г.

Двигаясь вдоль северных отрогов Тянь-Шаня, Чан Чунь прошел через бывшие владения империи кара-киданей. Он посетил эти места после потери кара-киданами их среднеазиатских владений. "Симцзи" свидетельствует о существовании земледелия в окрестностях кара-киданьской столицы Баласагуна, которая названа именем основателя государства Даши Линья. Население обрабатывало землю, возделывало виноградники и выращивало шелковичных червей. При отсутствии осадков необходимая влага добывалась посредством каналов, отводивших воду из рек на поля. Удивленный всем увиденным в Семиречье, особенно местным ремеслом, Чан Чунь отмечает, что все здесь значительно лучше, чем в Китае⁶¹. Его рассказ позволяет нам в значительной степени смоделировать картину западноазиатской экономики.

Особенно восторгается Чан Чунь Самаркандом, которому посвятил несколько стихов. Некто сообщил ему, что остатки киданей бежали в Синь-сю-гань (Самарканд), самую лучшую местность мусульман, и основали там столицу. Китайский ученый Ван Говэй на основании этого высказывает предположение, что первоначально столица западных киданей находилась в Самарканде, затем появилась еще одна столица Куз-ордо. "Вероятно, Самарканд и Куз-ордо – две столицы киданей – западная и восточная". В различных источниках обе столицы иногда называются именем первого гурхана – Даши, Ши, Даши-линья⁶².

Любопытно сообщение автора "Записок" о том, что мусульманам не разрешалось самостоятельно распоряжаться своими полями и сада-

ми: они обязаны были "управлять своим имуществом вместе с киданями"⁶³. Если сопоставить это сообщение с рассказом трех купцов из "Цзинь ши" о том, что жители столичной области за пользование землей платили правительству десятину, а остальные подданные — натуральный или денежный налог⁶⁴, то станет ясно, что кара-киданьские гурханы, как и ляоские императоры, использовали аналогичную практику изымания прибавочного продукта у непосредственного производителя. Надо полагать, доходы казны были немалыми, ведь территория кара-киданьской державы была огромной — по словам автора "Си-ю-цзи", она простиралась на 10 тыс. ли в каждом направлении⁶⁵.

Первым из европейских ученых обратил внимание на "Си-ю-цзи" русский китаевед П.И.Кафаров (1817–1878) и опубликовал полный перевод их на русский язык⁶⁶. Этот труд отличается точностью и остается пока единственным полным переводом. Однако пользоваться им нелегко, так как он не снабжен достаточным комментарием. В конце прошлого столетия Э.Бретшнейдер перевел "Си-ю-цзи" на английский язык⁶⁷. Его перевод прокомментирован довольно тщательно, особенно в плане исторической географии, однако в нем содержатся неточности, и поэтому он нуждается в исправлениях и дополнениях, уточнениях с учетом новейших достижений синологии и монголоведения. Э.Бретшнейдер своей целью ставил лишь исследование географических терминов, поэтому перевод сделал сокращенным, многие пассажи источника просто пересказал.

В 1925–1926 гг. китайский ученый Ван Говэй составил комментарий к "Си-ю-цзи", и в таком виде это сочинение вошло в сборник "Мэн-гу ши-ляо сы-чжун" ("Четыре источника по истории монголов"), а также в посмертное собрание сочинений ученого⁶⁸. В 1931 г. был опубликован новый перевод "Сиюцзи" на английский язык⁶⁹.

"Бэй ши цзи" ("Записки о посольстве на север") — это рассказ о посольстве Угусунь Чжундуаня, цзиньского посла к Чингис-хану в 1221–1222 гг. Хотя его отчет и называется "Записки о посольстве на север", в действительности посол путешествовал на запад, ибо Чингис-хан в это время находился в предгорьях Гиндукуша.

Это интереснейший источник по исторической географии Центральной Азии. Однако при изучении его следует учитывать тенденцию чжурчженей опускать известное в частных записках. Поэтому-то Угусунь Чжундуань многие центральноазиатские народы только перечисляет. Меркиты, найманы, уйгуры, карлуки ему неинтересны, так как хорошо известны. С неизвестным он впервые сталкивается в Си Ляо.

Автор подробно описывает сельскохозяйственную продукцию страны: просо, ячмень, пшеницу, коноплю, хлопок, арбузы, виноград, яркие яблоки, лук, дыни, тыквы. Жители страны, подобно китайцам, возделывали все пять родов хлебных растений, сажали тутовые деревья. На мельницах размалывали пшеницу и шелушили рис. Виноград-

ное вино, которое выделяли западнокиданьские виноделы, славились далеко за пределами государства.

Хотя местной экономике был нанесен существенный ущерб монгольским вторжением, она смогла удивить китайского путешественника. Он с восхищением пишет о том, что жители добывали соль из гор (каменную соль), серебро, жемчуг. Местные ремесленники с большим искусством изготавливали окна и вазы из чистого стекла, телеги, одежды, корабли. Оружейники поставляли в армию стрелы, луки, копья, доспехи. В многочисленных стадах было много диких животных — одnogорбых верблюдов-дромадеров, быков особой разновидности, овец с большими хвостами. Все было необычным для китайского наблюдателя.

Автор "Записок" сумел заметить начало процесса ассимиляции пришельцев местным населением и понял, что это обусловлено более высокой степенью развития культуры среднеазиатских народов. "В настоящее время осталось мало жителей (т.е. кара-киданей — Г.П.), они переняли обычаи и одежду хуйхэ (мусульман)". И это не удивительно, ведь население Западного Ляо представляло конгломерат протомонгольских, тюркских, тангутских и, возможно, даже тунгусских элементов. Угусуня очень удивили бородатые городские мусульмане, которыми, видимо, были представители старого иранского населения⁷⁰. Он отмечает множество мусульман, выходцев из Индии. Последнее наблюдение весьма любопытно, ибо позволяет предположить, что они наряду с китайцами могли участвовать в процессе распространения буддизма в западнокиданьском государстве. Данные археологических раскопок также свидетельствуют в пользу этого предположения. "Общий облик, как божеств, так и окружающих деталей — мифологических зверей, охраняющих Будду, лягушек, лотосов, показывает, что эти статуи восходят в истоке не только к китайским прототипам, но и прекрасным образцам классического искусства древней Индии", прежде всего "гандхарским (североиндийским) образцам"⁷¹.

Местное население, приметил Угусунь, пользовалось значительной свободой: юридические документы составлялись на арабском языке, в стране продолжала обращаться традиционная мусульманская валюта и т.д. Интересно, что автор "Записок" одной из причин гибели государства считает деятельность Кучлука. Если первый гурхан обладал выдающимся умом и сильным характером, что признавалось даже чжурчжэньским императором, то последний правитель был ничтожеством, вздорным и подозрительным человеком. Он не доверял никому, поэтому страна плохо управлялась и в конце концов погибла.

Возникновение государства Угусунь Чжундуань относит к 1131 г., что хорошо согласуется с данными остальных китайских и мусульманских источников.

Перевод "Бэй ши цзи" выполнен Э.В.Бретшнейдером⁷².

Третьим повествованием времен западного похода, содержащим сведения о западных киданях, является "Си-ю-лу" ("Записки о путешествии на запад"). Их автором является видный государственный и военный деятель Юаньской династии в Китае, ученый и писатель, потомок правящего рода киданьской империи Елюй Чуцай (1190-1244). В 1214 г. правителями чжурчженской империи он был назначен наместником Пекина, но после захвата его монголами (1215) перешел на службу к Чингис-хану. Вместе с Чингис-ханом участвовал в завоевательных походах в Среднюю Азию (1219) и в Индию (1224). Он сыграл большую роль в установлении у монгольских завоевателей феодальных государственно-правовых институтов.

Разъезжая по Средней Азии, Елюй Чуцай, вероятно, вел дневник. В 1228 г. в Яньцзине он окончательно отредактировал свои "Записки" и издал их в 1229 г. Вскоре его сочинение стало библиографической редкостью, в дальнейшем, видимо, вообще исчезло. Поэтому вплоть до недавнего времени исследователи пользовались лишь отрывками, которые сохранились в других сочинениях. Только сравнительно недавно в императорской библиотеке в Токио был обнаружен список полного текста "Си-ю-лу", привезенный одним японцем в Японию в 1236 г. Он был опубликован в 1927 г. ученым Канда Синчо.

Китайский ученый Чэнь Юань считает, что быстрое и почти полное исчезновение "Си-ю-лу", вероятно, было делом рук Елюй Чжу - сына Елюй Чуцай. Хотя Елюй Чуцай и был буддистом (с 1215 г.), он терпимо относился к представителям других религий. В 1222 г. в районе Самарканда он встретился с Чан Чунем, главой даосской секты "Цюань Чжэнь" ("Полная чистота"), подружился с ним и даже написал на его рифмы 45 своих стихов. Но, возвратившись в Китай, заменил в стихах его имя на иероглиф жэнь (человек), так как в этот период даосы, вдохновленные полученными от Чингис-хана привилегиями, усилили борьбу с буддизмом. Но сын его был даосом и потому не стал печатать сочинение отца, проникнутое духом вражды к даосам. Особенно возмущали его нападки отца во второй части (японского издания) на Чан Чуня. Видимо, он уничтожил даже доски, с которых печаталось произведение.

Однако "Си-ю-лу" интересно для нас не столько критикой даосов, сколько описанием быта, нравов и обычаев народов, которые Елюй Чуцай посетил во время похода в Среднюю Азию. Это весьма ценный источник по исторической географии Центральной Азии. Особенно любопытны замечания автора об экономике населения Восточного Туркестана. Об Алмалыке он говорит, что город получил название благодаря изобилию яблоневых садов. К западу от него большая река Или. Еще западнее, в нескольких сотнях ли к востоку от Таласа, начинается территория города Хусы-волудо, бывшей

столицы кара-киданей, в подчинении у которого находилось несколько десятков городов. Затем перечисляются Талас, Ходжент, Касан и другие города, входившие в состав бывшей империи кара-киданей, занимавшей площадь в "несколько десятков тысяч ли". Описывая Самарканд, Елюй Чуцай говорит, что он находится в очень богатой и населенной местности. Город и его окрестности утопают в садах. Воспевая хвалу Самарканду в одной из своих поэм, Чуцай отмечает значение каналов для благосостояния страны. Благодаря им ежегодно снимался большой урожай и потому не бывало голода. Озера и водохранилища повсюду обеспечивали людей водой. По этим причинам, делает он вывод, столичному городу и дано название Синь-сю-цзень (в данном случае это китайская транслитерация тюркского названия Семизкент - богатый город).

Находясь на территории бывшего кара-киданьского государства, Елюй Чуцай изучил киданьский язык. Ван Говэй считает его чуть ли не последним знатоком этой письменности. Чуцай перевел на китайский язык одну из кара-киданьских поэм, достоинства которой сравнивал с произведениями одного из величайших сунских поэтов Су Ши. Любопытно, что он отмечает не только военный талант первого гурхана Елюй Лаши, сумевшего менее чем за 20 лет завоевать несколько десятков стран, но и его литературные способности. Народы Запада (т.е. Центральной Азии) до сих пор помнят его, отмечает автор, потому, что он много способствовал развитию культуры в государстве.

До сих пор существует единственный, к тому же неполный, перевод "Си-ю-лу" на английский язык, сделанный Э.В. Бретшнейдером по старому, сокращенному и искаженному тексту, сохранившемуся в труде Шэн Хуцзи "Шу-чжай лао-сюэ цун тань" (1295)⁷³.

В 1259 г. монгольским императором Мангу-ханом был послан китаец Чан Дэ в качестве посла к своему брату Хулагу, который находился во главе военной экспедиции против багдадского халифа. Последний выехал из Каракорума и, пройдя через Алмалык, Самарканд и Мерв, прибыл в Багдад. После возвращения доклад о его путешествии был записан Ли Ю и известен под названием "Си ши цзи".

Для нас интересны заметки автора, сделанные в пути по бывшей территории государства кара-киданей. По его словам, это довольно развитый в экономическом отношении район. Жители возделывают пшеницу и рис, выращивают прекрасные дыни, виноград, гранаты. Крыш домов не видно среди многочисленных садов. Окна в глиняных домах сделаны из стекла. В обращении много монет из золота, серебра и меди с надписями, но без квадратного отверстия.

Интересно, что Чан Дэ видит разницу между всей территорией Восточного Туркестана и так называемой "страной Иду", где жили кидани. Это подтверждает данные других источников о том, что государство западных киданей имело ядро в виде личного домена гур-

хана, из которого он осуществлял руководство прочими владениями, считавшимися подвластными территориями. Эту страну Иду Чан Дэ прошел за четыре дня до того, как прибыл в Талас. Страна эта расположена среди гор, местность сплошь пересечена каналами, которые орошают поля, видны многочисленные древние стены и старые полуразрушенные укрепления. Киданей он уже не застал, но слышал предание о том, что они жили именно здесь. Китайский ученый Ван Говэй в своей статье "О столице Западного Ляо Куз-ордо", проведя сравнение маршрутов путешественников танского и монгольского времени и подкрепив это сравнение данными многочисленных источников, приходит к выводу, что "иду" - это "ордо", т.е. столица кара-киданей Куз-ордо. Это подтверждают некоторые сведения непосредственно из текста "Си ши цзи". В прежних землях киданей есть река И, которая бурно течет на восток и впадает в озеро Тэмурту. Ван Говэй отождествляет их с рекой Чу и озером Иссык-Куль. По его расчетам столица кара-киданей находилась в 40 ли к востоку от бывшего г.Суяба, там, где в танское время находился город Пэйлоцзянцзюньчен (Баласагун). В последнее время появились археологические подтверждения этого⁷⁴.

Существует несколько изданий "Си ши цзи", но в них очень много искажений и ошибок. Э.Бретшнейдер при переводе этого памятника на английский язык пользовался различными изданиями, но так и не смог восстановить полный оригинал⁷⁵. Дважды сочинение переводилось на французский язык известными синологами Ремюза и Потье, но и они не поняли большей части текста.

Образование в начале XIII в. единого монгольского государства, завершившего объединение разрозненных племен на обширной территории Монголии, повлекло за собой значительные сдвиги не только в развитии феодальных отношений и консолидации этой народности, но и в развитии ее духовной культуры. С введением общемонгольской письменности получила развитие собственно литературная деятельность, сложилась благоприятная обстановка для появления письменной истории на основании многолетних традиций развития исторических знаний среди народов в Монголии.

Первым крупным памятником монгольской историографии является "Нигуча Тобчиян" ("Сокровенное сказание"). Эта хроника написана в 1204 г. Она является продуктом творчества целого коллектива придворных знатоков старины и сказителей. Появление ее объясняется чисто практическими интересами потомков Чингис-хана: она должна была служить историей жизни и подвигов основателя империи, предназначенной для поучения ее преемников. Таким образом, в "Нигуча Тобчиян" освещается один из самых узловых моментов истории Центральной Азии. Крупнейший исследователь дореволюционной монгольской историографии Ш.Бира делит летопись на три части: § I-68 - родословная предков Чингис-хана, § 69-268 - история

Чингис-хана, § 269-282 - история Угэдэй-хагана⁷⁶. Для нашей темы особенно интересна вторая часть. Некоторые исследователи предполагают другое членение⁷⁷. Правда, история внешних походов занимает в "Нигуча Тобчиян" сравнительно мало места. Летопись лишь регистрирует основные события. Однако фактические сведения обладают исключительной достоверностью, в чем легко убедиться, сравнив их с данными других источников. Кроме того, в данной летописи довольно подробно изложена история "взлета и падения" найманского царевича Кучлука, нанесшего первый удар по государству гурханов, завоевавшего его, но уничтоженного впоследствии полководцами Чингиса.

Этот ценнейший памятник древней монгольской литературы был открыт в середине XIX в. одним из крупнейших русских востоковедов Палладием Кафаровым. Кафаров подготовил к изданию текст летописи, но он не был опубликован. Вышел в свет лишь русский перевод китайского перевода "Нигуча" под названием "Старинное монгольское предание о Чингис-хане - Юань чао би ши (Сокровенное сказание о поколении Монгол)"⁷⁸. "Юань чао би ши" - китайский перевод монгольского названия. Кроме того, на русский язык эта летопись переводилась С.А.Козиным. Это лучший перевод, хотя он и не свободен от некоторых недостатков. С целью их исправления в 1962 г. было предпринято издание текста хроники без перевода⁷⁹.

Из дошедших до нас юаньских исторических сочинений интересным является "Шэнь-у цинь-чжен лу" ("Описание личных походов священо-воинственного императора Чингиса"). Многие исследователи считают, что это перевод на китайский язык какой-то несохранившейся монгольской хроники⁸⁰. Видимо, в основе этого сочинения действительно лежат такие монгольские хроники, как "Нигуча Тобчиян", "Алтан дебтер", а также многие другие монгольские материалы⁸¹. Сочинение это было составлено после 1263 г. В этом году главный дворцовый историограф Ван О обратился к Хубилай-хану с предложением собрать все исторические материалы о Чингис-хане⁸². Такое название хроники объясняется тем, что Хубилай в 1266 г. в соответствии с китайской традицией присвоил Чингису династийное звание Шэн-у тайцзу (Воинствующий император, Великий предок). Этим самым он хотел противопоставить юаньскую династию китайским.

"Шэн-у цинь-чжен лу" состоит из двух основных частей: истории возвышения Чингис-хана и истории походов Чингиса и Угэдэя. Летопись представляет интерес для нас описанием истории Западного похода войск Чингис-хана. Данные "Шэн-у цинь-чжен лу" иногда почти полностью совпадают с содержанием "Сборника летописей" Рашид ад-Дина, "Нигуча Тобчиян" и "Юань ши". Следует учитывать, что отраженные в хронике события монгольской истории датируются более ранним временем, чем, скажем, в "Нигуча Тобчиян".

Это сочинение было переведено П.И.Кафаровым полностью на русский язык, частично — на французский⁸³.

2. Мусульманские источники

В изучении истории западных киданей исключительно важное значение имеют сочинения мусульманских (арабских и персидских) авторов. В них содержатся более подробные, по сравнению с китайскими, сведения не только о политической истории, но и об экономике, культуре, обычаях.

Немалый интерес для исследователей этой темы представляет рассказ о китаях, содержащийся в труде Ауфи "Дубаб алабаб" ("Сердцевина умов"). Автор, уроженец Бухары, вел свое происхождение от сподвижника пророка Абд ар-Рахмана ибн Ауфа. Молодость провел в Средней Азии, главным образом в Самарканде, но бывал в Хорезме и Нишапуре. Свой труд создал в начале XIII в., основываясь на более ранних книжных источниках. Он пользовался недошедшей до нас "Историей Туркестана" Меджд ад-Дина Мухаммеда бен Аднана, написанной для Тамгач-хана Ибрахима бен ал-Хусейна. В этой книге говорилось о тюркских народах и "чудесах Туркестана", об умерших царях тюрков. Ауфи заимствовал из нее фантастическую легенду о предке Караханидов Кара-хане. Весьма вероятно, что Ауфи пользовался и второй книгой Аднана под названием "История Хитая". В ней, по свидетельству Шукраллаха Зеки, автора "Бахджат ат-таварих" ("Краса летописей", около 1457 г.), рассказывается о "царях Хитая", т.е. либо об императорах Ляо, либо, что более вероятно, о правителях западных киданей.

Любопытные географические и исторические материалы имеются в труде Ауфи под названием "Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат" ("Сборные рассказы и блестящие предания"). Это сочинение принадлежит к очень распространенному в арабской литературе типу антологий — сборников различных исторических, иногда и бытовых рассказов, частью наставительного, частью занимательного характера. В 16-й и 17-й главах четвертой части труда, посвященной описанию удивительных случаев и чудес "моря и суши", помимо разнообразных деталей, содержатся подробные географические рассказы и сведения о различных народах, в том числе о среднеазиатских.

Особый интерес представляет сообщение Ауфи о переселении с востока на запад народа кури (кун), который подвергся нападению со стороны своего восточного соседа, народа кай. Есть упоминания об этом народе в орхонских надписях (правда, в форме курыкан), в "Тан-шу" и "Юань ши" (в форме кули), у Махмуда Кашгарского, Беруни, Гардизи, Рашид ад-Дина и других авторов. Эти сведения помога-

ют воссоздать картину взаимоотношений киданьских племен со своими западными соседями задолго до вторжения армии Елюй Даши.

Интересны сообщения Ауфи о религиозных представлениях каракиданей: у них встречались все религии, кроме иудаизма, а буддийские богослужения почти по всему Туркестану проводились на киданьском языке⁸⁴. В стихах Хуррамабади, приводимых Ауфи, содержатся сведения о настроении народных масс в Мавераннахре в период воцарения Кучлука и свержения собственно киданьского правительства. В стихах поэта Шемси⁸⁵ говорится о том, что каракиданьские правители продавали садрам Бухары указы в их пользу, но они оставались невыполненными из-за мощного противодействия самых широких слоев населения. Это еще одно доказательство непрочной социально-экономической базы киданьского государства-паразита. И особенно существенные сведения Ауфи приводит о политической истории западных киданей, социально-экономическом устройстве их государства.

Абу Бекр Наджм ад-Дин Мухаммед Равенди (умер после 1206 г.), по профессии каллиграф и переплетчик, сумел получить хорошее образование и одно время (1181-1189) состоял на службе при дворе сельджукского султана Тогрула III (1175-1194). После 1202 г. Равенди составил труд по истории сельджуков, доведенный до 1199 г., под заглавием "Рахат ас-судур ва айат ас-сурур" ("Успокоение сердца и чудо радости"). Это один из основных источников по истории вторжения каракиданей и войне в Мавераннахре. Ценность его возрастает тем более, что автор опирается на свидетельство современников описываемых событий и свои личные наблюдения. Главный недостаток - излишняя лаконичность, предопределившая то, что по сравнению с сочинениями других мусульманских авторов Равенди приводит не так уж много новых фактов. Есть и ошибки. Так, например, по его словам, дочь первого гурхана царствовала вплоть до начала XII в., что не соответствует реконструированной хронологии правления. Полный текст труда издан персидским ученым Мухаммедом Икбалем⁸⁶.

О вторжении каракиданей в Мавераннахр и войне с мусульманскими правителями подробно сообщается также в работе "Зубдат ан-нуса ва нухбад ал-усра" ("Сливки из (книги) помощи и извлечение из (книги) убежища") исфаханского перса Абу-л Фатха ал-Бундари. Она написана в начале XIII в. и представляет собой сокращенную, упрощенную и вместе с тем дополненную переработку труда исфаханского чиновника Имад ад-Дина Мухаммеда ал-Катиб ал-Исфাহани "Нусрат ал-фатра ва усрат ал-фитра" ("Помощь против слабости и убежище для характера"). Арабский текст труда Бундари издан в конце XIX в.⁸⁷

Перу Шихаб ад-Дина Мухаммеда ибн Ахмада ан-Нисави принадлежит сочинение "Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкубирти" ("Жизне-

описание султана Джалал ад-Дина Манкбурны"), посвященное событиям времени нашествия монголов на Среднюю Азию. Основной акцент делается на жизнеописании хорезмшаха Джалал ад-Дина, сына Ала ад-Дина Мухаммада. Автор не дал полной истории походов Чингис-хана, так как не знал всех событий. Нисави, современник монгольского нашествия, родился в области Неса, в поместье своих предков - Харандизе. В 1221 г., когда монголы напали на Харандиз, он был уже сам хозяином этого поместья и откупился от завоевателей. Позже принимал участие в сражении при Несе на стороне наместника Хорасана Инанч-хана. Был послом от правителя Неса Нусрет ад-Дина Хамзы ибн Мухаммада в Хорезм и остался у Джелал ад-Дина секретарем его канцелярии (катиб ал-инша). Участвовал во всех походах Манкбурны и во время последнего сражения, в котором султан был разбит, бежал в Мейяфарикин, где и узнал о смерти своего повелителя. Поэтому военные события, в основном касающиеся периода 1223-1231 гг., изложены в его сочинении довольно кратко. Благодаря связям с некоторыми хорезмийскими сановниками, автор с их слов сообщает много интересного. Для нас особенно любопытны сведения о событиях, происходивших на востоке Хорезмского государства. В сочинении подробно излагаются факты, связанные с деятельностью найманского царевича Кучлука. Этот источник является крайне важным для изучения периода ослабления и гибели государства западных киданей. К тому же труд Нисави один из немногих, в которых содержатся сведения о Бурак-хаджибе и основанной им династии правителей, кара-киданьской по происхождению. Это сочинение полностью и во фрагментах переводилось на французский и русский языки⁸⁸. Нисави-чиновник часто берет верх над Нисави-историком, и потому он больше внимания уделяет дипломатическим сношениям, описанию администрации, чем непосредственно истории. Язык автора - вычурный, чересчур цветистый, часто затрудняющий понимание событий.

Труды знаменитого арабского историка Изз ад-Дина Абу-л-Хасана Али ибн Мухаммада аль-Асира (1160-1233 или 1234) среди работ средневековых авторов занимают одно из первых мест по объему и количеству сведений о кара-киданах. Родился он в г. Джезират-ибн-Омар в Месопотамии (на р. Тигр), там же получил образование. Много путешествовал по Сирии, Аравии и Палестине. Конец жизни провел в г. Мосуле, где долго был на службе у атабека Нуреддина Арсланшаха. Среди разнообразных трудов его наибольшее значение имеет двенадцатитомное сочинение "Китаб аль-Камиль фи-т-та'-рих" ("Полный свод истории"). По отзыву академика В.В.Бартольда, этот историк с величайшей добросовестностью собрал и с редким критическим тактом использовал огромный материал, поэтому "только после издания замечательного труда Ибн аль-Асира исследователи мусульманского Востока могли почувствовать под собой твердую почву"⁸⁹.

Историческая хроника Ибн аль-Асира является всеобщей историей халифата и мусульманских стран и смежных областей. Изложение событий — строго хронологическое, по годам, доведено до 628 г.х. (1231). Этот труд в большей своей части компилятивен. Автор привлек множество более ранних источников: от "сотворения мира" до 310 г.х. (922-923) — это переработанное и сокращенное изложение "Истории" ат-Табари, но с привлечением дополнительных источников; в ряде случаев использовались недошедшие источники (ас-Саллами и др.) и включались дополнительные (Белазури, Ибн Мискавейх, Утби и др.). "Во многих случаях его источники пока остаются для нас недоступными, в других мы имеем возможность проверить его показания; результаты этой проверки настолько благоприятны для автора, что мы можем полагаться на него даже в тех случаях, когда его источники нам совершенно неизвестны".⁹⁰

Период с 923 по 1231 г. описан автором самостоятельно, на основе сочинений, расспросов и личных наблюдений, поэтому значение этой части труда для исследователей сильно возрастает. Ибн аль-Асир к тому же более критически, чем большинство других мусульманских историков, подходил к используемым источникам. Все сказанное и предопределило то, что для истории монгольского завоевания Средней Азии сочинение Ибн аль-Асира является источником первостепенной важности. Причем автор не ограничился изложением политических событий, но привел также сведения о культуре народов, им описываемых.

В труде Ибн аль-Асира имеются довольно подробные сведения о событиях времен Караханидов и заслуживающие самого пристального внимания историков сообщения о кара-киданах: возникновении кара-киданьского государства с центром на территории нынешней Киргизии, о войнах западных киданей в Средней Азии (с хорезмшахами, Гуридами и т.д.). Очень важны сведения, характеризующие социальное устройство и государственные порядки, — они могут помочь при сравнительном изучении общественного строя средневековых народов.

Полностью труд Ибн аль-Асира никогда не переводился. Он издавался два раза⁹¹. Отрывки из его сочинений имеются в работах Н.А.Медникова и А.Крымского⁹². Сведения о западных киданях в переводе на различные западноевропейские языки использовались в трудах почти всех исследователей. Все, что Ибн аль-Асир сообщает о кара-киданах, в том числе и рассказы о событиях, происходивших в областях, расположенных далеко от Киргизии, приведено в первом выпуске "Материалов по истории киргизов и Киргизии".

Абу Омар Минхадж ад-Дин Осман ибн Сирадж ад-Дин Джузджани родился около 1193 г. в Иране. Служил султанам из династии Гуридов. Спасаясь от нашествия войск Чингис-хана, в 1226-1227 гг. бежал в Индию, где прожил до конца жизни. С 1247 г. находился при дворе правителя Делийского султаната Насир ад-Дина Махмуда I.

около 1260 г. он закончил свое сочинение по всеобщей истории на персидском языке, посвященное султану, поэтому труд и был назван "Табакат-и Насири" ("Насировы разряды"), известный также под названием "Тарих-и Минхадж-и Сирадж". В нем описано вторжение войск Чингис-хана в Среднюю Азию и Хорасан. Автор сообщает многие интересные подробности, поскольку использовал недошедшие до нас первоисточники. Однако многие сведения по истории западных киданей заимствованы. Есть неполный перевод его на английский язык⁹³.

В результате завоевания Ирана Хулагу-ханом в середине XIII в. было создано государство Хулагуидов (иль-ханов). Монгольские правители, оказавшись в стране с древней культурой и богатыми историческими традициями, всячески стремились доказать свое право на власть в Иране ссылками на историю. Это способствовало дальнейшему развитию и без того высокоразвитой историографической традиции мусульман. Одним из памятников ирано-монгольской исторической мысли того времени является "Тарих-и джахангушай" ("История завоевателя мира") выдающегося персидского историка и государственного деятеля Алаэддина Ата Мелика Джувеини (1226-1283). Он происходил из персидской чиновной знати, перешедшей на службу к монгольским ханам, был ближайшим сподвижником и личным секретарем Хулагу-хана. Джувеини начал писать свой труд в 1252-1253 гг. по предложению "своих верных и чистосердечных братьев", "чтобы увековечить блестящие подвиги и обессмертить славные деяния Владыки эпохи"⁹⁴. Выполняя "просьбу" хана, в 1260 г. он закончил свое трехтомное сочинение. Первый том посвящен истории Чингис-хана, двух его первых преемников и начальной истории государств, находившихся под властью его двух старших сыновей; второй - истории хорезмшахов и монгольских наместников в Иране до 1258 гг.; третий - походу Хулагу-хана в Иран и экскурс в историю ассасинов (неоисмаилитов).

Труд Джувеини по полноте и точности является одним из самых выдающихся среди работ персидских историков. Для изучения же истории западных киданей он просто незаменим. В отдельной главе автор подробно рассказывает о завоевании ими Средней Азии, о политической истории западнокиданьской империи, приводит интересные сведения о социально-экономическом устройстве, культуре, взаимоотношениях пришельцев с местным населением, о гибели этого государства под ударами найманских племен и орд монголов. Некоторые сведения его уникальны. Так, например, он сообщает о продвижении киданей по северному пути, через страну киргизов, и об основании города Эмля. Это опровергает данные китайских источников о том, что кидани прошли только одним путем, через Восточный Туркестан. В отличие от некоторых других мусульманских авторов, Джувеини говорит, что кара-киданьские сборщики налогов сильнее прежнего стали притеснять народ. Труд Джувеини является единственным источни-

ком, повествующим о религиозных гонениях при Кучлуке. Он значительно дополняет данные Нисави, Казвини и Вассафа о кара-киданьских правителях Кермана.

Однако некоторые сведения Джувеини, не нашедшие подтверждения в других источниках, нуждаются в тщательной проверке. К ним относится, в частности, рассказ о договоре, будто бы заключенном между Кучлуком и хорезмшахом Мухаммедом, по которому значительная часть территории государства кара-киданей должна отойти тому, кто первый разобьет гурхана. Даже борьба между Мухаммедом и каракита-ями описывается у Джувеини в разных главах по-разному. Недостатком этого сочинения является то, что автор не приводит хронологических дат. Тем не менее это был почти единственный источник для позднейших компиляторов и его данные полностью или частично использовались во многих трудах русских и западноевропейских исследователей.

Одним из важнейших источников по истории западных киданей является "Джами'ат-таварих" ("Сборник летописей") Фазлаллаха Рашид ад-Дина (1247-1318), крупнейшего иранского историка и государственного деятеля, ученого-энциклопедиста. По приказу Газан-хана он стал писать историю монголов. Однако основная часть труда была закончена лишь в 1307 г., уже при Улджейту-хане. Преемник Газан-хана приказал сохранить в названии книги имя своего автора, поэтому первая часть "Сборника летописей" была названа "Тарих-и Газани" ("История Газана").

В своей работе над второй частью Рашид ад-Дин кроме труда Джувеини и других персидских источников пользовался монгольской официальной хроникой из ханской сокровищницы, называвшейся "Золотой книгой" ("Алтан дебтер"), и многими другими материалами по истории самых различных народов и стран. Ему помогали многие ученые: персы, китайцы, монголы, индийцы. Страницы летописи, посвященные истории монгольских племен, явно написаны знатоком монгольских преданий Пулад-чинсяном и другими монгольскими хронистами⁹⁵. Таким образом, "Джами'ат-таварих" - "единственное в своем роде явление в мировой литературе; ни раньше, ни после не было такой попытки составить свод исторических сведений обо всех народах от Атлантического до Великого океана при сотрудничестве представителей отдельных народов"⁹⁶.

Успеху подобного предприятия в значительной степени способствовали новые и прогрессивные для своего времени идеи Рашид ад-Дина: "всеобщая история" должна включать историю всех народов, а не только мусульман, ибо "история арабов и персов есть только одна из рек, впадающих в море всемирной истории"; "историю всех народов следует писать на основе их первоисточников и исторической традиции, объективно, без каких-либо религиозных и по-

литических пристрастий"⁹⁷, и "не делал никаких уступок литературным вкусам своей эпохи"⁹⁸.

Большое внимание в "Сборнике летописей" уделено, как уже говорилось, истории древних тюрков и монголов. Но здесь все родовые и племенные истории приведены не для прославления собственных предков, а для раскрытия главной темы — истории рода Чингисидов. Поэтому основное внимание автора приковано к эпохе Чингис-хана, тогда как более ранние события освещены недостаточно. Вследствие этого сведения по истории западных киданей, разбросанные по всему сочинению, являются, как правило, краткими сообщениями, уместившимися порой в одну строчку. Создается впечатление, что для Рашид ад-Дина они не представляют никакого интереса и он, хотя и сообщает даты правления отдельных гурханов, все же считает их государство малозначительным и историю их полностью связывает с Хорезмом. Гораздо большее внимание уделяет он найманам, их борьбе с войсками Чингиса, нежели самим каракитаем. Говоря о том, что по истории каждого из описываемых им народов, в том числе, видимо, и кара-киданей, "отдельно существует и сохраняется летопись", автор все же не желает отвлекаться от своей главной темы и оставляет эту историю в стороне. Поэтому "Джами'ат-таварих" является для нас прежде всего источником сведений о гибели и распаде западного государства киданей.

Абу Сулейман ибн Лавуд Бенакети, родом из Бенакета в Средней Азии в 1317 г. составил сокращенное изложение "Джами'ат-таварих", включив сюда и отрывки по истории немусульманских стран. Этот труд под названием "Раузат ули-л-албаб фи-тавари ал-акабир ва-л-ансаб" ("Сад для одаренных умом людей относительно летописей вельмож и генеалогий"), в основном, излагает в краткой форме и с иным расположением материала содержание сочинения Рашид ад-Дина и по сравнению с ним не имеет самостоятельного значения. Лишь события последних лет существования мусульманских государств освещаются несколько подробнее, не затрагивая всех аспектов.

Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази, известный под прозвищем Вассаф ал-хазрет ("Панегирист его величества"), или попросту Вассаф, родом из Шираза, состоял при дворе ильханов, выдвинулся благодаря покровительству Рашид ад-Дина, под началом которого служил по финансовому ведомству. В 1328 г. он закончил большой исторический труд на персидском языке с арабским названием "Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'сар" ("Разделение областей и распределение веков"), более известный как "Тарих-и Вассаф" ("История Вассафа"). Сочинение было задумано как продолжение труда Джувейни и охватывало время с 1257 до 1323 г. Источниками для Вассафа послужили работы Джувейни, Рашид ад-Дина, официальные документы, собственные воспоминания и рассказы очевидцев.

"Тарих-и Вассаф" содержит много очень интересного и нового материала по политической истории Центральной Азии XIII в. "Но ее несомненная ценность в сильной степени уменьшается благодаря недостаткам метода его изложения и еще более благодаря высоко искусственному характеру и утомительному многословию его стиля. К несчастью, он был взят за образец и оказал губительное влияние на позднейшие исторические сочинения в Персии"⁹⁹. Интересны также сведения Вассафа о керманской династии кара-киданей.

Хамдаллах ибн Абу Бекр Мустоуфи Казвини (1281 – около 1350) происходил из старинной знатной семьи Мустоуфиев г.Казвина, пользовался покровительством Рашид ад-Дина и занимал видные посты в финансовом ведомстве. Исторический труд Казвини "Тарих-и гузидэ" ("Избранная история") был закончен в 1330 г. и посвящен сыну Рашид ад-Дина, везиру Гийас ад-Дину Мухаммеду Рашиди. События в нем излагаются вкратце, однако он насыщен ценным историческим материалом. В отличие от многих других работ того времени, труд Казвини является не только компиляцией, но дает ряд ценных культурно-исторических и географических сведений. Хамдаллах Казвини в некоторой степени заимствует сведения Рашида ад-Дина, однако при изложении истории домонгольских династий иногда руководствуется другими источниками и сообщает интересные данные, которых у Рашид ад-Дина нет. Он широко пользуется арабской исторической и географической литературой, но, в отличие от многих других авторов, дополняет и даже исправляет тексты своих предшественников на основании более точных данных. Это один из основных источников по истории керманской династии кара-киданей. Имеется его перевод на английский язык¹⁰⁰.

Мухаммед ибн Хавандшах, по прозвищу Мирхонд (1433–1498) – один из выдающихся представителей тимуридской историографии. Родился в Балхе, затем жил в Герате, где примкнул к литературно-ученому кружку, созданному великим узбекским поэтом и везиром тимуридского султана Хусейна Байкары Алишером Навои. Мирхонд является автором семитомного труда по "всеобщей истории" "Раузат ас-сафа фи сират аль-анбийа ва-ль-мулук ва-ль-хулафа" ("Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов"). Седьмой том, доведенный до 1521 г., закончен и обработан его внуком историком Гиясом ад-Дин аль Хусейни (Хондемиром). Вся работа Мирхонда, кроме части шестого и седьмого томов, является компиляцией, основанной на многих более ранних первоисточниках, персидских и арабских. Но так как среди этих первоисточников есть и такие, которые теперь утрачены, то и первые тома труда представляют некоторую ценность для исследователя. Мирхонд, как отмечал Ф.Энгельс в письме к К.Марксу от 6 июня 1853 г., пользуется "очень образным, но совершенно бессмысленным языком"¹⁰¹. Стиль изложения

и обилие занимательных рассказов создали Мирхонду незаслуженную славу не только на Востоке, но и в Европе. В Средней Азии и Иране этот труд считался образцовым сочинением по истории. Долгое время, до выявления его первоисточников, он служил для европейских исследователей почти единственной основой по истории Средней Азии. Неоднократно издавался, в Европе переводились отдельные части. По достоверности материала и точности сведений он стоит много ниже остальных источников.

Для нас наибольшее значение имеют четвертая книга (история персидских династий) и пятая (история монголов). Но при изложении истории хорезмшахов, монголов и западных киданей автор пользовался сочинениями Джувейни, Рашида, Вассафа и Шереф ад-Дина. "Эта часть труда вообще не возбуждает доверия к его компиляции; Мирхонд не делает попытки разобраться в противоречиях, которые мы находим в рассказе Джувейни о хорезмшахе и кара-китаях, но выбирает одну версию и произвольно опускает все то, что противоречит ей. Слепое доверие к этой части сочинения Мирхонда составляет, может быть, главный недостаток исследования Опперта о священнике Иоанне"¹⁰².

Сотрудник и продолжатель Мирхонда Хондемир (1475-1536) родился и вырос в Герате, принадлежал к кружку А.Навои и пользовался покровительством везира. После разгрома Тимуридской державы кочевыми узбеками (1507) Хондемир одно время находился на службе у основателя династии Сефевидов в Иране Шаха Исмаила I, конец жизни провел при дворе основателя империи Великих Моголов Бабур. Он завершил седьмой том "Раузат ас-сафа", был автором трехтомного свода по всеобщей истории "Хабиб ас-сийар" ("Друг жизнеописаний"), в большей части своей компилятивного, и целого ряда сочинений по истории Ирана и Индии того времени.

В 1499-1500 гг. Хондемир написал труд под названием "Хуласат ал-ахбар фи байан-и ахвал ал-ахйар" ("Лучшая часть известий в объяснение обстоятельств добродетельных людей"), представлявший собой сокращенную историю Мирхонда. Одну из глав, посвященную монголам, перевел на русский язык В.В.Григорьев¹⁰³.

В сочинении "Маджму ат-таварих" ("Собрание историй"), написанном на таджикском языке в XVI в. в области Ферганы муллою Сайф ад-Дином Ахсикенди, исторические факты переплетены с легендами и вымыслом. Поэтому оно до недавнего времени считалось "псевдоисторическим"¹⁰⁴, не имевшим никакого исторического значения¹⁰⁵. Однако в нем содержится обширный фольклорный и историко-этнографический материал. Отсутствие точных дат, легендарный характер повествования требуют от исследователя особой осторожности в обращении с этим сочинением, тщательной проверки сведений, сопоставления их с данными остальных источников. Тем не

менее игнорировать этот труд ни в коем случае нельзя. Он содержит интересные сведения по истории нашествия киданей на Среднюю Азию. Подробно сообщается о борьбе против кара-киданей в Ферганской области и на Тянь-Шане, которую возглавлял имам Ибрахим. Именно ему приписывает автор создание объединений киргизских племен - правого (онг) и левого (сол) крыльев. Указывается даже дата этого события - 1127 г. Интересно это сочинение еще и тем, что в нем приведены легенды о западных киданях, существовавшие в XVI в. и совершенно исчезнувшие в настоящее время. Орывки, посвященные западным киданям, переведены на русский язык В.А.Ромодиным¹⁰⁶.

Обзор истории кара-киданей мы находим у автора XVII в. Хайдера бен Али Хусейни Рази. Этот персидский историк в 1611/12-1618/19 гг. составил труд без всякого названия и посвящения. В описании событий он также отошел от общепринятого образца: расположил их не в хронологическом порядке, а по географической принадлежности (арабский мир, персидский мир, Средняя и Восточная Азия, Запад, Индия). Только внутри каждой главы соблюдается хронологический порядок. Истории западных киданей в этом сочинении отведено особое место: она излагается наравне с крупными и известными мусульманскими династиями. Рассказ Хайдера Рази впервые появился в научном обращении в конце прошлого столетия, когда французский востоковед Шефер в приложении к сочинению Нершахи напечатал главу о Караханидах и кара-киданях из "компиляции неизвестного автора, составленной в конце XVI в."¹⁰⁷ Как установил В.В.Бартольд, это были главы из труда Хайдера Рази "Тарих-и Хайдари".

Абулгази (1603-1663) - хивинский хан, потомок Чингис-хана из узбекского рода Шейбанидов известен как поэт и автор двух исторических сочинений - "Родословная туркмен" и "Родословное древо турков", которые содержат ценные сведения о многих среднеазиатских народах. Он один говорит о якобы состоявшемся между Кучлук-ом и монгольским полководцем Чжэбэ столкновении. Есть переводы этих трудов на русский язык¹⁰⁸. Рукопись "Родословное древо турков" найдена в 1770 г. шведским офицером Филиппом Иоанном Таббертом Штраленбергом в Тобольске, куда он попал после битвы под Полтавой. В этом же году переведена на русский язык В.Тредиаковским. В 1780 г. с русского она была переведена на немецкий. А еще раньше в Брюсселе вышел французский перевод Варенна. Однако пользоваться этим трудом приходится с большой осторожностью: Абулгази, если не считать сведений, заимствованных у Рашид ад-Дина, писал исключительно на основании устных рассказов.

Помимо перечисленных выше основных источников по истории западных киданей и их государства существуют и другие сочинения, которые, хотя имеют к данной теме лишь косвенное отношение, все же дают необходимые сведения о политике, хозяйстве и культуре

регионов, в рамках которых протекала жизнь кара-киданей, что позволяет более полно и подробно оценить их роль в истории Центральной Азии. К этим дополнительным источникам относятся исторические и географические труды Ибн Мискавейха, ал-Утби, ал-Бируни, ал-Исфахани, ибн Хордадбега, ал-Истахри, ибн Хаукаля, ал-Мукадаси, Махмуда Кашгарского, ал-Идриси, Гардизи, Ахмеда ибн Лютфуллах Мунеджим-баши и других.

Этническая, социальная и политическая история западных киданей во всех этих источниках отражена, к сожалению, недостаточно полно. Однако рассмотрение всех известных фактов в совокупности позволяет хотя бы в общих чертах реконструировать один из важнейших этапов истории киданей, совпавший со временем формирования того тюркоязычного населения на территории Средней Азии, которое можно отнести к числу непосредственных предков среднеазиатских народов. Комплексное изучение данных источников, позволяющее с наибольшим успехом использовать методы исторической критики, является необходимой предпосылкой исторического анализа данной проблемы. Достигнутые за последние десятилетия успехи в исследовании источниковедческой базы средневековой среднеазиатской истории дают возможность заняться детальным изучением этой проблемы.

3. История исследования западных киданей и их государства

Научный интерес к истории западных киданей и их государства, как и ко всей истории кочевых племен Центральной Азии, появляется в Европе в XVIII в. Он стимулировался общим расширением международных отношений, началом европейской экспансии в страны Востока. На работах первых авторов, предпринявших попытки обобщения китайских и мусульманских источников о западных киданях, лежит печать филоориентализма, стремившегося обнаружить во вновь открываемых культурных ценностях восточного мира идейную опору в борьбе с феодальной реакцией и мракобесием духовенства. Вводя в научный оборот известия восточных авторов, европейские исследователи на первых порах заимствовали их из книг средневековых путешественников (М. Поло, П. Карпини, Г. Рубрука) и исторических сборников антологического характера, созданных китайскими и мусульманскими историками.

Примечательно, что в Европе в поле зрения исследователей впервые попала история не восточных, а именно западных киданей. Еще до появления трудов Ли Э и Ян Фуцзи, в 1697 г. в Париже вышла "Восточная Библиотека" французского историка Б. Д'Эрбело. Это уникальное издание выдающегося востоковеда представляет собой словарь, в котором приведены интереснейшие сведения из арабских

и персидских источников. Во втором издании (1776) имеется очень ценное "Дополнение к Восточной Библиотеке" К.Видлу и А.Геланда. Около 200 страниц этого приложения, принадлежащие перу К.Видлу, дают великолепную информацию по истории и географии Восточной и Центральной Азии¹⁰⁹. В 1685 г. К.Видлу, уроженец Бретани, отправился в качестве миссионера в Китай, где провел 22 года. Его переводы, свидетельствующие о хорошем знании китайского языка, высоко ценил Э.Бретшнейдер, считавший, что К.Видлу занимает в синологии такое же место, что и сам Д'Эрбело.

Однако интересы Д'Эрбело, К.Видлу и других авторов той эпохи (Легинь, Гобиль, Грозье, И.Э.Фишер)¹¹⁰ никогда не замыкались лишь на истории киданей. Они освещали более обширный период, нежели время правления киданьских династий. Их книгам свойственны описательность, комплексность, не перевод, а пересказ источников. Представители этой группы, не обладавшие еще навыками строгого научного анализа фактического материала, стремились примирить разнородные источники, путались в именах, династиях. Так, например, Легинь, желая разрешить противоречия в китайских и мусульманских источниках, пришел к выводу, что кара-кидани совершили два похода на Самарканд, один раз против Кутб ад-Дина, правителя Ху-эрсань, т.е., по его мнению, Хорезма, а второй – против султана Санджара¹¹¹. Г.Опперт позднее доказал, что в обоих случаях речь идет о правителе Хорасана – султана Санджаре¹¹². К.Видлу, хорошо знакомый лишь с китайскими источниками, очень часто путал кара-киданей и правителей так называемой керманской династии, созданной выходцем из Западного Ляо Борак-хаджибом после разгрома западнокиданьского государства.

Во второй половине XVIII в. происходит знакомство с историей киданей и в России. К этому времени трудами первых русских путешественников и дипломатов в Китае был заложен фундамент отечественной синологии. Развитие отношений с Китаем, формирование различных участков русско-китайской границы, ведение торговых дел требовали специальных знаний и компетентных людей. Первые упоминания о киданях в отечественной литературе основываются на работах западных авторов. Здесь любопытны два момента. Во-первых, как и на Западе, в России в это время уже прекрасно понимали необходимость изучения не только китайских или мусульманских источников в отдельности, но обязательность комплексного и сравнительного их исследования. Поэтому переводятся сочинения западных историков¹¹³, но одновременно появляются и свои собственные "Истории", в которых делаются попытки нарисовать общую картину жизни Востока от Передней Азии до Китая¹¹⁴. Как К.Видлу в свое время поместил свои записи в качестве приложения к большой энциклопедии Д'Эрбело, посвященной мусульманскому миру, так и труд Г.Сен-

ковского, вышедший в 1824 г., был назван дополнением к большому труду Дегиня^{II5}, составленному главным образом по китайским источникам. Во-вторых, российские ученые сразу же заметили неточности в западных исследованиях. Показательно в этом отношении замечание профессора древностей и истории Российской Академии наук И.Э.Фишера: "Многие как древние, так и новые историки упоминают о земле кара-китайской, но так темно, что по их описаниям невозможно определить ее пределов: чего ради некоторые в положении ее обманулись, а другие в подлинном бытии сей земли со всем сомневались. Ни Абул-газ-хан, ниже французский примечатель на родословную его историю, не знали сего народа, ни подлинного положения их земли"^{II6}.

Интересно, что И.Э.Фишер ссылается при этом не на французское издание сочинения Абулгази, а на русский перевод "Родословной истории о татарах", сделанный известным нашим поэтом В.Тредиаковским^{II7}, так что, пожалуй, именно В.Тредиаковский первым в России упомянул в печатной работе о киданях.

Образцом китаецентристского подхода к истории различных кочевых народов Восточной Азии является вышедшая в конце ХУШ в. 13-томная "Всеобщая история Китая" Майа^{II8}. По сути это был перевод на французский язык "Тун-цзянь ган-му". Переводчик не только специально не останавливается на истории киданей, упоминая о них лишь эпизодически, в связи с историей китайских династий, но и вообще сводит всю историю Дальнего Востока X-XII вв. практически лишь к истории Пяти Династий и Сунской империи, полностью встав, таким образом, на методологические позиции сунского автора переведенной им летописи. Блестящую и точную характеристику труда иезуита Жозефа де Майа дал академик В.М.Алексеев: "... нельзя не видеть, что этот громадный труд сделан небрежно и пользоваться им для научных целей нельзя. Зато он оказался весьма кстати для любителей пересказывать чужое и напичкан собой все позднейшие учебники, эти своеобразные декокты, состоящие из собственных имен и приуроченных к ним анекдотов"^{II9}.

В первые десятилетия XIX в. закладываются научные основы мировой ориенталистики. По истории Китая в нашей стране и за рубежом был накоплен столь значительный материал, что достаточно прочно укоренилось мнение, четко сформулированное в свое время известным мореплавателем И.Ф.Крузенштерном: "О Китае написано столь много, что весьма трудно уже сказать о нем что-либо новое"¹²⁰. Тем значительнее выглядит фигура великого русского китаеведа Н.Я.Бичурина, отца Иакинфа, который "привлек внимание широких кругов русского общества к ранее неизвестным сторонам истории и культуры Китая и заставил пересмотреть неправильные взгляды на Китай, перенесенные с Запада"¹²¹. Именно благодаря трудам русских китаистов, и особенно Н.Я.Бичурина, по словам В.В.Бар-

тольда, "русская синология еще в 1851 и 1852 гг. опередила западноевропейскую"¹²².

Н.Я.Бичурин был первым русским востоковедом, обобщившим огромное количество источников по истории киданей, и западных, и восточных. В отличие от западных исследований он сразу встал на ту точку зрения, что киданьские государства были независимыми. Несмотря на известную идеализацию Китая, он сумел все же правильно оценить роль государств, созданных кочевниками, в истории Центральной Азии. То, что Н.Я.Бичурин не останавливался на отдельных аспектах истории киданей, а характеризовал ее в общем, не может быть вменено ему в вину, ибо первой ступенью исследования всегда является накопление фактов, их сопоставление и построение, образно говоря, фундамента будущего здания, на котором можно начать возводить стены, а с этим отец Иакинф справился как никто другой. Очерки истории киданей даны им в "Записках о Монголии", "Статистическом описании Китайской империи" и ряде других¹²³. Написаны они на основе многочисленных китайских источников, блестяще переведенных Иакинфом. Его переводы в некоторых отношениях до сих пор считаются лучшими, чем переводы В.П.Васильева и Э.В.Бретшнейдера. Это особенно интересно, если учесть, что Н.Я.Бичурин был первым русским исследователем, обобщившим такое большое количество источников, и, самое главное, первым, кто начал переводить их на русский язык. Материал, введенный Н.Я.Бичуриным впервые в научный оборот, был настолько новым, что известный монголовед К.Д'Оссон вынужден был вскоре переработать свою "Историю монголов", изданную в 1824 г.

Таким образом, значение исследовательской деятельности Н.Я.Бичурина переоценить невозможно. Не говоря уже о других его интересах, изучение им истории киданей практически на целое столетие предопределило направление работы последующих киданеведов. Как справедливо указывал еще в прошлом веке крупнейший востоковед Н.И.Веселовский, "он в полном смысле положил у нас начало изучению Китайской империи и ее вассальных земель, возбудив интерес в обществе к крайнему Востоку, показал, какую возможность имеет для изучения Средней Азии богатейшая китайская литература, проложил путь для работы другим синологам. К этому надо прибавить, что труды Иакинфа доселе почти не устарели, и ни один исследователь прошлого Средней Азии и Северо-Восточной Азии не может обойтись без них"¹²⁴.

После этого и практически вплоть до конца прошлого века историю киданей в Европе детально не исследовали. Все авторы, так или иначе касавшиеся этой проблематики, опирались на уже достигнутые результаты. Некоторое исключение представляет довольно активная полемика о происхождении и значении титула "гурхан", ко-

торую вели на страницах различных периодических изданий такие видные ориенталисты, как С. де Саси, Г. Клапрот, К. Д'Оссон, И. Березин¹²⁵. Результатом обсуждения явилось более широкое привлечение восточных источников, особенно мусульманских, и установление точного значения этого термина. Однако многие неясные и даже противоречивые места источников, связанные с ним, либо не были замечены, либо были проанализированы поверхностно. Ученых больше интересовало употребление титула Джамухой и Тимуром, нежели несколько парадоксальное и неожиданное принятие его основателем государства западных киданей Елюй Даши. Следствием этого, помимо вышесказанного, явилось и то, что для уточнения и конкретизации истории западных киданей почти ничего не было сделано.

Подборка сведений о западных киданях есть в трудах профессора Берлинского университета Карла Риттера (1779-1859), но сведения эти заимствованы им из уже опубликованных работ¹²⁶. Появившиеся в прошлом веке труды К. Д'Оссона, Шотта, Паркера, Хауорса и других больше внимания уделяли восточным киданям. Любопытен очерк истории киданей Г. Хауорса. Если в первом томе его "Истории монголов"¹²⁷ он предельно краток и не выделяется из круга ему подобных, которых накопилось уже немало в разного рода "Историях", то в отдельных очерках, посвященных восточным и западным киданям, материал автора более полон и изложение уже детализировано. Они являются подробнейшей компиляцией всех западных исследований по данному вопросу¹²⁸. Однако не вся история киданей отражена в них.

Еще одно исключение представляет исследование истории западных киданей Марквартом. Опираясь на работу китайского ученого Цянь Дасиня (1727-1804), в которой тот впервые установил последовательность смены на престоле отдельных гурханов¹²⁹, Маркварт значительно шире проанализировал "Ляо ши" и другие китайские источники, сравнил их с сочинениями мусульманских авторов и в целом довольно верно установил даты правлений гурханов, их жизни и смерти¹³⁰.

Во второй половине XIX столетия появляются работы, позволяющие, судя по их содержанию, говорить о начале нового этапа в изучении киданей (впоследствии и западных), характерной чертой которого является углубление интереса к отдельным проблемам их истории. Прежде всего необходимо упомянуть монографию В. П. Васильева "История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века". Она очень удачно дополняет работы Н. Я. Гичурина, сосредоточившего свое внимание на истории киданей преимущественно до конца танской династии. Труд В. П. Васильева прочно утверждал взгляд на киданьские государства как на независимые. Ученый одним из первых сделал предположение, разделяемое сейчас многими исследователями, о возможности родства киданей с монголами¹³¹.

Выдающимся для своего времени явился перевод Х.К.фон дер Габелентца сокращенной маньчжурской версии "Ляо ши" на немецкий язык¹³². Его заметили и активно использовали западные исследователи. Маньчжурский вариант, в отличие от китайского, уделяет внимание в основном военному делу и политической истории. Быть может, в этом и кроется одна из причин наметившегося во второй половине прошлого столетия отставания европейской науки от китайской в области изучения киданей. Китайские исследователи располагали еще недоступным для европейцев, в силу малочисленности переводов с китайского, огромным фондом фактов по экономике и культуре Ляо и уже приступили поэтому к более углубленному и, что особенно интересно, сравнительному изучению истории различных государственных формирований близ северных пределов Китая. Малоизученными в Европе оставались и вышедшие в России исследования Н.Я.Бичурина и В.П.Васильева. Поэтому в Европе аналогичный этап наступил практически лишь после второй мировой войны.

Проблемы западнокиданьской истории были затронуты в ряде работ сотрудника Российской Духовной миссии в Пекине Э.В.Бретшнейдера. Особый интерес представляет двухтомная монография "Средневековые исследования по восточноазиатским источникам", в которой сведены воедино все имевшиеся в его распоряжении сведения по различным аспектам истории и географии средневековой Центральной Азии. Со времени Иакинфа продолжалась традиция членов миссии — освоив восточные языки, изучать Китай, его историю, как древнюю, так и современную, культуру, политику, экономику. Э.В.Бретшнейдер, врач миссии, не избежал всеобщего увлечения ее членов. "Так как я, — писал он в предисловии к своей работе, — жил в Китае, когда ... были опубликованы издания средневековых путешественников, и имел, конечно, большой интерес к сюжетам, касающимся Дальнего Востока, то для меня скоро стало ясно, что наиболее важные источники информации, исходящие из китайской литературы и имеющие отношение к теме, никогда не использовались комментаторами Марко Поло и других средневековых путешественников"¹³³.

В разделе о западных киданях он привлек данные, содержащиеся не только в "Ляо ши", но и в других китайских летописях, в путевых заметках китайских и европейских путешественников, в сочинениях мусульманских историков, отрывки из которых взяты им, в основном, у Д'Оссона, В.В.Григорьева и др. Он первым из европейских исследователей привлек для изучения западных киданей столь обширные и разнородные материалы, удобно соединив их вместе. Однако недостаточная теоретическая глубина, описательность и даже следование за источником снижают значение этого исследования. Многие ценные сведения источников Э.В.Бретшнейдер не включил в свою работу. Несмотря на все это, она до сих пор является

стольной книгой для исследователей истории центральноазиатских кочевников.

Большой интерес в прошлом веке вызвала возникшая в Западной Европе в середине XII в. легенда о могущественном христианском ре-священнике Иоанне. Г.Опперт и Ф.Царнке, считая, что поводом ее возникновению послужило передвижение западных киданей, пред-иняли попытки составить свод известий о западнокиданьском госу-рстве. Их труды, к сожалению, не часто используются в последнее время специалистами, ибо давно уже стали библиографической редко-ью, а между тем, в некоторых отношениях они весьма выгодно от-чаются от исследования Э.В.Бретшнейдера. Они более обстоятель-., круг источников, на которых они базируются, гораздо шире. В-личие от Э.В.Бретшнейдера, эти авторы осторожнее обращаются с-точниками, не отбрасывая некоторых деталей, имен и подробно-ей. Они не только стараются дать перевод, а не пересказ источ-ка, но и стремятся проанализировать его. Другое дело, что об-й уровень востоковедной науки того времени не позволял им по-й найти верный ответ на поставленный вопрос.

В значительной степени это удалось "преимущественно историку-едней Азии"¹³⁴, известному советскому востоковеду, академику В.Бартольду. Человек огромной эрудиции, великолепно знавший-лый ряд восточных языков, умевший сочетать обширный фактиче-ий материал с постановкой новых вопросов, он создал множество-учных трудов по истории, географии, культуре и религии народов-едней Азии. "В мировой науке трудно найти другого такого уче-го, который сделал бы так много для изучения одной страны, по-ществу создав ее историю, для чего обычно требовалась работа-да поколений исследователей"¹³⁵. Он, пожалуй, первым не только-отечественных, но и зарубежных исследователей, поставил исто-ю западных киданей и остальных кочевых и полукочевых народов-гиона в один ряд. Истории западных киданей он касается во мно-х своих работах: "Туркестан в эпоху монгольского нашествия", черк истории Семиречья", "История Туркестана", "Кара-китай" и- . В.В.Бартольд собрал воедино большинство источников о запад-х киданях, проанализировал их и на этой основе создал общую-ртину их истории, особое внимание уделив взаимоотношениям при-льцев с окружающим миром. Но сформировавшийся как ученый в ус-виях буржуазного общества и стоявший в силу этого в основном-позициях идеалистического понимания исторического процесса, не имел поэтому "четких представлений о роли производительных-л и производственных отношений, в силу чего и не переносил на-х главного внимания при объяснении исторических фактов и явле-й, а старался понять их как результат влияния более культурно-народа на менее культурный"¹³⁶. Отсюда и происходит его основ-

ное ошибочное представление о том, что социально-экономические отношения и культурные традиции киданей сформировались почти исключительно под китайским влиянием; "Кара-китай настолько подверглись воздействию китайской культуры, что не могли, как впоследствии монголы в Средней Азии, сами сделаться мусульманами"¹³⁷. Этому есть оправдание, ведь В.В.Бартольд не был в достаточной степени знаком с историей общества и культуры дальневосточной ойкумены. Верно отметив скудный и противоречивый характер мусульманских источников, В.В.Бартольд все же не воспользовался в полной мере сведениями китайских хроник. Они его не удовлетворяли, особенно в области хронологии. Это понятно, ибо опирался он не на оригинальные произведения, а на пересказ, во многом неверный, Э.В.Бретшнейдера, которого считал авторитетом в синологии. Да и отрасль востоковедения, занимавшаяся изучением национальных государственных образований на северной границе танской и сунской империй, еще не могла похвастаться обширными знаниями. Эта ошибка повела, в свою очередь, к другим, более частным. В.В.Бартольд вследствие этого не сумел достаточно верно оценить и выявить роль киданьских племен в экономике и культуре среднеазиатского региона. Он не стал даже анализировать имевшиеся у него источники с целью выявления данных по социально-экономической структуре западокиданьского общества, полагаясь на свидетельства Ибн аль-Асира, Джуейни и других мусульманских писателей. Отсюда недостаточно аргументированное утверждение ученого о том, что "для местной культуры нашествие киданей было безусловно благоприятно"¹³⁸, хотя и оговаривается, что "не видно, чтобы кара-китай представляли собой в Туркестане высшую культуру и чтобы в руки представителей этой культуры переходило управление"¹³⁹. Спорно и применение им по отношению к западным киданям собственной концепции о преемственности в восприятии различными народами так называемой "мусульманской культуры".

Тем не менее труды В.В.Бартольда содержат хорошо отобранный конкретный материал и дают критический обзор важнейших сочинений русских и западноевропейских востоковедов. На его исследованиях основывали свои работы почти все последующие ученые - Г.Е.Грумм-Гржимайло, Б.Я.Владимирцов и другие, касавшиеся проблем истории среднеазиатского региона в конце XII - начале XIII вв.

Изучением истории Средней Азии в период пребывания там каракиданей занимались многие ученые, путешественники и должностные лица. Заметной была роль "Туркестанского кружка любителей археологии" (1895-1917), в который входили самые разные люди, интересовавшиеся историей своего края, его археологией, письменными источниками. На страницах газеты "Туркестанские ведомости" (1870-

1917), ставшей органом русского востоковедения в Средней Азии, появилось множество статей по истории края в домонгольскую эпоху.

Значительно усиливается в отечественном востоковедении интерес к проблемам средневековой Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции. Если в дореволюционный период исследование носило случайный характер и проводилось, в основном, силами русских ученых, занимавшихся, как правило, лишь сравнительным изучением восточных письменных источников, то послеоктябрьские годы характеризуются бурным ростом востоковедных исследований и прежде всего археологических изысканий. Обследования и раскопки П.П.Иванова, В.Д.Городецкого, М.Е.Массона, М.П.Грязнова, М.В.Воеводского, А.И.Тереножкина позволили подготовить почву для комплексного археологического обследования Киргизии и Юга Казахстана.

В 1926 г. сведения летописных источников по истории Центральной Азии в целом и западных киданей в частности опубликовал Г.Е.Грумм-Гржимайло. На их основе он предпринял интереснейшую попытку интерпретации этих малоизвестных событий XII в. Описывая продвижение на запад группы Елюй Даши, он считает, что основной целью этого похода кидани считали сбор сил для продолжения борьбы с чжурчженями среди кочевых племен Западной Монголии, однако, встреченные враждебно киргизами, вынуждены были перевалить на западный склон хребта Алтайн-Нуру, откуда проникли в долину Эмиля. И уже оттуда в середине XII в. покорили земли "на северо-восток до Енисея"¹⁴⁰.

В 1936 г. была организована Семиреченская экспедиция, приступившая с 1938 г. к комплексному обследованию археологических богатств края. Работы этой экспедиции дали возможность составить первую археологическую карту Северной Киргизии, наметить основные этапы развития культуры этого района, датировать основные памятники кочевого и оседлого населения. По мнению руководителя экспедиции А.Н.Бернштама, в целом ряде поселений найден "чрезвычайно интересный материал по культуре кара-китаев или киданей"¹⁴¹. Он описал его в своих работах "Археологический очерк Северной Киргизии", "Архитектурные памятники Киргизии", "Чуйская долина", "Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая" и других. На основе этого материала А.Н.Бернштам сделал ряд выводов о социально-экономическом устройстве и культуре киданей. Не со всеми из них можно согласиться, особенно с тем, что "кара-китай внесли в Среднюю Азию новую струю китайской культуры"¹⁴², наличие которой у них "объясняется восприятием элементов китайской культуры каракитайскими феодалами во время их пребывания в Маньчжурии"¹⁴³. Тщательный анализ письменных источников и археологических находок на территории бывшей империи Ляо показы-

вает, что развитие киданьских племен шло своим, своеобразным путем. Вызывает возражение ряда специалистов (Л.Р.Кызласов¹⁴⁴ и др.) отождествление А.Н.Бернштамом древней западнокиданьской столицы с развалинами, известными в исторической науке под названием "холм Ак-бешим - башня Бурана". Некоторые методы археологических раскопок и классификации найденного материала вызвали осуждение со стороны отдельных зарубежных исследователей (Лян Юньдун¹⁴⁵), а найденные им при раскопках предметы подчас относят к иным историческим эпохам. Тем не менее, на наш взгляд, и возражения его оппонентов не во всем доказательны. Например, в пользу существования Баласагуна на территории Буранинского городища в последнее время приведены новые доказательства¹⁴⁶.

Значительным достижением на пути воссоздания истории западнокиданьского государства явилась публикация раздела "Кара-китай" в исследовании К.А.Виттфогеля и Фэн Цзяшэна "История китайского общества: Ляо"¹⁴⁷. Этот раздел состоит из двух частей: небольшого, несколько фрагментарного исследования о кара-киданах и серии хронологических таблиц, составленных на основе известных письменных источников, посвященных истории их переселения и государства. В огромном количестве примечаний, которыми снабжен этот уникальный труд, приведено множество сведений из самых различных областей исторической науки. Авторы, помимо того, что они обобщили большое количество фактов, что само по себе является немалой их научной заслугой, постарались подойти к ним критически, проанализировать с учетом тех достижений, которые были сделаны их предшественниками. Однако научная значимость этого труда снижается из-за того, что авторы считают киданьские государства настолько китаизированными, что объединяют их в один культурный круг с Китаем как провинциальные империи. Единственное отличие они видят в том, что и Ляо и Си Ляо до конца остались независимыми государствами, тогда как все прочие были поглощены китайской империей. Таким образом, собрав большое количество сведений из самых разнородных источников и сделав существенные выводы, касающиеся отдельных проблем социально-экономического строя западнокиданьского государства, авторы не сумели правильно ответить на самый важный вопрос. Тем не менее их труд является ценным пособием для исследователя, занимающегося вопросами политической, социальной и экономической истории киданей в период существования западного государства (1125-1218).

История западных киданей в самом общем виде излагалась в целом ряде энциклопедий, справочников и историй отдельных среднеазиатских республик. Авторы этих очерков основываются преимущественно либо на китайских, либо на мусульманских источниках, не делая практически попыток комплексного анализа всей совокупности

сведений и поэтому их работы интересны, как правило, лишь с точки зрения фиксации определенного уровня развития знаний об этом государстве.

Отдельно надо сказать о работах китайских авторов. Их тоже немного, но они интересны тем, что здесь предпринимается попытка обобщить максимально возможное количество китайских источников, а иногда привлекаются и мусульманские известия. Их можно условно разделить на две группы. Первая — это работы, представляющие собой очерк истории западных киданей, — от сочинений компилятивного характера до попыток провести детальный анализ этой истории. Можно упомянуть такие работы, как "Си ляо ли го ши мо" ("История основания династии Западная Ляо") Лин Цяня, "Си Ляо цзи" ("Заметки о Западном Ляо") Сю Хунпаня, "Си Ляо ли го бэнь мо као" ("К истории основания династии Западная Ляо") неизвестного цинского автора. Сюда же относятся статьи Чэнь Шу "Ха ла ци дань шо" ("О кара-киданах") и статья японского автора Ханэда Тору "Си Ляо цзянь го ши мо цзи ци цзинянь" ("История основания династии Западная Ляо и ее годовые записи"), переведенная на китайский язык Фэн Цзя-шэном¹⁴⁸.

Особняком в этой группе стоит тщательно прокомментированный перевод на китайский язык раздела о западных киданях из книги Э.В. Бретшнейдера, сделанный Ляо Каньдун. Он публиковался несколько раз (в 1934, 1955, 1956 гг.) и, по мысли автора, в конце концов должен был вылиться в крупное "всестороннее исследование маленького государства, имевшего с Китаем тесную связь"¹⁴⁹. Справедливо полагая, что история западных киданей "описана беспорядочно и посредственно, к тому же без детальных подробностей", Ляо Каньдун сделал весьма интересную попытку "классифицировать собранный исторический материал" и, взяв за основу работу Э.В. Бретшнейдера, "привести изложение в систему". В изданиях 1955 и 1956 гг. много и часто справедливо критикуются работы А.Н. Бернштама. Автор опирается не только на китайские, но и на ряд мусульманских источников, привлекает данные археологии. Словом, это первое фундаментальное изложение истории западных киданей и их государства. Однако этому сочинению присущи и недостатки. Прежде всего неверна сама оценка Западного Ляо как государства, находившегося под культурным и политическим влиянием Китая. Не использованы многие мусульманские источники. Увлекаясь полемикой с А.Н. Бернштамом и делая акцент прежде всего на политической истории, Лян Каньдун меньше уделяет внимания социально-экономическим аспектам.

Ко второй группе можно отнести работы, посвященные частным проблемам, связанным с историей западных киданей. Прежде всего это статья Ван Говэя "Си Ляо ду чен ху се гань ер до као" ("О

столице Западного Ляо Ху-се-гань-ер-до"), в которой автор, опираясь на описания путешествий Сюань Цзана, Чан Чуня, Чан Дэ и ряд других китайских источников, доказывает, что столица западных киданей находилась в Чуйской долине. Ху Цюань в статье "Елюй Лаши синь чжуань" ("Новая биография Елюй Даши") приводит интересную хронологическую таблицу истории Западного Ляо, составленную на основе китайских источников¹⁵⁰.

Есть еще несколько интересных работ китайских авторов, но они труднодоступны.

ж ж ж

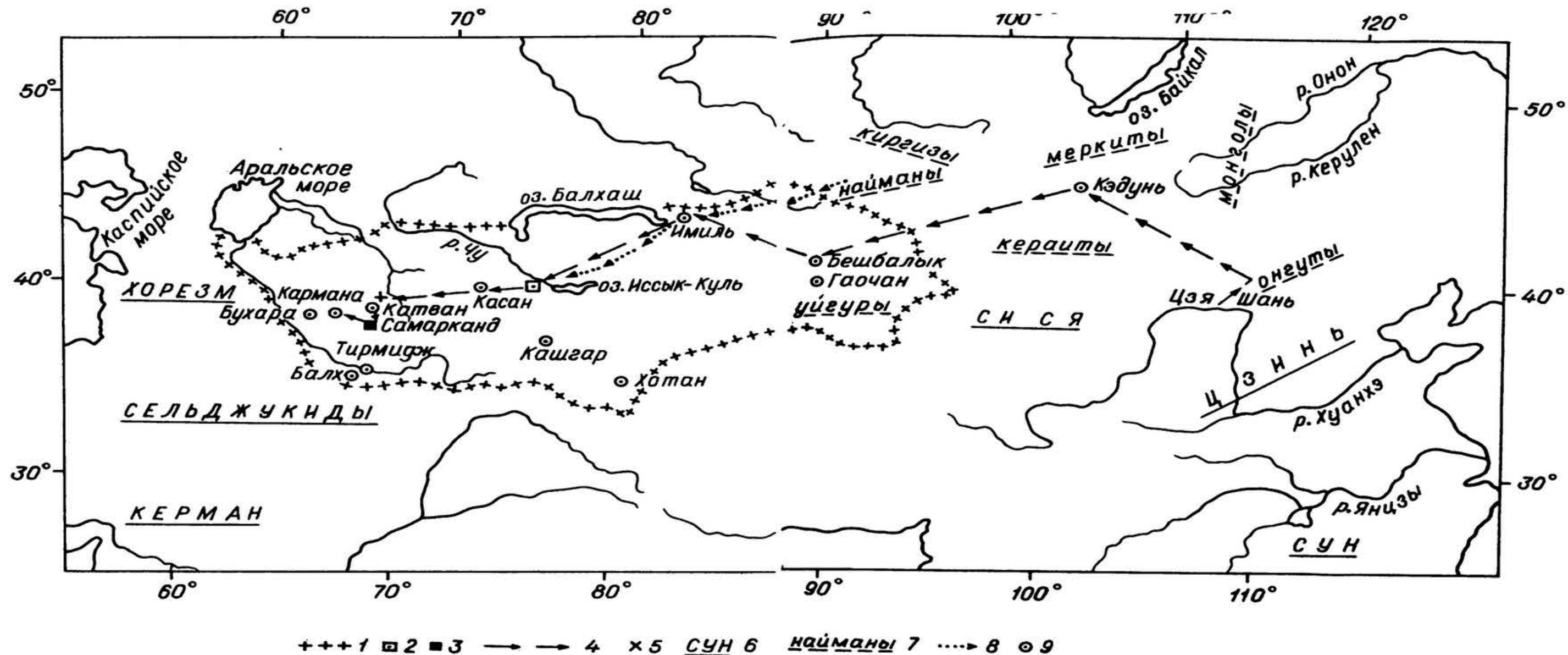
Завершая обзор источников и литературы по истории западных киданей и их государства, можно констатировать следующее. Этническая, социальная и политическая история западных киданей отражена с разной степенью полноты в большом количестве китайских и мусульманских источников. Они не равноценны, но практически каждый из них необходим. Предпочитать какую-либо одну из этих групп источников, а тем более один из них, как бы подробно там ни говорилось о западных киданях, нельзя, ибо реконструировать важнейший этап в истории Западного Ляо да и Средней Азии можно только мобилизуя всю содержащуюся в них информацию. А между тем почти все работы исследователей (за исключением работы К. А. Витт-фогеля и Фэн Цзяшэна) основывались лишь на наиболее известных источниках или, если даже претендовали на использование большинства их (как, например, труды Э. В. Бретшнейдера или Лян Юаньдуна), подвергали анализу не все содержащиеся в них факты. История исследования западных киданей убеждает, что только комплексное и детальное изучение данных источников, позволяющее с наибольшим успехом использовать методы исторической критики, является необходимой предпосылкой исторического анализа указанной проблемы. Достигнутые за последние десятилетия успехи в исследовании источниковедческой базы средневековой среднеазиатской истории дают возможность более глубокого анализа источников и критической переработки литературы.

ГЛАВА II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЕ ЛЯО

I. Образование государства (II24-II43)

Возникновение западнокиданьского государства непосредственно связано с изменением в начале XII в. политической обстановки на Дальнем Востоке. К этому времени в киданьской империи явственно ощущался постепенный упадок монархии, внутренний ее развал. Войны с Кореей и тангутским государством в XI в. были последними успехами киданей на внешней арене. Они существенно истощили экономику страны, принесли новые тяготы простому народу. Политика угнетения многочисленных племен, подавление их попыток освободиться от гнета киданей приносила лишь временные успехи. В стране прокатилась волна грозных восстаний подвластных племен, таких как дадань, цзубу и других. Происходит процесс разложения правящей верхушки киданей, озабоченной борьбой за власть. Кидани, разгромившие в начале X в. Бохайское королевство, не смогли, однако, остановить процесс исторического развития тунгусо-маньчжурских народов. Более того, угроза завоевания со стороны могущественных соседних государств Ляо, Сун и Коре, не прекращавшиеся попытки вмешательства во внутренние дела, установления экономического и политического гнета лишь ускорили этот процесс и явились одной из важнейших причин возникновения нового национального государства у северных племен, ставшего преемником культурных и политических традиций Бохая. Усилившиеся на далеких, казалось, северо-восточных окраинах шэннунчжи (немирные чжурчжэни) с III2 г. окончательно вышли из повиновения киданям и активизировали свою политику, направленную на объединение всех чжурчжэньских племен. Так началась война чжурчжэней с киданями, закончившаяся разгромом ляоской империи и появлением на свет Золотой империи чжурчжэней. В политических событиях и военных действиях этого периода активное участие принял будущий основатель государства западных киданей — Флюй Даши.

Государство Западное Ляо: 1 - границы Западного Ляо; 2 - Ба-ласагун - главная столица; 3 - Самарканд - вторая по значению столица; 4 - примерный маршрут похода Елюй Даши на запад; 5 - место сражения в Катванской степи; 6 - соседние государства; 7 - племена; 8 - нашествие монголов в 1218 - 1220 гг.; 9 - города

Карта составлена на основе следующих источников:

1. Wittfogel K.A. and Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907-1125). Philadelphia, 1949.
2. Bretschneider E.V. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1888. V.I, II.
3. Oppert G. Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte.
4. Pelliot P. Notes sur le "Turkestan" de M.W. Barthold // T'oung Pao. V. XXVII. 1930.

Родился он в 1087 г. Дата эта установлена на основании утверждения "Ляо ши", что в 1124 г. (год цзя-чэнь) ему было 38 лет¹. Он принадлежал к императорскому роду и являлся потомком основателя династии Елюй Абаоцзи в восьмом поколении. В мусульманских источниках он известен также под именами Нуши тайфу, Нуши талфун, Нуши тайфун, Нуси тайфда и Нуси тайгир или. Для своего времени Елюй Даши получил довольно разносторонние и, вероятно, глубокие знания в различных областях культуры. "Ляо ши" сообщает, что в 1115 г. он удостоился степени цзиньши. К.А.Виттфогель и Фэн Цзяшэн считают, что авторы 30 главы "Ляо ши" могли спутать термин "цзиньши" с киданьским словом "линь-я", означавшим должность Даши, которую он занимал в киданьской академии Хань-линь, и переводимым как "академик"². Однако трудно допустить, чтобы довольно образованные чиновники, входившие в состав особого комитета по составлению истории под руководством Токто, могли спутать столь разные по значению слова. К тому же и в маньчжурском переводе "Ляо ши" также содержатся указания на то, что Даши получил именно степень цзиньши. В бэньцзи императора Тяньцзо нет упоминания о получении Даши этой степени в 1115 г., зато есть сообщение о том, что 103 человека получили эту степень в 1112 г. Приняв данный факт во внимание и учитывая, что область Сянчжоу, которой Елюй Даши управлял уже после получения степени, была захвачена чжурчжэнями в 1114 г., можно предположить, что Елюй Даши находился в числе именно этих 103 человек. Факт присвоения степени цзиньши Елюй Даши подтверждается и сообщением "Ляо ши" о том, что Даши был хорошо знаком не только с киданьской, но и с китайской литературой. Будучи к тому же отличным стрелком из лука и великолепным наездником, имея высокий титул чжун дэ (глубоко добродетельный³), он обладал, надо полагать, всеми необходимыми качествами для занятия важных государственных постов. В 1115 г. он становится цыши (контролером⁴) Тайчжоу и Сянчжоу⁵, а затем и цзедуши (генерал-губернатором) тоусячжоу (вверенной области)⁶ Ляосин (современная провинция Шаньси). В этом же году дубоцзиле (верховный вождь) Агуда провозгласил создание чжурчжэньского государства Цзинь, принял императорский титул, а в 1116 г. захватил Восточную столицу киданей Ляоян, старую бохайскую столицу, и вскоре - всю территорию прежнего Бохайского королевства. В ходе переговоров чжурчжэней с Сунской империей был заключен ряд соглашений (в 1118, 1120, 1122 гг.). По соглашению 1120 г. Сунская империя брала на себя обязательство выступить на стороне чжурчжэней против киданей⁷. Сунское государство в этой войне преследовало свои цели. Его правители надеялись вернуть захваченные ранее киданями земли, если не сами, то с помощью чжурчжэней (за денежную компенсацию)⁸. Чжурчжэней это не устраивало, и

все же в некоторых вопросах они готовы были в тот момент пойти на уступки, тем более, что корейцы отклонили в III7 г. предложение Агуды признать сюзеренитет Цзинь⁹.

В III9 г. военные действия возобновились. В II20 г. пала верхняя столица киданей. Киданьский император Тянь-цзо казнил своих приближенных, подозревая их в заговоре. Один из его родственников Елюй Юйду, спасая свою жизнь, бежал в II21 г. к чжурчжэням и повел их войска прямо на Среднюю столицу Ляо (Дадинфу)¹⁰.

Елюй Даши, получив значительные полномочия, играл, вероятно, в этот период немалую роль в политической жизни государства. Обе его должности цыши и цзедуши предполагали, что их обладатель одновременно занимал какие-то посты еще и в центральном правительстве¹¹ и был облечен военными и гражданскими полномочиями. В это время дядя императора Елюй Цюнь, носивший титул Янь-вана, в 3-м месяце II22 г. провозгласил себя императором¹². Среди "ста чиновников", которые "дали ему титул императора Тянь Си", одним из первых в "Ляо ши" назван Елюй Даши¹³. Империя Ляо распалась на две части: земли к северу от пустыни Шамо, юго-западные и северо-западные районы империи находились под контролем императора Тянь-цзо, а юг империи, в том числе бывшие китайские владения, оказались в руках Янь-вана. Положение империи было критическим. Чжурчжэни захватили Западную столицу, под Яньцзином (Пекином) действовала многотысячная китайская армия. Тянь-цзо, теснимый чжурчжэнями, бежал и укрылся во владениях тангутов, своих последних союзников.

Китайская армия вела себя пассивно, и это позволило киданям сделать попытку нейтрализовать Сунскую империю и обезопасить свои южные границы. Назначенный благодарным Янь-ваном главнокомандующим Южным Маршрутом, Елюй Даши в 5-м месяце II22 г. во главе двух тысяч киданьских и сиских всадников прибыл в Чжочжоу¹⁴. Экспедиционный корпус сходу нанес поражение сунским войскам при Ланьгоудяне и на плечах противника попытался переправиться через реку Байгоу. Это Даши не удалось, зато в его лагере близ г. Синьчэн вскоре, благодаря прибытию дезорганизованных и напуганных сунской пропагандой киданьских воинов, собралась 30-тысячная армия. Это была уже значительная военная сила. Состоявшиеся переговоры с сунским послом Ма Ко продемонстрировали, что китайцы еще боялись открытыми военными действиями скомпрометировать Сун в глазах Ляо. Ма Ко даже пошел на то, чтобы объяснить приход сунской армии стремлением помочь киданям в борьбе с чжурчжэнями¹⁵. Выиграв с помощью переговоров время, китайцы после их провала начали открытые военные действия. Елюй Даши, несмотря на явное численное превосходство неприятельского авангарда, все же решил атаковать его. Со словами "остается только смерть" его воины ринулись в бой. Ко-

мандавший сунским авангардом Ян Кэши не ожидал такого натиска и, раненный в бою, поспешно отступил. На помощь Даши подоспел вспомогательный 20-тысячный корпус сиских воинов под командованием Сяо Ганя. Остальные сунские военачальники не решились поддержать действия своего авангарда. Таким образом, проявленный Елюй Даши талант военачальника помог империи Ляо справиться с нависшей с кига угрозой и направить часть войск против чжурчжэньских армий. Решительность Даши свидетельствовала об уверенности в своих способностях и силах, и это несмотря на традиционное уважение к столь сильному противнику и его реальную помощь (в середине XI в. численность сунской армии достигала 1,5 млн. человек)¹⁶. Для китайцев поражение было суровым ударом по самолюбию Е Лунли, пытаюсь обелить Сунскую империю, утверждает, что китайских воинов было немного, да и те "переправились по мосту через реку со знаменами и прокламациями, обращенными к населению"¹⁷. По возможности обходя молчанием союз Сун и чжурчжэней против Ляо, он объясняет поход китайцев тем, что на киданьском троне в это время находился самозванец Янь-ван, а это в соответствии с китайским этикетом освобождало сунского императора от прежних обещаний по отношению к империи Ляо. Чжурчжэни же сочли вялые действия китайцев нарушением соглашения. Вскоре, однако, бездарность и трусость многих киданьских военачальников, анархия и хаос, царившие в стране, свели эффективность победы к нулю. Китайцы снова воспряли духом и атаковали южные границы государства.

В 6-м месяце 1122 г. Янь-ван неожиданно заболел и умер, не оставив после себя наследника. После его смерти была сделана попытка некоторых приближенных покойного "самозванца" "выйти с изъяснением покорности навстречу сунским войскам". При этом предусматривалось "схватить инородческих вождей, с тем, чтобы выполнить прежние обещания о возвращении к верноподданству и об уничтожении варваров"¹⁸. Вероятно, этого хотел и сам Янь-ван, ибо перед смертью "пожаловал Ли Чувэню (одному из инициаторов измены. - Г.П.) звание главнокомандующего, желая после смерти передать ему управление государством"¹⁹. Момент был критический. Ли Чувэнь со своим сыном Ли Ши через сунского сановника Чжао Лянсы установили связь с китайским императором и держали наготове верных людей, чтобы открыть ворота города. Елюй Даши и Сяо Ганя спасло именно это их ожидание подхода сунской армии. Они подвели ко дворцу свои отряды и заставили военных и гражданских чиновников избрать на престол второго сына Тянь-цзо, носившего титул Цинь-вана, а временное управление делами поручить жене Янь-вана, носившей титул Циньгофэй. Императрица уже дважды попадала по приказу Тянь-цзо в тюрьму в Верхней и Средней столицах и понимала, что только жестокость по отношению к бывшим сподвижникам может избежать неминуе-

мой смерти в этот раз. Она обвинила Ли Чувэня и его сына в том, что те "звели Янь-вана в заблуждение", насчитав при этом еще несколько десятков их изменнических поступков. Елюй Даши и Сяо Гань, заручившись поддержкой императора Тянь-цзо, угрозами и посулами склонили на свою сторону колеблющееся большинство. Глава заговорщиков Ли Чувэнь, который "установил на севере связи с государством Цзинь, а на юге связался с Тун Гуанем, выражая желание захватить императрицу Сяо и поднести династии Сун земли области Янь", был приговорен к смерти²⁰.

А Елюй Даши повел войска против китайцев. В 6-м месяце 1122 г. он разгромил под Сюнчжоу отборную сунскую армию. Трупы сунских воинов "покрыли юг Сюнчжоу и север Мочжоу"²¹. Через два месяца передовые отряды новой 100-тысячной армии китайцев вновь перешли границу и разгромили несколько киданьских отрядов. Вдовствующая императрица, испугавшись неприятеля, поспешила отправить "к сунскому императору Сяо Жуна и Хань Фана с челобитной, в которой признавала свою зависимость от него"²².

В 10-м месяце 1122 г. огромная сунская армия (по Е Лунли, до 500 тыс.) была отправлена для нападения на Ляо. Елюй Даши помог предводителю сиских войск Сяо Ганю разгромить ее²³. По "Сун ши" (цз. 357, л. 126-136), сунская армия понесла огромные потери в живой силе и оружии. Запасы продовольствия, которые собирались со времен Ван Аньши (1068 г.), попали в руки победителей.

Одержанные Елюй Даши и Сяо Ганем победы в значительной мере вновь подняли престиж киданьской империи. После поражения киданей у заставы Цзюйонгуань на защиту дружественной державы выступили тангуты. Их 30-тысячная армия нанесла несколько поражений чжурчжэням, но в решающем сражении на реке Ишуй была разгромлена²⁴. Войска чжурчжэней по трем направлениям шли на захват области Янь. В рядах защитников Юга произошел раскол. Императрица была в растерянности. Сяо Гань предложил план возрождения государства на территории обитания племени Си, которое, по сообщению Сюй Кан-цзы²⁵, проживало в это время на территории Маньчжурии. Елюй Даши настаивал на отходе к императору Тянь-цзо. Вероятно, уже в это время у Даши был план возрождения империи на основе объединения под эгидой киданей родственных им племен, но в тех условиях он оказался неосуществим. Мысли его ближайшего сподвижника Сяо Ганя не шли дальше захвата власти для себя и своего народа. Его поддерживали и некоторые киданьские чиновники, особенно те, кто вместе с императрицей от страха изъявляли покорность то китайцам, то чжурчжэням. Поэтому у Даши не оставалось другого выхода, кроме возвращения к Тянь-цзо. И он решился на захват императрицы и убийство Сяо Бода - своего главного противника, мешавшего возвращению к императору. Эти его действия немедленно вызвали возмуще-

ние со стороны Сяо Ганя, увидевшего здесь лишь вероломство. Но Даши поддержали остальные киданьские военачальники. Тогда сиские и бохайские воины ушли с Сяо Ганем на территорию племени Си, где в I-м месяце II23 г. Сяо Гань провозгласил образование государства Великое Си и присвоил себе титул императора Шэнь-шана. Это государство вскоре было разгромлено китайцами. Сяо Гань был убит одним из своих приближенных, и голова его отослана в Сун. "По этому случаю сунский император Хуэй-цзун устроил прием поздравлений во дворце Цзычэндянь"²⁶.

Семитысячный отряд Елюй Даши прибыл в лагерь императора Тянь-цзо. Во 2-м месяце II23 г. «жену Елюй Шуня, Сяо Дэ Фэй, хан Тянь-цзу убил после того, как она встретила с ним, и с гневом говорил Елюй Даси: "Как вы смели сделать ханом Елюй Шуня, когда сам я еще жив?". Елюй Даси ответил: "Хан, в то время, когда государство было сильным, ты не смог противостоять врагу, бросил государство, убежав в отдаленные места, и превратил простой народ в уголь и пепел. То, что поставили Елюй Шуня, — справедливо. Ведь он потомок Тайцзу. Престол снова не отдали чужому человеку". На эти слова хан Тянь Цзу ничего не мог сказать, дал Елюй Даси вина и хлеба и простил ему его вину»²⁷. И даже "наградил его столом"²⁸, т.е. поручил ему командование армией.

Так начался новый этап в биографии будущего основателя западнокиданьского государства, связанный с его борьбой против главного врага державы — чжурчжэней. Вначале он добился некоторых боевых успехов. К числу выдающихся боевых операций Елюй Даши, вероятно, надо отнести контратаку под Фэншэнчжоу. Под натиском войск Агуды киданьские войска, в составе которых воевал отряд, состоявший из сородичей Елюй Даши, откатывались все дальше. Чжурчжэни под руководством самого Агуды осадили крепость, закрывающую путь в ущелье Цзюй-юн (к северо-западу от Пекина). Армия киданей проходила в это время через проход Губэйкоу (к северо-востоку от современного уездного города Миюнь в провинции Хэбэй)²⁹. "По бокам прохода отвесные скалы, а между ними дорога, по которой может проехать только одна телега"³⁰. Ущелье лежало на традиционном пути киданьских войск, совершавших поход на Сунскую империю³¹. Для того, чтобы дать возможность киданьской армии уйти от наседавшего врага, отряд Елюй Даши неожиданно для чжурчжэней появился в области Фэншэнчжоу, взял город и стал быстро продвигаться вперед. Его появление было настолько неожиданным, что чжурчжэньские войска откатились почти до гор Лунмэншань (в 25 ли к востоку). Таким образом, отряд Даши не только дал киданьской армии оторваться от противника, но и, заняв укрепления, закрывающие путь через горные проходы, заставил чжурчжэней перебросить туда значительные военные силы под командованием Лоу-ши. В 4-м месяце

1123 г. эта армия под командованием Лоу-ши и Ма Хо-шана разбила в бою силы Елюй Даши. Сам Даши попал в плен вместе со своими сородичами и уцелевшими войсками³². И все же время было выиграно.

Вскоре отряды чжурчженей, посланные для преследования киданьского императора, застряли в болотистой местности³³. Чжурчженский принц Цзун-ван, узнав из доклада императору полководца Волу о захвате Даши и других киданьских сановников, приказал им привести войска к лагерю киданей³⁴. Чжурчжени подкрались к ничего не подозревавшим киданям и захватили обоз Тянь-цзо около Цинчжуна³⁵. В плен попали наложницы, сыновья, дочери и родственники императора, множество военных и гражданских чиновников. Самому Тянь-цзо удалось спастись и бежать в Инчжоу³⁶. Цзиньский император издал указ, в котором прощал "преступления" группе киданьских сановников, в том числе и Елюй Даши-линъя. В нем говорилось: "Хотя линъя Даши присоединился и не в результате капитуляции, однако он имел заслуги как проводник (и поэтому) достоин указа"³⁷. Здесь необходимо отметить некоторое замешательство китайских историков перед фактом "предательства" Даши. "Ляо ши" вообще замалчивает этот факт, в ней лишь сообщается, что Елюй Даши прибыл к императору после падения Пекина. Составители "Ган му" сообщают, что Даши был освобожден из плена чжурчженским императором и послан им к Тянь-цзо³⁸. И лишь цзиньские источники говорят об этом факте из биографии принца открыто. Сунские источники тоже далеки от соображений защиты чести³⁹.

Цзиньский император полюбил Даши за смелость и ум, приблизил его к себе и подарил жену. Это произошло, как можно заключить из сравнения данных "Цзинь ши" и "Ляо ши", примерно в 6-9-м месяцах 1123 г.⁴⁰ Однако Елюй Даши недолго оставался у чжурчженей. «Даши как-то играл в шуанлуси со старшим военачальником Нянъханем, они заспорили из-за ходов и затаили взаимную злобу. Нянъхань хотел убить Даши, но ничего не сказал. Напуганный Даши вернулся к себе в юрту, оставил жену, взял с собой пять сыновей и ночью бежал ("в район за горой"⁴¹. — Г.П.). На следующий день, утром, Нянъхань удивился, почему, хотя солнце уже высоко поднялось, не является Даши, и послал гонца вызвать его. Жена Даши ответила: "Вчера вечером, будучи пьяным, Даши оскорбил старшего военачальника и, страшась наказания, скрылся". Когда ее спросили, куда он бежал, она ничего не сказала. Разгневанный Нянъхань решил отдать ее в жены самому подлому человеку в кочевье. Жена Даши отказалась выполнить приказ, а когда ее стали принуждать к этому, начала громко браниться и была застрелена из луков"⁴². Таким образом, бегство Даши было поспешным и неподготовленным. По всей вероятности, он намеревался и дальше оставаться на чжурчженской службе, но, "страшась наказания, скрылся"⁴³.

В 9-м месяце II23 г. он прибыл в лагерь императора Тянь-цзо. Император не только простил ему и эту измену, но даже обрадовался его приходу. Положение империи было критическим. В II23 г. по предложению чжурчжэней был поставлен вопрос о мире с тангутами. Цзинь за отказ от поддержки киданей предлагала несколько пограничных областей⁴⁴. Но эти области уже находились под властью китайцев, поэтому в II24 г. чжурчжэньский император вынужден был издать указ, по которому "отрезали Западному Ся земли к северу от Сячжай, к югу - до гор Иньшань, а также земли племени ишиела к западу от озера Тулупу"⁴⁵, находившиеся на севере Шаньси, т.е. области Тяньдэ. Вскоре тангуты, убедившиеся в силе цзиньских армий, признали сюзеренитет Цзинь. Это было одной из причин последующего пленения киданьского императора. Тангуты не только стали союзниками чжурчжэней, но и попали в экономическую зависимость от торговли с Китаем и Цзинь, которая "давала в руки сунского, а позднее чжурчжэньского правительства ощутимое средство воздействия на политику тангутского государства"⁴⁶. Единственными союзниками киданей оставались некоторые племена Монголии.

В 7-м месяце II24 г. Тянь-цзо, рассчитывая на помощь Елюй Даши и шивэйских племенных отрядов под командованием Цигэши, решил выступить в поход для освобождения областей Яньчжоу и Юньчжоу. Но Елюй Даши, хотя и не имел еще определенного плана спасения государства, все же усиленно отговаривал Тянь-цзо от этого намерения: "После того, как цзиньцы заняли области Чанчунь и Ляоян, вы уже не могли посещать Гуанпиндянь (т.е. место, где в обычное время императоры киданей принимали поздравления, по словам Е Дунли. - Г.П.), а сделали своим местопребыванием Среднюю столицу. После потери Верхней столицы вы сделали столицей Янь-цзин. После падения Средней столицы вы выехали в область Юньчжун, а после занятия области Юньчжун - в горы Цзяшань. Поскольку в прошлом, имея нетронутую армию, вы не думали о войне, цзиньцы захватили все наше государство и принадлежащие ему китайские земли. Ныне, когда силы государства стали такими ничтожными, вы настойчиво стремитесь к войне, что не принесет успеха. Следует готовить войска, с тем, чтобы выступить потом в благоприятный момент, а не предпринимать легкомысленных действий"⁴⁷. Тянь-цзо, однако, не последовал этому совету. Войска его выступили из гор Цзяшань⁴⁸, заняли несколько районов, но вскоре были разбиты чжурчжэньским полководцем Уши на р. Яньхэся. Елюй Даши не принял участия в этом походе, сославшись на болезнь. Остатки войск Тянь-цзо снова укрылись в горах Цзяшань. Чжурчжэни до поры до времени не трогали его, да и он отваживался лишь на небольшие вылазки. Однако, получив от племен дадань 50 тысяч воинов, решился снова выступить на юг. Даши и на этот раз отговаривал его от похода. На сей раз Тянь-цзо не ограничился

упреками в его адрес, а посадил под домашний арест, приставив к нему двух сановников Сяо Иси и Бо Лиго⁴⁹. Елюй Даши не оставалось ничего иного, как убить своих охранников и бежать на запад, "отложившись от хана Тянь Цзу"⁵⁰. Поход же киданьского императора вновь обернулся поражением. На помощь к Уши подошла армия Нянъхання, и Тянь-цзо вынужден был бежать в Шаньцзинсы. Здесь он стал советоваться с одним из своих приближенных по имени Сяохулу о том, на чью сторону перейти - Сун или тангутов. На китайцев он не надеялся, а тангуты, несмотря на союз с чжурчжэнями, все еще помогали киданям. В одном из указов цзиньский император официально заявлял: "Тангуты ... все еще не хотят вернуть мои дворы (т.е. беженцев из Ляо. - Г.П.) и мешают мне преследовать государя Ляо"⁵¹. Состояние императора и его сильно поредевшей свиты действительно напоминало "моральное состояние экипажа на тонущем корабле"⁵². Окончательное решение о бегстве еще не было принято, а Сяохулу уже направил к Нянъханю гонца с доносом о планах киданьского правителя. Нянъханя послал знатного сановника вновь склонить Тянь-цзо к сдаче. Одновременно к лагерю киданей отправился отряд Лоусу. Тянь-цзо, бросив армию и все драгоценности, среди которых "была статуя Будды из чистого золота высотой в один чжан и шесть чи", бежал куда глаза глядят. "Как раз шел снег, телеги и лошади оставляли следы, что помогло цзиньским воинам настигнуть его"⁵³. Лоусу, подкакав к императору, спешился, встал на колени и сказал: "Я, недостойный раб, осмелился оскорбить ваше величество, явившись сюда в латах и шлеме. Даже смерть недостаточное наказание за такой проступок". С этими словами он поднес Тянь-цзо кубок вина, а затем взял его в плен и возвратился обратно"⁵⁴.

Судя по "Сунмо цзивэнь", где содержится биография Елюй Даши, заимствованная Е Лунли для своей "Истории", Даши еще не решился окончательно отмежеваться от гибнущей династии, как принято было считать до сих пор. Сообщение о том, что "Даши, глубоко проникший в Пески, возвел на императорский престол сына Тянь-цзо, носившего титул Лян-вана, а сам стал его помощником"⁵⁵, заставляет иначе взглянуть на события. Уйдя от Тянь-цзо, он в качестве марионетки возвел на престол Лян-вана, от его имени "назначил чиновников севера и юга" и темной ночью бежал на север. По "Ляо ши", Елюй Даши сопровождало 200 всадников (цз. 30, л. 46). У Джуейни приводятся еще две цифры: "восемьдесят человек его племени" и "огромное количество людей". Более точный перевод первой фразы гласит: "80 человек (его) племени и его последователей", т.е. она может означать, что у Даши кроме 80 членов его племени было еще 120 человек из других племен, а всего - 200. Вторая цифра, видимо, относится к более позднему времени, когда Елюй Даши, достигнув западных пределов страны, пополнил свои силы за счет присоединившихся к

нему остатков разгромленных киданьских отрядов. В "Ляо ши" есть сообщение о встрече Даши с сянвэнем белых татар Чуан Гуэром, который предоставил ему столько лошадей, верблюдов и овец, сколько нужно было для продолжения пути 200 всадников.

Куда же именно бежали Елюй Даши и Лян-ван? В 30-й главе "Ляо ши" есть сообщение о том, что в конце концов Елюй Даши прибыл в Кэдуньчэн, но дело в том, что с таким названием было несколько городов. В 37-й главе "Ляо ши" говорится: "Хэдунчен - это старый уйгурский город Хотун. В результате ошибки стали писать Хэдунчен ... В юго-восточном направлении до Верхней столицы 1700 ли"⁵⁶. Но там же упоминается еще один город с таким названием: "Округ Чжэнь-чжоу, местонахождение командования воеводства Цзяньбяньцзюнь, древний город Хотун ... В юго-восточном направлении до Верхней столицы 3000 ли"⁵⁷. Еще один город, "локализация которого затруднена"⁵⁸, упоминается в "Синь тан шу" (цз. 37). В какой же из этих городов отправился Елюй Даши? И в каком направлении - на запад⁵⁹ или на север⁶⁰? Иначе говоря, к тангутам или монголам? Для того чтобы решить этот вопрос, надо разобраться в описании маршрута бегства Елюй Даши, содержащемся в 30-й главе "Ляо ши", где имеется более полный по сравнению с 29-й главой рассказ о Елюй Даши. Там говорится, что через три дня беглецы достигли Черной реки. Э.В.Бретшнейдер считал, что это Эдзин-Гол в современной провинции Ганьсу⁶¹. К.А.Виттфогель и Фэн Цзяшен, не соглашаясь с ним, настаивали на том, что это современная река Кара-Мурэн во Внутренней Монголии⁶². Свое мнение они мотивировали тем, что за три дня от гор Цзяшань можно доехать только до нее, но указать местонахождение этих гор они не смогли⁶³, и потому их логика легко уязвима для критики. Но и Э.В.Бретшнейдер тоже неправ, ибо Эдзин-Гол находится западнее предполагаемого последнего убежища киданьского императора, а не севернее, куда пошел сначала, как пишет сам Э.В.Бретшнейдер, Елюй Даши⁶⁴. Помогает решить этот вопрос сообщение "Ляо ши" о встрече Даши с сянвэнем белых татар Чуан Гуэром. Белые татары, или онгуты, проживали в то время в районе гор Иньшань (к северу от Лессового плато), т.е. именно к северу от убежища Тянь-цзо. Отсюда Елюй Даши двинулся уже на запад, ему "удалось перейти Пески только после того, как он шел по ним три дня и три ночи, причем нийчжэни не решились преследовать его"⁶⁶, и наконец достиг Кэдуньчэна. Таким образом, на наш взгляд, анализ источников убедительно показывает, что Даши бежал не в тот уйгурский Кэдуньчен, о котором идет речь в 37-й главе "Ляо ши" и который принадлежал тангутам с XI в.⁶⁷ Попасть в него можно было, не отклоняясь на север. К тому же в это время тангуты не стали бы оказывать помощь Даши, имевшему еще очень мало сил. Елюй Даши намеренно шел именно в город, расположенный на р.Орхон, - важный

военный центр на северо-западной границе киданьской империи. В период уйгурского каганата в VIII-IX вв. здесь на левом берегу Орхона находилась резиденция супруги уйгурского кагана, ставка которого располагалась в г. Орду-балык⁶⁸. "Этот городок от старости стал разрушаться. Люди Ляо восстановили его с целью обезопасить границы"⁶⁹. Произошло это после карательной экспедиции 994 г. против беспокойных племен на западной границе империи, предпринятой двоюродной бабушкой императора Шэн-цзуна Ху-лянь. Именно под ее руководством и был в 1003 г. воссоздан этот город. В 6-м месяце 1004 г. он был переименован в Чжэньчжоу. Вначале, вероятно, это был просто военный лагерь, в котором размещались киданьский гарнизон и вспомогательные службы. Сяо Ханьцзяну в 1035 г. в своем докладе императору предлагал укрепить город, возведя стены и башни⁷⁰. В географическом разделе "Цзинь ши" среди девяти стран (или скорее племен) в Западной Монголии упоминается город Хутунь, управляемый сяньванем. В "Тун-цзянь ган-му" на севере пустыни, более чем в 3000 ли к северу-западу от Верховной столицы Ляо обозначен г. Хо-тунь. Располагался он на р. Орхон⁷¹. Основной задачей размещенного там гарнизона был контроль над племенами. Он насчитывал более 20 тыс. киданьских воинов. Хозяйственные работы вели члены 700 бохайских, чжурчжэньских, китайских семей и семей сосланных преступников-киданей. В конце XII в. в Хо-туне жил керейтский Ван-хан. Именно этот город, носивший разные названия - Каракорум (тюрк.), Хоринь, Хара-Хоринь (монг.), Холин-чен (кит.) - объявил в 1220 г. своей столицей Чингис-хан. В 50-х годах нашего столетия здесь были найдены различные вещи киданьского происхождения⁷².

С прибытием на западную границу империи начинается новый этап не только в биографии Елюй Даши, но и в истории киданьского общества - последняя попытка вооруженной борьбой сломить натиск завоевателей, а после ее неудачного завершения - поход на запад с целью образования нового государства. Хронологически этот период продолжался с 1124 по 1143/44 гг. - с момента образования государства Бэй Ляо и до смерти Елюй Даши, оставившего своим наследникам мощное государственное образование с центром в бывшей столице Караханидов Куз-ордо.

Остановить натиск чжурчжэней и вернуть гибнущей империи былую славу можно было только объединив все античжурчжэньские силы, в том числе и многочисленные кочевые племена Монголии, для которых полчища Агуды представляли потенциальную опасность. И Елюй Даши отлично понимал это. В такой сложной ситуации он показал себя искусным стратегом и опытным политическим деятелем. Уйдя от последнего киданьского императора с небольшим отрядом воинов, он затем пополнял свое войско за счет мелких киданьских племен, родов и

гарнизонов крепостей, еще не захваченных чжурчжэнями. К этому времени умер Лян-ван, бывший "императором" всего несколько месяцев (5-10-й месяцы II23 г), а следующая креатура Даши, Елюй Чжуле, в II-м месяце того же года был убит своими соратниками. И хотя император Тянь-цзо еще скитался по степям и даже считал себя верховным владыкой уже практически не существующей империи, в политическом смысле он был мертв. Поэтому Елюй Даши и решился, как сообщает "Ляо ши", объявить себя императором. Это произошло в пятый день 2-го месяца года цзя-чэнь (II24)⁷³.

Здесь многое неясно. Судя по "Ляо ши", Даши признавал Тянь-цзо императором до 7-го месяца II24 г. Она же сообщает, что Елюй Даши был провозглашен императором лишь после победы у Синь-сю-каня (Самарканда), причем и в 29-й, и 30-й главах указывается один и тот же II24 г. Налицо явное противоречие. Мусульманские источники вторжение кара-киданей относят к II28 г., не ранее. Да и сама "Ляо ши" сообщает о том, что движение на запад началось в день цзя-у 2-го месяца. Она не называет год, но по подсчетам Лян Юань-дуна это могло произойти только в II30 г., ибо ни один из предыдущих годов не имеет подобного дня во 2-м месяце⁷⁴. Цинский ученый Цянь Дасинь считал, что отрывок, содержащий дату цзя-чэнь, просто заимствован составителями "Ляо ши" с целью прославления Елюй Даши⁷⁵. В действительности подобная дата в китайском 60-летнем цикле могла быть только в II24 г., а по данным некоторых цзиньских источников Елюй Даши известен в качестве императора именно с II24 г.⁷⁶ Это подтверждают "История государства киданей" Е Лунли и даже сама "Ляо ши", в 29-й главе которой указан II24 г. Таким образом, можно сделать вывод, что Елюй Даши был провозглашен императором в II24 г., а не после победы в битве в Катванской степи под Самаркандом.

На первых порах бегство Елюй Даши было выгодно чжурчжэням. Полководец Валу с тревогой докладывал императору о сообщении перешедшего на сторону чжурчжэней киданьского чиновника сяньвэня Дабуе о том, что в распоряжении Даши находится 10 тыс. всадников. Однако император велел сосредоточить все внимание на захвате Тянь-цзо, который с таким же количеством пеших и конных воинов намеревался вторгнуться в область Тянь-дэ (современная провинция Шаньси), а относительно возможных военных действий против Даши ждать указа⁷⁷. Император верно рассудил, что Елюй Даши понадобится некоторое время для того, чтобы собрать достаточные силы, а Тянь-цзо с его армией все еще опасен потому, что остается символом государства киданей.

Однако после пленения Тянь-цзо положение изменилось. "В 3-м году (эры правления Тянь-хуй, 15.II.II25-24.01.II26) командующий войсками нескольких провинций Ванъянь Синь сказал, что получены

сообщения о том, что тангуты вошли в соглашение с Елюй Даши⁷⁸, и благоприятствовал этому союзу отход цзиньских войск после захвата киданьского императора⁷⁹. Даши очень ловко использовал стремление тангутов отвоевать территорию Тянь-дэ. В ответном послании говорилось: "Тангуты, возможно, с Даши составляют заговор; нельзя не следить за появлением возможности (атаковать их); надо провести серьезные (военные) приготовления"⁸⁰. Тангуты, однако, не решились открыто выступить на стороне Даши и лишь позволили ему, судя по сообщению сунского военачальника Чжэ Кэцю, собрать 100-тысячную армию в северных районах своей империи. Чжэ Кэцю сообщает также, что в 1126 г. Елюй Даши обратился к Сунской империи с предложением союза против чжурчженей и предлагал атаковать Цзинь с юга. Но стремительное наступление чжурчженской армии привело к падению Западной столицы Сунской империи Лояна и осаде Восточной столицы - Бяньцзина (Кайфына), что, в свою очередь, заставило сунских правителей пойти на заключение мира с Цзинь⁸¹.

Елюй Даши был поставлен перед необходимостью искать другого союзника и начал переговоры с татарами, которые согласились не поставлять лошадей в цзиньскую армию. Однако, как только чжурчжени сделали запрос о "причине неповиновения", татары вынуждены были подчиниться и послали с объяснением в Цзинь наследника хана, где тот был задержан в качестве заложника⁸². Тем не менее авторитет Даши возрастал. Цзиньский главнокомандующий Нянххань сообщал императору, что Елюй Даши установил более тесные контакты с Западным Ся, и цзиньское правительство вынуждено было отправить карательные отряды под командованием Елюй Юйду, Шицзяну и Балису. Правда, в "Тан му" сообщается, что основная задача этих отрядов заключалась в слежке за передвижениями Даши, но, как явствует из "Цзинь ши", в помощь карателям предполагалось мобилизовать воинов у некоторых северных племен. Однако племена эти отказались поставить солдат⁸³. Отряд Шицзяну достиг реки Унашуй (Нонни) и вернулся, лишь опустошив ряд областей⁸⁴. Елюй Юйду доложил вскоре, что по имеющимся у него сведениям Елюй Даши соединился с войсками тангутов в районе Хэчжоу и ему неизвестно "куда направился Даши"⁸⁵. Татары обещали Елюй Юйду провести цзиньские войска к лагерю Даши, если чжурчжени отпустят сына их хана.

Достигнутые успехи позволили Елюй Даши провозгласить создание нового киданьского государства Бэй Ляо (Северное Ляо). О том, что Даши провозглашен правителем этого государства с почетным титулом Тянь-йи, известно из доклада сунскому императору вернувшегося из чжурчженского плена чиновника Чао Цзуду (1128)⁸⁶. Воспользовавшись беспокойством, которое вызвало у кочевников появление чжурчженей в Монголии, Даши созвал курултай племен в старинном уйгурском городе Бэйтин (Бешбалыке)⁸⁷. На этот съезд

прибыли главы семи областей и вожди 18 племен. К.А.Виттфогель и Фэн Цзяшэн, со ссылкой на Лян Каньдуна, пишут, что эти семь областей, возможно, были созданы самим Даши после того, как он объявил себя императором⁸⁸. Вероятнее всего речь идет о тех областях, на которые делилось государство Бэй Ляо. Общее местоположение этих областей (Вэйу, Чун-дэ, Хуй-фань, Синь, Ла-линь, Цзу-хэ, До) обозначено в "Тун-цзянь ган-му": "семь чжоу на западной границе". В "Хуан мин сы и као" ("Варвары при династии Мин") есть сообщение, что при династии Кань уйгур Ху-на-ши-ли, правивший в Хами, получил титул князя Вэйу. Это наводит на мысль, что Даши создал округ Вэйу в районе Хами. Что из себя представляли чжоу, видно из дневника Сюй Канцзуна, участника первого сунского посольства, направленного к чжурчжэням: "Во времена наивысшего могущества киданей "чжоу" называли укрепление из земли протяженностью несколько десятков ли, в котором находилось 100 семей и резиденция чиновников, имевших лишь по три стропила на крышах своих домов. Такой чжоу не равен даже городку Срединного государства"⁸⁹. Среди 18 племен значатся племена, жившие в самых разных частях Монголии. Здесь Большие желтые шивэй, кочевавшие в районе Байкала, теле (теленгуты Рашид ад-Дина), обитавшие по берегам Амура, ван-цзи-ла (онгираты), цзя-цзи-ла (джаджираты), ми-р-ки (меркиты), цзу-бу (татары), тан-гу (тангуты), ху-му-сю (хумус), е-си (йисуты⁹⁰), би-гу-дэ, тоже, возможно, жившие на Амуре⁹¹, нила, хэ-чу, у-гу-ли (уги, урянхай⁹²), бу-су-уань, си-ди, да-ла-гуай (таргутай⁹³), да-ми-ли (у Рашид ад-Дина-тамгалык⁹⁴), цзю-эр-би. Этим списком подтверждается сообщение "Цзинь ши", что влияние Даши распространялось практически на всю Монголию.

На курултае Елюй Даши обратился к собравшимся с программной речью: "Мои предки основали обширную империю и вынесли много испытаний; девять императоров правили последовательно в течение двухсот лет. Сейчас Цзинь, подданные нашей династии, убивают наш народ и разрушают наши города. Наш император Тянь-цзо был вынужден позорно бежать и покинул империю, находясь постоянно в тревоге. Сейчас, полагаясь на справедливость своего дела, я прошу вашей помощи в уничтожении нашего общего врага и восстановлении нашей империи. Я уверен, что вы почувствуете сострадание к нашим бедам. Можете ли вы смотреть без горя на разрушение храмов наших духов-правителей? Без сомнения, вы поможете вашему императору и отцу; вы не будете безразлично смотреть на несчастье наших людей"⁹⁵. В ответ на свой страстный призыв Елюй Даши получил более 10 тыс. хорошо вооруженных и прекрасно обученных воинов. Ему оставалось только назначить командиров и привести в порядок оружие и снаряжение. Все войско было разделено на отряды по 500 человек⁹⁶. Вероятно, на этом же съезде Елюй Даши принял на себя монгольский

титул "гурхан". Если императорский титул отражал его притязания на киданьский престол и стремление возродить империю, то второй показывал, что средством для достижения цели он избрал конфедерацию монгольских племен, противников чжурчженей. Тем самым решались сразу две задачи: под его знамена собирались и киданьские беженцы, и "лишившиеся имения, голодные, истомленные, бедные и всякого сорта люди"⁹⁷.

Теперь Даши уже смог начать попытку контрнаступления на территории, находившиеся под контролем чжурчженей. Известно, в частности, о его походе на округ Тайчжоу, находившийся к западу от слияния рек Нонни и Сунгари, в район, который был опустошен карательным отрядом Шицзяну. Один из военачальников этого округа Подухо советовал императору, пока еще Даши не приблизился к "основным кочевьям", "создать линию из укрепленных поселений". Император не решился на это из-за боязни, что "племена придут в возмущение", и приказал "только осторожно и внимательно следить за ним"⁹⁸.

Когда же до чжурчженей дошли слухи о курултае, цзиньский император весной 1129 г.⁹⁹ отправил 20-тысячный корпус под руководством Елюй Юйду против Бэй Ляо. Юйду — один из крупнейших киданьских вельмож, родственник императора. В 1121 г. перешел к чжурчжэням, был хорошо принят и поставлен во главе их армий, брошенных в 1122 г. на "адинфу (Среднюю столицу)". Позднее, в период войны Цзинь с Сун, как явствует из "Цзинь ши", стал членом Военного совета (цз. 30, л. 30а). Он предложил свой план: захватить Кэдуньчен и создать там гарнизонные поля, дабы обеспечить экспедиционный корпус продовольствием. План был принят, однако, на всякий случай в качестве заложников чжурчжэни оставили жену и детей Юйду. По пути в Кэдуньчен деятельности фуражиров всячески мешали бэйляоские разъезды, старавшиеся силой или агитацией привлечь их на свою сторону. Никто из фуражиров не вернулся больше на родину¹⁰⁰. К осени 1129 г. Юйду занял Кэдуньчен. "Летучая конница Даши несколько десятков раз подходила к городу; тогда Юйду отправил для переговоров гонца и (после переговоров) Даши отступил"¹⁰¹. Вскоре отошел от города и Елюй Юйду, запасы продовольствия которого были исчерпаны. О чем были переговоры — сказать трудно. Вероятно, Елюй Юйду, более информированный о реальном соотношении сил киданей и чжурчжэней, посоветовал не испытывать судьбу. Правда, в докладе Нянъханя императору говорится, что цзиньские солдаты сражались с войсками Елюй Даши три дня и три ночи и только недостаток продовольствия и морозы, вызвавшие волнение в армии, заставили чжурчжэней отойти¹⁰². Имело значение, видимо, и то, что вожди кочевых племен отказали чжурчжэням в повиновении, а монголы во главе с Хабул-ханом даже объявили им войну.

В день цзя-у 2-го месяца II30 г. Елюй Даши принес в жертву Небу, Земле и своим предкам серого быка и белую лошадь и устроил смотр своим войскам, перед которыми поставил задачу совершить марш на запад. Одновременно он послал правителю уйгурского Турфанского княжества письмо следующего содержания: «В прежние времена мой предок, император Тай-цзу, который вел свою армию на север, проходя через город Бу-гу-хана, послал гонцов к твоему предку У-му-чжу в Тянь-чжоу со следующим посланием: "Лелеешь ли ты память о своей древней стране? Я завоюю ее для тебя, если ты захочешь вернуться". Но твой предок поблагодарил императора, сказав, что его народ оставил свои старые жилища уже больше десяти поколений назад, что все совершенно счастливы в своей теперешней стране и не имеют желания вернуться в свою первоначальную вотчину. Это доказывает, что мы в течение долгого времени находимся в хороших отношениях с вашим народом. И теперь я намерен пройти через твою страну. Не питай подозренья»¹⁰³. Турфанское княжество уже утратило к этому времени свое былое военное могущество и его правитель Бильгэ, "получив письмо, сразу же выехал навстречу". Три дня он провел в ставке Даши и на прощанье подарил 600 лошадей, 100 верблюдов и 300 баранов, "охотно оставил в качестве заложников детей и внуков и стал его вассалом", проводив Даши до границ своих владений¹⁰⁴. Г.Е.Грумм-Гржимайло высказывает предположение, что Бильгэ вовсе не признавал себя вассалом киданей. Действительно, сам текст письма не свидетельствует о том, что Даши требовал от уйгурского правителя выполнения каких-то обязательств. Лишь военная сила киданей заставила его разрешить проход через территорию Уйгурии, да и то лишь по северной окраине¹⁰⁵.

Прежде чем отправиться "к арабам", армия Даши для отдыха и пополнения продовольствия пыталась пробиться в горы Иньшань (хр. Борохоро, входящий в систему Тянь-Шаня¹⁰⁶), но не смогла сразу войти до пастбищ из-за обильного снега и нагромождения скал.

Империя Сун наконец-то дала "ответ" на сделанное когда-то Елюй Даши предложение о союзе. Сунский чиновник Ван Цзао представил на рассмотрение своего императора доклад, в котором предлагал установить с киданями дружественные отношения. Он считал, что поскольку Елюй Даши еще слаб, союз этот заключить будет легко. Сунский главнокомандующий Чан Чунь, по замыслу Ван Цзао, должен был отправить к Даши в качестве послов смелых людей с ценными подарками. Однако вскоре чжурчжэни присоединили к буферному государству Ци провинцию Шэньси и претворение в жизнь этого плана было сорвано¹⁰⁷.

В 9-м месяце II32 г. цзиньское правительство, узнав о том, что Елюй Юйду потерял золотую пайцау, данную ему чжурчжэнями, заподозрило его в секретных сношениях с врагом и начало следствие.

Подозрение увеличивали и неудачные действия Юйду в районе Кэдунь-чена: "в сем походе померло великое множество крестьян из помянутых трех дорог (Янь, Юнь, Хэдун. - Г.П.): почему Елюй Иду возвратился без всякого успеха"¹⁰⁸. Недовольный обращением с ним и раздраженный тем, что в качестве заложников были взяты члены его семьи, Елюй Юйду вместе с некоторыми другими киданьскими сановниками, состоявшими на службе у чжурчженей, поднял мятеж, но он был неудачен. По требованию чжурчженей "племенной цзедуши Тугусы схватил и казнил Елюй Юйду, а также всех его сыновей. Положив их головы в футляр, преподнес императору Цзинь"¹⁰⁹.

Почему же кидани двинулись именно на запад, а не на юг или север? На это имелся целый ряд причин.

На востоке и юге существовали довольно сильные государственные образования - Сун, Цзинь, Западное Ся, зато на западе политическая ситуация была нестабильна. В X-XII вв. обширные пространства среднеазиатского региона находились под политическим контролем Караханидов. Их владения к этому времени были разделены на "фактически самостоятельные уделы, управляемые членами или родственниками Верховного хана", воевавшими между собой, что привело к их ослаблению и "послужило одной из причин падения государства Караханидов" в будущем¹¹⁰. В то же время в этом регионе шел интенсивный рост городов, порожденный продолжившимся развитием феодального способа производства в оседло-земледельческих поселениях Средней Азии и юга Казахстана. Растущие потребности городов в рынках сбыта своей ремесленной продукции, повышение спроса на сырье, производимое лишь скотоводческим хозяйством, служили мощным стимулом втягивания кочевников в орбиту товарно-денежных отношений с земледельческими районами. Следствием этого явился быстрый рост товарности скотоводства, что стимулировало кочевников увеличивать пастбища. Стремление к расширению пастбищ, а также желание родоплеменной знати участвовать в торговых делах без посредников толкало кочевников на конфликты с соседними племенами. Была и другая причина перемещения этих племен. По словам К.Маркса, "давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы"¹¹¹.

Таким образом, киданям, предводительствуемым Елюй Даши, не было места среди кочевых народов Восточной Азии и оставалось либо подчиниться чжурчжэням, либо уйти в западные районы, где они могли, пусть силой, но получить земли для расселения. К тому же Елюй Даши не первый из киданей отправился в Среднюю Азию.

После образования киданьской империи Ляо некоторые племена, не желавшие подчиниться, ушли на запад. С ними ушли и отдельные киданьские роды. В 924 г. огромная киданьская армия продвинулась на запад вплоть до территории обитания "племен иртышских гор". После окончания похода часть киданей осталась близ Южного Алтая, где попала под сильное влияние местного населения. В 1010 г. кидани, по свидетельству Абу-л-Фараджа, через территорию уйгуров в Ганьчжоу вторгаются в Семиречье¹¹². Через четыре года они потерпели поражение уже под Бухарой от ее правителя Ахмада ибн Али. Эти события осложнили шедшую с 1012 по 1016 г. междоусобную войну в Караханидском государстве. В 408 г.х. (1017-1018), как пишет Ибн ал-Асир, "вышли турки из Сина в большом количестве, свыше 300 тысяч кибиток из тюркских родов, среди них хитай, которые овладели Мавераннахром ... Причиной их нашествия было то, что Туган-хан воцарился в Туркестане, он заболел тяжелой болезнью и долго хворал, поэтому они надеялись (захватить страну), отправились туда и завладели частью ее, угнали скот и пленных. Между ними и Баласагуном оставалось расстояние в восемь дней (пути), и, когда дошло до него это известие, он (Туган-хан) находился в нем (городе) больной. И он попросил Аллаха всевышнего исцелить его, чтобы он мог отомстить неверным и защитить страну, потом, после этого, пусть делает с ним что хочет. И Аллах взял ему и исцелил его. Он собрал войска и написал в остальные мусульманские области, созывая на помощь людей. И собралось к нему 120 тысяч добровольцев.

Когда известие о его выздоровлении, наборе войск и многочисленности его сторонников достигло тюрков, они вернулись в свою страну. Он следовал за ними около трех месяцев, пока не настиг их, в то время как они были уверены в безопасности по причине дальности расстояния. Он нагрянул на них, убил больше 200 тысяч, а в плен взял около 100 тысяч и захватил в добычу верховых лошадей, кибитки и, кроме того, золотых и серебряных сосудов и изделий Сина столько, сколько никому не доставалось, и вернулся в Баласагун"¹¹³. После этого хитай стали искать союза с Газневидами против Караханидов. Вряд ли это был организованный поход киданей. Китайские источники, в частности "Ляо ши", о нем ничего не упоминают. Скорее всего это было нашествие соседних с Ляо тюркских и монгольских племен, в состав которых, возможно, могли входить и племена с территории Ляо.

В 1024 г. Кита-хан и Уйгур-хан отправили послов Махмуду Газневи с предложением установить дружественные отношения и при этом даже выразили готовность признать себя его вассалами. Вероятно, в данном случае речь идет о какой-то группе вытесненных с территории империи Ляо племен, желавших заручиться поддержкой Газневидов в борьбе с Караханидами.

В начале 30-х годов XI в. под давлением киданей началась миграция тюркоязычных племен на запад. Наиболее подробные и пространные сведения об этом переселении сообщает Шараф ал-Заман ал-Марвази: "Среди них есть группа людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они христиане несторианского толка^{II4}. Своей округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их (числа) Икинджи ибн Кочкар Хорезмшах. Их (кунов) преследовал народ, который называется кай. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. (Тогда) куны переселились на землю шаров, а шары переселились на землю туркмен. Туркмены переселились на землю печенегов поблизости от Армянского моря (Черного моря)"^{II5}. На непосредственную роль в этом передвижении киданей указывает Абулгази, подчеркивая, что это были киданьские роды, жившие на западе империи: "Ближе всех других илей к туркменам жили хатаи, канглы и найманы. Эти илеи стали нападать на оставшихся туркмен. Туркмены покинули все эти юрты - Иссык-куль, Алмалык, Сайрам, горы Улуг-таг и Кичик-таг и ушли в устье реки Сыр"^{II6}.

Постепенно куны "из земли Китай" в общем потоке продвинулись далеко на запад. Под 1068 г. они упоминаются в венгерских хрониках как "черные" и "белые" куны^{II7}. На пребывание их в половецкой степи указывают и русские летописи. В 1095 г. был убит половецкий князь Китан. Под 1103 г. упоминается целый род киданей - Китан-опа. Отражение имени кун видно в имени половецкого хана Кунуя^{II8}. И.Маркварт и П.Пельо, опираясь на сообщение Ауфи, причислявшего к "туркам" марка, вышедших из страны Кыта, называвшихся также кун, считают, что речь идет о половцах (команах), которых мадьяры называют куни^{II9}. Г.Е.Грумм-Гржимайло считает, что это надо "понимать так, что в составе половецкой народности ... марка составляли отдельный род или отдел"^{II0}.

Уже примерно в это время, если верить Г.Рубруку, появилось название "кара-китай": "Именно когда франки взяли Антиохию (1098 г. - Г.П.), единовластие в упомянутых северных странах принадлежало одному лицу, по имени Кон-хан. Этот Кон был каракатай"^{II1}.

Непосредственно перед приходом Елтой Даши на службе у Карахидов находилось более 16 тыс. шатров киданей. По Ибн ал-Асиру, они переселились в Семиречье еще при Арслан-хане Сулеймане^{II2}.

Сначала они обосновались на границе между Китаем и владениями Караханидов. Их задачей было защитить горные проходы, за это они получили участки земли и определенное жалованье. Ал-Марвази отмечает, что ханы китаев и уйгуров закрыли дороги в свои страны и выставили войска из боязни происков Караханидов¹²³. Однажды эти кидани остановили богатый караван и потребовали от купцов, чтобы те указали им хорошие пастбища, и купцы отправили их в сторону Баласагуна¹²⁴. По "Тарих-и Хайдари", это переселение произошло в 433 г.х. (1041-1042)¹²⁵. Арслан-хан потребовал от них принятия ислама. Они не согласились, но во всем остальном оказывали хану полное повиновение, и тот оставил их в покое. Ибн ал-Асир сообщает, что Арслан-хан часто нападал на них и навел большой страх¹²⁶. И.Э.Фишер считает, что эти кидани и были сначала названы "черными" (кара): "не так для черноты старинных жителей, как наипаче, что они, яко побежденные, должны были платить некоторую дань своим победителям"¹²⁷. Абулгази тоже сообщает об этих киданях, но их переселение относит к более позднему времени¹²⁸.

Об упомянутых выше передвижениях рассказывают многие мусульманские авторы, начиная с Утби, и все эти нашествия приписывают киданям. Однако в "Ляо ши", которая пунктуально зарегистрировала все военные походы периода империи, упоминаний об этом нет. Скорее всего это были различные монгольские племена, бежавшие от экспансии киданей на запад. Это подтверждает и письмо одного из несторианских епископов Средней Азии несторианскому католику в Багдаде. В нем говорится о нашествии народа, разделявшегося на восемь родов¹²⁹. В.В.Бартольд предположил, что речь идет о найманах¹³⁰. Можно предположить также, что отдельные племена, входившие в состав империи Ляо, постоянно откочевывали на территорию Восточного Туркестана, что вполне понятно, ибо сам кочевой образ жизни, способ производства в его экстенсивной форме заставлял средневековых номадов делать большие переходы для выпаса своего скота. В качестве примера можно привести сообщение Ибн ал-Асира о тюркском племени, кочевавшем на зимние пастбища под Баласагун с Нижнего Поволжья.

Таким образом, кидани двинулись на запад по уже известному пути в надежде, пополнив силы за счет осевших там ранее киданьских родов, вновь вернуться на родину и восстановить ее былое могущество. Елюй Даши "был умным и весьма даровитым человеком. Надлежащим порядком он собрал у себя из трех пределов отряд"¹³¹.

По китайским источникам известно лишь об одном походе киданей через Туркестан, мусульманские же авторы сообщают о двух маршрутах. Поэтому В.В.Бартольд делает вывод: "Движение китаев произошло по двум путям; часть их направилась через Восточный Туркестан, но потерпела поражение от Арслан-хана Ахмеда кашгар-

ского, сына Табгач-хана Хасана и внука Арслан-хана Сулеймана. Ибн ал-Асир относит эту битву, в которой пал сам предводитель китаев, к 522 г.х. (1128); на самом деле она, вероятно, произошла несколькими годами позже, так как в письме султану Синджара к багдадскому правительству, написанном в июле 1133 г., о ней говорится как о недавнем событии. Китайские источники знают только это движение китаев и связывают с ним образование империи "западных лян". Поэтому становится сомнительным, действительно ли основатель каракитайского государства тождествен с Елюй Даши китайских источников¹³². Последнее сомнение совершенно безосновательно и справедливо не разделяется современными исследователями, но что касается сообщений мусульманских историков, то и в них есть некоторые неясности. Однако прежде необходимо отметить неубедительность аргументации Г.Е.Грумм-Гржимайло, возражавшего В.В.Бартольд: "Фактов, подтверждающих это предположение, мы не имеем; с другой стороны Баласагун обычно составлял часть территории кашгарских Караханидов, а поэтому вероятно, что и в данном случае Арслан-хан Ахмед выступил на защиту своих северных владений, управлявшихся в качестве наместника одним из Караханидов. Не более вероятно и другое предположение: что Ахмед-хан встретил Елюй Даши на северной границе Кашгарии, где и нанес ему поражение"¹³³. Этому противоречат сведения источников о знатности рода Баласагунского правителя, который уже поэтому не мог быть просто наместником, и приводимый ниже анализ дат китайских источников. А то, что "до 1133 г. князь Даши не только не предпринимал дальнейших враждебных действий против мусульманских государств, но и держал себя в отношении последних весьма осторожно, в тиши подготавливая свои последующие удары", лишь подтверждает данную ему Рашид ад-Дином характеристику человека "большого ума, великих способностей и редкого благоразумия"¹³⁴.

Анализ китайских источников тоже приводит к выводу, что кидани дважды пытались вторгнуться на территорию Туркестана. Дело в том, что в китайских источниках есть два сообщения о движении армий Елюй Даши через страну уйгуров. Первый раз он прошел там в 1130 г., в день цзя-у (по "Ляо ши"), а по "Бэй ши цзи" в 1132 г., он снова вступил "в страну хуй-ху, захватил ее территорию и основал там королевство"¹³⁵. По всей вероятности, отдохнув в горах Иньшань (хр.Борохоро), армия Даши двинулась на север¹³⁶.

На первых порах кидани поселились в районе, где, как указывают мусульманские источники, проживали киргизские племена. Этот район постепенно превращался в плацдарм для дальнейшего продвижения на запад: "Земля эта заселилась: отовсюду лишившиеся имущества, голодные, истомленные, бедные и всякого сорта люди собирались в этот город; народонаселение увеличилось до сорока тысяч

семейств"¹³⁷. Город, о котором идет речь, находился на юге Тувы. В монгольском эпосе есть сообщение, истоки которого восходят к XI в., о родоначальнике племени мангутов хане Нанчине, жившем на Орхоне: "Соседним государством Нанчина является государство кергисов"¹³⁸. Рашид ад-Дин тоже указывает, что киргизы в это время граничили с юго-запада с найманами, жившими к югу от Алтая. У них часто происходили стычки, а в 1199 г. найман Буюрук-хан бежал со своей территории от Чингис-хана в Туву, которая в то время была одной из "областей кыргызов"¹³⁹. Вскоре кидани, по сообщению Абулгази, "считая тамошних жителей за пришельцев ... начали похищать скот у них, а потому и там не могли ужиться"¹⁴⁰. Встретив вооруженное сопротивление со стороны киргизских племен, кидани в 1132 г. вернулись в Турфанское княжество, о чем и упоминается в "Бэй ши цзи". И уже отсюда вторым путем они пришли в район Имиль (Чугучак), захватив с собой огромное количество тюркских племен (40 тыс. шатров)¹⁴¹. Пришедшие с Даши племена "основали город" Имиль¹⁴², от которого уже в XIII в. остались только следы. С этого плацдарма и была проведена своего рода боевая разведка - сделана попытка захватить Кашгар. Можно предположить, что инициатором был кто-то из военачальников Даши, который и погиб на поле брани. Елюй Даши, учтя опыт своего авангарда, решил изменить направление удара. Видимо, он был уже осведомлен о политической ситуации в Семиречье и, кроме того, рассчитывал на поддержку осевших в районе Баласагуна киданьских родов.

Неизвестно, сколько времени кидани еще оставались бы в районе Имиля, если бы не затруднительное положение правителя Баласагуна Ибрахима ибн Ахмада. Дегинь почему-то именует его уйгурским принцем¹⁴⁴. Этот Караханид призвал киданей к борьбе против притеснявших его племен канглов и карлуков. Войска Елюй Даши оттеснили кочевников от столицы, заняли ее и на первых порах служили Арсланхану верой и правдой¹⁴⁵. Затем, увидев слабость баласагунского правителя, они устранили его и подчинили себе Семиречье. В этом плане интересно и сообщение "Цзинь ши" о том, что город Гу-цзева-р-до сдался Даши без боя. Письмо султана Санджара к багдадскому правительству, написанное в июле 1133 г., на которое ссылается В.В.Бартольд, указывает, что к этому времени незахваченным оставался лишь юго-восточный Туркестан¹⁴⁶. Покорены были канглы. "Турхан киданьский вступил в Кашгарские пределы с ратью великою, число которой одному Господу было известно"¹⁴⁷. В это время правителем Кашгара был сын Ахмеда Ибрахим. В преданиях XVI в. ("Маджму ат-таварих") сообщается, что Ибрахим в целях оборонительной борьбы против киданей в Ферганской области и на Тянь-Шане создал киргизские объединения - правое и левое крылья. В данном случае не столь важно существование "давней легенды, связывающей кирги-

зов с Ферганой и Тянь-Шанем в домонгольское время", сколько описание, единственное в своем роде, захвата киданями одной из своих будущих столиц — Кашгара. Произошло это, вероятно, в II36 г., ибо, по "Маджму", именно в этом году и умер Ибрахим ибн Ахмед¹⁴⁸. Джемаль Карши называет Ибрахима "мучеником" (шахид), и В.В.Бартольд на этом основании предполагает, что он мог погибнуть в борьбе с "неверными" — киданями¹⁴⁹. Совершив походы против Хотана и других владений, к II37 г. кидани появились у границ Мавераннахра.

Особого внимания заслуживает так называемая "восточная экспедиция" киданей. В 3-м месяце II34 г. (по Н.Я.Бичурину, в начале II27 г.¹⁵⁰), как указывает "Ляо ши", Елюй Даши отправил 70-тысячную армию под командованием Сяо Валила на восток, через пустыню, чтобы восстановить империю Ляо. «Перед отправлением убил сивого быка и белую лошадь, чтобы принести их в жертву Небу. Подняв знамя, Елюй Даши с клятвой обратился ко всем:

"Тайцзуну и Тайцзун — два хана династии Дайляо — в непрерывных трудах смогли создать ханскую державу. Ханы, вззошедшие на престол вслед за ними, оттоле впредь предавались наслаждениям и не думали о государственном управлении. Вследствие этого разбойники поднялись, подобно пчелам, и Поднебесная распалась на страны. То, что я взял вас и пришел сюда, означает: хочу вернуть великий престол и возродить его из упадка. Эта страна — не та страна, где мы с вами (будем жить) из поколения в поколение".

Затем, поучая главнокомандующего Сяо Валила, сказал: "Теперь вы взяли войско и отправляетесь в поход. В походе награждай заслуженных людей и наказывай преступников! Будь с войсками единым в радости и горе! Становись Лагерем, выбрав (место) с хорошей водой и травой! Вступай в бой смотря по положению дел противника! Ты сам не уклоняйся от забот!". Когда закончил речь, Сяо Валила и другие взяли войско и отправились в поход. Пройдя свыше десяти тысяч ли, совершенно ничего не приобрели, а лошадей и овец погибло весьма много, поэтому взяли войско и возвратились назад. Елюй Даши сказал: "Высочайшее Небо не согласно (со мной) во мнениях. Это предопределено судьбой и есть положенное число" — и горько заплакал¹⁵¹.

В истории этой экспедиции многое неясно, даже непонятно, кто же возглавлял ее. В "Ган му" говорится о том, что Елюй Даши назначил Сяо Валила главнокомандующим всеми войсками, а в поход пошел сам. Однако там же сообщается, что "Сяо Эрлэ прошел около 10000 ли и никого не видел"¹⁵². Джувейни сообщает о каком-то походе с целью отмщения киргизам: "послал войско к пределу киргиз, чтобы отомстить за беспокойство, причиненное ими"¹⁵³. В.В.Бартольд считает, что речь идет об енисейских киргизах на территории уйгуров: поход "вероятно, был связан с теми действиями уйгу-

ров, о которых говорится в "Цзинь ши", особенно с событиями 1130 г." А не следует ли здесь предположить связь именно с этой экспедицией 1134 г., перед которой, вероятно, ставилась либо просто более скромная задача подчинения киргизов, либо эта задача должна была быть решена попутно. Тогда понятно, почему армия Сяо Валила прошла такое огромное расстояние, но не встретила врага: киргизы просто применяли партизанскую тактику. Миновать киргизов кидани не могли, потому что если бы шли наиболее коротким путем, то еще до вступления в пески должны были столкнуться с чжурчжэньским заслоном. Наконец, совпадает и протяженность маршрутов армий Даши (от Кадуньчена до Семиречья) и Сяо Валила: 10 тыс. ли, хотя подобная цифра в китайских источниках традиционно указывает просто большое расстояние.

Разумеется, такой поход не мог остаться незамеченным на востоке. Э.В. Бретшнейдер, ошибочно считая, что эта экспедиция состоялась в 1130 г., делает вывод о возможности связать выступление армии Юйду против Даши, о котором говорится в "Цзинь ши" и "Ган му", именно с ней¹⁵⁴. Показательнее другое свидетельство. Сунский шпион в Цзиньской империи Юйвэнь Сюйчжун в тайном письме в 7-м месяце 1134 г. доносил сунскому главнокомандующему Чан Цзюню, что силы Елюй Даши растут день ото дня, и советовал проводить более смелую и агрессивную политику по отношению к чжурчжэням¹⁵⁵. А о том, что киргизы в этот период враждебно относятся к новому киданьскому государству, косвенно свидетельствует текст "Ляо ши". В ней перечисляются посольства от киргизов в 930, 952 и 975 гг. Киргизы находились в ведении Управления по делам вассальных государств северной стороны, где существовала должность пограничного генерал-губернатора. В последнем разделе "Лечжуань" в биографиях Елюй Шичжи (цз. 77) и Пэньду (цз. 113) упоминается факт ссылки мятежников братьев Люгэ и Пэньду во владения киргизов на Енисее. Однако после разгрома киданьской империи чжурчжэнями среди племен, примкнувших к Даши или оказавших ему помощь (цз. 30), киргизов не было.

Таким образом, хотя после победы кашгарского хана Ахмеда бен Хасана над киданями в письме султана Санджара к багдадскому везиру была высказана уверенность, что всякая опасность с этой стороны устранена, Елюй Даши не только сумел основать обширное государство на развалинах Восточнокараханидского каганата, но и подступил вплотную к владениям Сельджукидов. Облегчил его победы целый ряд факторов, в том числе жестокая феодальная эксплуатация народных масс, упадок земледелия, значительное сокращение посевных площадей (поливных), междоусобная борьба караханидских правителей. "Они завладели страной Туркестан. Когда они занимали город, то для жителей его ничего не меняли, только брали с каждого

дома по динару — с жителей городов и, кроме того, с деревень. Что касается посевов и тому подобного, то они предоставлялись населению. Каждый из царей, кто подчинился им, прикреплял на своей груди подобие серебряной дощечки: таков знак того, кто им подчиняется" ¹⁵⁶.

Навстречу киданям в рамадане 531 г.х. (май-июнь 1137 г.) вышел правитель Самарканда, двадцатый представитель правящей династии хахан Рукн ад-Дин Махмуд ибн Мухаммед. "Елюй Даши разделил армию свою на три корпуса и учинил нападение, одержал полную победу и несколько десятков ли покрылись трупами" ¹⁵⁷, "хахан Махмуд ибн Мухаммед был разбит и вернулся в Самарканд. Событие тяжело поразило его жителей, страх и уныние усилились, ждали беды утром и вечером. То же было у жителей Бухары и других городов Мавераннахра" ¹⁵⁸. Однако кидани не воспользовались плодами своей победы, ибо понимали, что у них сил для борьбы со всеми мусульманскими владениями мало. Поэтому был достигнут компромисс. Западнокараханидские правители позволили Елюй Даши захватить земли восточной половины (Джигджиль с городами Мургаб, Фургаб и Дунгал, т.е. районы Прииссыкуля), а потом, как сообщают предания, собранные в "Маджму", правитель Ташкента Бартан-хан по прозванию Тули-хан "призвал Ноуруз-тюрю и Бахрам Джалаира и, устроив совещание, отправил к Гур-хану посольство, запросив перемирия на четыре года". Елюй Даши согласился на это, тем более что в тылу у него было неспокойно ("Касан уже до того хитая брали шесть раз, теперь Гур-хан взял (его) в седьмой раз") ¹⁵⁹.

Эта победа снова эхом откликнулась на востоке. Слухи о ней достигли империи Сун и возродили надежды многих киданьских сановников на помощь с запада. Член императорского рода Сяо Хэ-да, сопровождавший киданьскую принцессу Чэн-ань к тангутам, где она вскоре вышла замуж за правителя, не был согласен с тангутским правительством в отношении политики подчинения Цзинь. Когда Чэн-ань умерла, он вполне обоснованно стал опасаться за свою жизнь. В поисках поддержки он отправил гонцов на запад, в районы, контролируемые Елюй Даши. По непонятным причинам гонцы не нашли Даши. Сяо Хэ-да поднял мятеж, понадеявшись на помощь других киданей, осевших на территории Западного Ся. Целью восстания была неосуществимая мечта — восстановление лясской империи. В конце концов мятеж был подавлен, а его организатор погиб ¹⁶⁰. Тангуты и уйгуры выжидали. Уйгурский идикут не побоялся даже позволить уйгурам из Хочжоу схватить и выдать сторонника Елюй Даши Са-ба, а вся Уйгурия, по словам Рашид ад-Дина, окончательно покорилась гурхану лишь после того, как тот овладел Мавераннахром.

Тем временем Махмуд самаркандский запросил помощи у сельджукского правителя султана Санджара. В одиночку воевать с "не-

верными" он не решался, помня свое недавнее поражение и не доверяя своему войску из карлуков. По свидетельству Ибн ал-Асира, немалую роль в разжигании конфликта между каракитами и султаном Санджаром сыграл хорезмшах Ала ад-Дин Атсыз ибн Мухаммад (II27-II56): "хорезмшах обратился с посланием к хитам, которые (находились) в Мавераннахре, прельщая их страной (Санджара), подстрекая их напасть на государство султана"¹⁶¹. Конфликт хорезмшаха Атсыза с Санджаром был давний. Еще в мухарраме 553 г.х. (8.IX-7.X.II38) Санджар совершил поход в Мавераннахр, разбил Атсыза и убил захваченного в плен его сына Атлыка. После ухода Санджара Атсыз возвратился в Хорезм, но продолжал политику конфронтации с Санджаром. В середине шавваля 535 г.х. (май II4I г.) Атсыз отправляет султану Санджару грамоту, в которой клянется быть "другом его друзей и врагом его врагов"¹⁶². Заручившись такой поддержкой хорезмшаха и не опасаясь за свой левый фланг, Санджар в течение шести месяцев готовился к войне с Елюй Даши. Под его знамена были привлечены почти все вассалы султана: "присоединились хорасанские князья, владетели Сиджистана и Гура, князья Газны и князь Мазандерана и другие. Собралось у него больше 100 тысяч всадников и войсковой смотр (длился) шесть месяцев. Санджар выступил навстречу туркам, в Мавераннахр переправились в (месяце) зул-хидже 535 г.х. (июль II4I г.)"¹⁶³. Прежде всего он наказал карлуков, племена которых стали сильно беспокоить Самарканд. По сообщению ал-Хусайни, "конница карлуков достигла окрестностей Самарканда, их число и количество их скота увеличивалось, и стали опасаться их зла и их мятежей, а эмиры-исфахсалары стали намереваться султану, что нужно, мол, их удалить и отогнать, захватить их детей. (Однако карлуки) послали к нему (послов) и в знак службы передали пять тысяч коней и 50 тысяч голов овец. Султан не принял этого и (такое) положение привело к тому, что они отравились в страну турок и пришли в ставку (хадрат) Гюр-хана владыки Хитаи, Хотана и На'ма". Эти карлуки и сообщили Елюй Даши, что "султан Му'изз ад-Дин Санджар стал слаб, что среди его войск раздоры и стали подстрекать его (к нападению) на те страны"¹⁶⁴.

Санджар остановился в Самарканде. Елюй Даши написал ему письмо, в котором просил простить карлуков и не преследовать их. В ответном послании Санджар в довольно резкой форме угрожал киданям походом, если они не примут ислам. «И так увлекся, описывая их (своих войск. - Г.П.) способности сражаться разными видами оружия, что выразился: "ведь они рассекают волос своими стрелами". Несмотря на возражения везира Тахира ибн Фахр ал-Мулка (внука знаменитого Низам ал-Мулка), это письмо было отправлено гурхану. "Когда письмо прочитали Гурхану, он приказал вышл-

нуть (клок) бороды послу, дал ему иглу и обязал рассечь волосок из своей бороды, но тот не смог сделать этого. Тогда он сказал: "Как же кто-нибудь рассечет волос стрелой, когда ты не можешь рассечь его иглой?". И Гурхан снарядился к войне; при нем были турецкие, синские, китайские и другие войска»¹⁶⁵.

Решающее сражение между киданями и армией Санджара состоялось 5 сафара 536 г.х. (9 сентября 1141 г.). «Две армии стояли отдельно друг от друга на расстоянии двух ли, когда Даши обратился к своим войскам со следующими словами: "Мы видим перед собой многочисленный сонм, но ему нужен способный командир. Когда мы атакуем спереди, тыл не будет в состоянии прийти на помощь и не может быть никакого сомнения, что наша армия добьется победы". После этого он построил свои войска в три отделения, приказав принцам Сяо Валила, Елюй Суншань и другим во главе 2500 человек атаковать правый фланг врага, в то время как принцы Сяо Лаабу и Елюй Муси получили приказы повести 2500 человек против левого фланга, а сам Даши с основной частью армии обрушился на центр»¹⁶⁶.

"Он устремился на султана Санджара и два войска встретились, как два мощных потока, в месте, которое называется Катаван. Гурхан обошел их (воинов), так что прижал их к ущелью, которое называется Даргам. На правом крыле Санджара находился эмир Кумадж, на левом - царь Сиджистана, а позади них - ветераны. Они сразились 5 сафара 536 г. Турки-карлуки, которые бежали от султана Санджара, были сильнейшими из людей в бою. И не было в этот день среди войск султана Санджара лучшего в бою, чем князь Сиджистана, но битва принудила мусульман к бегству, а владетель Сиджистана был взят в плен и также эмир Кумадж и жена султана Санджара, которая была дочерью Арслан-хана, и (Гурхан) освободил их. (В числе пленных) был и ал-Хусам Омар ибн Абд ал-Азиз ибн Маза ал-Бухари, знаменитый законовед ханифитского толка. Не было в исламе битвы крупнее этой, и не было в Хорасане больше убитых, чем в ней. Государство хитаев и турков-неверных утвердилось в Мавераннахре»¹⁶⁷.

Прокомментируем это сообщение Ибн ал-Асира. Катаван (или Катван) - это селение в Самаркандской области. Якут пишет, что оно отстояло от Самарканда к северо-западу на 5 фарсахов. От него получила свое название Катванская степь между Зеравшаном и горами. Даргам - один из притоков реки Зеравшан, к югу от Самарканда¹⁶⁸. Что касается численности войск, то ал-Хусайни сообщает о "700 тысячах самых сильных всадников" у киданей и 70 тыс. у Санджара¹⁶⁹. Бар Эбрей приводит другие цифры: 300 и 100 тыс.¹⁷⁰ Насколько можно доверять всем приведенным цифрам, будет сказано ниже. Число погибших мусульман источники тоже называют по-разному. В маньчжурском варианте "Ляо ши" сообщается, что "на протяжении десяти ли земля была покрыта мертвыми телами"¹⁷¹. Низами-и Арузи Самар-

канди¹⁷² и Равенди¹⁷³ говорят о 30 тыс. павших мусульман. Ал-Бундари подтверждает цифру Ибн ал-Асира (10 тыс.)¹⁷⁴. Бар Эбрей рассказывает, что Санджару удалось бежать только с шестью всадниками, а его 100-тысячная армия частью была перебита, а частью пленена¹⁷⁵. В значительной мере предопределило исход сражения восстановление в войске Санджара, о котором сообщает Хамдаллах Казвини. Память об этой битве была жива еще в XIV в.¹⁷⁶ Недоумение вызывает то, что об этом сражении нет упоминания в "Ляо ши". Дегинь, желая разрешить это противоречие в китайских и мусульманских источниках, пришел к выводу, что кара-кидани совершили два похода на Самарканд: один раз против Кутб ад-Дина, правителя Ху-эр-сань, по его мнению - Хорезма, а второй - против султана Санджара¹⁷⁷. О том, что "ху-эр-сань", "хуршань" в "Ляо ши" имеет некоторое сходство с "хорезм-шахом", пишет и Э.В.Бретшнейдер¹⁷⁸. Но о битве с Хорезмом в мусульманских источниках ничего не говорится. Г.Опперт позднее убедительно доказал, что в обоих случаях речь идет о правителе Хорасана султани Санджаре¹⁷⁹. Такого же мнения придерживаются Ханеда¹⁸⁰ и Лян Каньдун¹⁸¹. Санджар действительно в течение 20 лет был правителем Хорасана. Маркварт видит в этом слове из "Ляо ши" просто арабский термин, означающий своего рода конкистадоров¹⁸². П.Пельо обращает внимание на то, что в самой "Ляо ши" (цз. II6, л. I3а) это слово и объясняется как имя военного командующего западных стран¹⁸³.

После битвы армия Елюй Даши в течение 90 дней находилась в Самарканде. "К нему пришел ван государства Хуйхуй, чтобы покориться ему, и принес в качестве дани местные (туземные) произведения страны"¹⁸⁴. Из Самарканда Даши отправился в г. Цзи-жи-мань (современный г. Кармана), находившийся на полпути между Самаркандом и Бухарой. Здесь, судя по "Ляо ши", все его командиры, гражданские и военные чиновники, собрались и провозгласили Даши императором ... Даши подарил также почетные титулы своим предкам и своей жене. После этого он собрал командиров и говорил с ними следующее: "Мы совершили вместе путешествие в 40000 ли, пересекли пустыни и испытали много лишений ночью и днем. Поэтому вы можете получить часть моей славы, я собираюсь пожаловать почетные титулы вашим предкам". Затем он даровал посмертные титулы предкам принца Сяо Валила и остальных 49 выдающихся командиров¹⁸⁵. Как уже говорилось, сообщение о вступлении Елюй Даши на престол находится в "Ляо ши" сразу после сообщения о его победе под Самаркандом, что и озадачивало многих исследователей до тех пор, пока эта загадка не была решена Цянь Дасинем. Догадка Цянь Дасиня и разработанная на ее основе хронология Ван Каньсуня (1828) были использованы Марквартом для создания хронологической таблицы по истории кара-киданьского государства. Ее данные совпали со

сведения мусульманских источников, особенно в отношении правления последнего гурхана и его свержения.

Из Цзи-жи-мани "Даши повел свою армию назад на восток. После двадцатидневного перехода верхом они достигли плодородной земли, где была основана столица и названа Ху-сы-ва-жи-до. Название правления было тогда изменено на Кан го"¹⁸⁶. При чтении этого отрывка встает прежде всего вопрос, почему изменено название правления. Кидани делали это в тех случаях, когда происходило событие особого значения. В данном случае речь идет явно о событии исключительном — основании новой столицы. Первоначально кидани, вероятно, хотели оставаться в районе Самарканда, но неблагоприятный климат, отсутствие достаточного количества пастбищ, враждебное окружение навели Елюй Даши на мысль об уходе обратно в Чуйскую долину. Он убедился, что рассказы хорезмшаха Атсыза о стране Санджара явно преувеличены.

Резонанс от битвы в Катванской степи был огромен. Вести о ней докатились до Палестины и Сирии, а оттуда в совершенно искаженном виде просочились в 40-х годах XII в. в Западную Европу¹⁸⁷. В 1146 г. баварский хронист Оттон Фрейзингенский в своей хронике вспоминал о состоявшейся годом ранее встрече с кабульским епископом из Сирии, во время которой тот сообщил ему, что "несколько лет назад некий Джон, который жил за пределами Персии и Армении на далеком Востоке, король и священник и христианин со всей своей нацией, хотя и несторианин, повел войну против королей персов и медов, братьев, называвшихся Самиарди"¹⁸⁸... они сражались три дня... Пресвитер Иоанн, ибо так они называли его, разгромив, однако, персов, явился победителем в самой жестокой резне"¹⁸⁹. Он якобы дошел до Экбатаны (Хамадана), но не решился перейти Тигр и увел свои войска обратно¹⁹⁰. "Хроника" не указывает точную дату, говоря лишь "несколько лет назад", зато ее совершенно точно приводит сочинение, продолжающее "Хронику" Оттона Фрейзингенского¹⁹¹. В 1165 г. папа и некоторые государи получили подложное письмо к византийскому императору Мануилу Комнину от имени священника Иоанна. Папа Александр III в 1177 г. отправил своего лейб-медика, магистра Филиппа, с письмом к этому царю "Трех Индий" и всех земель от вавилонской башни до места погребения апостола Фомы. Таким образом, европейские авторы ошибочно приписали караkitаям поход в Иран и Месопотамию и сочли их подданными христианского государя. Возможно, однако, что сирийский епископ располагал какими-то сведениями о наличии среди "неверных" несториан, либо керейтов, либо, что тоже вполне вероятно, самих киданей. Имя этого царя Иоанна связывали с именем апостола Иоанна, который называл себя пресвитером во втором и третьем посланиях. Он якобы "не умер и выступит при конце дней провозвести-

ком Спасителя"¹⁹². П. Карпини называет его "царем Индии". М. Поло и Абу-л-Фарадж, говоря о нем, имеют в виду Ван-хана керейтского. С XIV в. его отождествляли с абиссинским негусом. К. Риттер считал, что именем Иоанн был передан титул ван-хан¹⁹³. Но этот титул, по замечанию Потье, носил лишь последний из керейтских правителей. По этому поводу В. В. Бартольд замечает: "Многие тюркские христиане носили два имени, тюркское и христианское; естественно, что они выбирали те христианские имена, которые по какой-либо причине пользовались у них особенной известностью. У керейтов могло играть такую роль имя Иоанн, как имя того патриарха, во время которого они приняли христианство"¹⁹⁴. В другом месте он добавляет: "но доказательств этого мы не имеем"¹⁹⁵. Л. Н. Гумилев считает, что Иоанн соответствует имени найманского вождя Эниата (Инанч Бильгэ Буку-хана): это "имя, либо легко переделываемое в "Иоанн", либо просто имя "Иоанн", превратившееся в Эниат"¹⁹⁶. Г. Опперт же вообще производил имя "пресвитера Иоанна" из титула "турхан", считая, что произошло выпадание "р"¹⁹⁷. Эту теорию более подробно разрабатывает Царнке, разделяют ее О. Пешель и Гутшмид¹⁹⁸. Профессор Брун пресвитером Иоанном считал грузинского царя Иоанна Орбелиани¹⁹⁹.

Слух о поражении мусульман в битве с неверными потряс арабский мир. Низами-и Арузи Самарканди в отчаянии писал: "Гур Хан Хита провел бой с королем мира Санджаром ... у ворот Самарканда и таким бедственным был этот день для армии ислама, что Трансоксания попала под его власть"²⁰⁰. Память об этом поражении была жива еще несколько столетий. В XIV в. помнили, что "между армией ислама и язычниками кара-китаями" произошла у Катавана битва, в которой "огромное количество мусульман было замучено"²⁰¹. Эти события в искаженной форме упоминаются в народных преданиях несмотря на большую давность даже в XVI в., в "Маджму'ат-таварих" и, возможно, в киргизском героическом эпосе "Манас"²⁰².

Санджар после поражения бежал в Термез, а оттуда в Хорасан. По словам Казвини, "после этого похода мощь султана Санджара была подорвана и он утратил место, которое занимал в сердцах людей"²⁰³. Вместе с Санджаром покинул свои владения Махмуд-хан Самаркандский. На самаркандский престол Елюй Даши посадил его брата Ибрахима ибн Мухаммеда. По сообщению Ибн ал-Асира он был слабым правителем. Карлуки "обвинили его в дурных поступках" и убили в 550 г. х. (II55-II56)²⁰⁴. Карши относит это событие к 551 г. х. (II56-II57). Произошло это в местности Келлябад под Бухарой²⁰⁵. Как бы то ни было, на какое-то время Ибрахим сумел распространить свою власть и на Бухару²⁰⁶. Он считался верховным правителем Западного Караханидского каганата, хотя и номинальным.

Кидани в том же II4I г. захватили после недолгого сопротивления, во время которого погиб садр Хисамуд-дин Омар²⁰⁷, Бухару. Город еще не оправился после разрушений 534 г.х. (II39-II40), причиненных хорезмшахом Атсызом, который, подняв мятеж против Санджара, взял Бухару и казнил наместника султана Занги-Али. В город в качестве наместника был назначен Альптегин²⁰⁸ (по Низами-и Арузи Самарканди: Атма-тегин²⁰⁹). Он восстановил разрушенную цитадель. Поэт Шемси, насмехаясь над садрами Бухары, писал, что они специально ездили в "орду" каракитаев и за большие деньги добыли там указы в свою пользу, которые, однако, не были исполнены: их поместья лишились воды и пришли в запустение²¹⁰.

Хорезмшах Атсыз, пожалуй, был единственным из среднеазиатских мусульманских правителей, который выиграл от этого поражения. Наследовавший своему отцу в II27 или II28 г., он стал подлинным основателем могущественной династии хорезмшахов. Хотя в первые годы своего царствования он оставался верным подданным Санджара и принимал участие во всех его походах, в том числе и против киданей, все же исподволь проводил мероприятия, направленные на усиление своей власти. После битвы в Катванской степи он прислал к гурхану в качестве посла своего полководца и предложил ежегодную дань скотом, товарами и 30 тыс. динарами²¹¹. Сделал он это, правда, лишь после того, как Елюй Даши послал против Хорезма "своего генерала Ернуза", который предал это владение "огню и мечу"²¹². В любом случае разгром Санджара был настолько благоприятен для Атсыза, что уже в октябре II4I г. он совершил поход в Хорасан. Однако к Нишапуру он подошел лишь в мае II42 г., вероятно, именно в этот промежуток произошел поход киданей на Хорезм и Атсыз решил откупиться от них данью.

Несмотря на победу в битве, Елюй Даши прекрасно понимал неустойчивость политической ситуации в регионе, которая могла измениться в любой момент, особенно если бы кидани перестали поддерживать разногласия между отдельными правителями. Действуя по испытанной методе "разделяй и властвуй", гурхан стремился противопоставить их друг другу, одновременно стараясь всеми мерами привлечь на свою сторону. Вероятно, не без помощи киданей после II4I г. в Фергане возникло самостоятельное государство со столицей в Узгенде²¹³. Первым его правителем мог быть Хусейн ибн Хасан, находившийся у власти примерно до середины XII в.²¹⁴ Перед уходом из Бухары Даши поручил сына Бэйанани, племянника хорезмшаха Атсыза, Ахмаду бен Абдул-Азизу, "который был имамом Бухары и выдающимся человеком своего времени, с тем, чтобы он не смог предпринять ни одного шага без его инструкций". Но после ухода Даши его наместник Альптегин "обратил свою руку к угнетению". В г. Барскан, где в это время находился гурхан, отправилось по-

сольство от жителей Бухары. После их визита Даши написал Альптегину письмо на персидском языке: "Во имя Бога, Милостивого, Милосердного. Пусть Альптегин знает, что хотя большое расстояние отделяет нас, наши одобрение и недовольство близки. Пусть Альптегин делает то, что приказывает Ахмад, а Ахмад то, что приказывает Мухаммад. Прощай"²¹⁵.

В десятый год периода правления Кан-го, после двадцати лет правления, Елюй Даши умер, оставив своим преемникам могущественную державу и мощную, хорошо тренированную армию. По сообщению Ибн ал-Асира, это произошло в раджабе 537 г.х. (20.01 - 18.02.1142 г.)²¹⁶. Эта дата в целом соответствует указанию китайских источников о том, что Елюй Даши умер через 20 лет после вступления на трон (1124). После смерти он получил посмертный титул Дэ цзун²¹⁷.

2. Государство западных киданей в 1144-1218 годах

По Ибн ал-Асиру, Елюй Даши наследовали вдова и его сын Мухаммед. И.Маркварт вместо "ибнуху" читает "ибнату аммихи" и приходит к выводу, что жена гурхана была его двоюродной сестрой²¹⁸. В.В.Бартольд не согласен с ним, "но каким образом можно улучшить текст ... остается неясным" и для него²¹⁹. Джувейни называет ее просто женой, но в другом месте упоминает и о правлении дочери Даши²²⁰. По Равенди, эта правительница царствовала до начала XIII в. Видимо, здесь надо идти по пути согласования мусульманских и китайских источников, что и сделал Маркварт. Его попытка, как считает и В.В.Бартольд, "в общем дала правильные результаты". По Маркварту, вдова Елюй Даши правила до 1150 г.²²¹ Звали ее Дабуянь, происходила она из рода Сю и носила титул "Гань-тянь хуан-хоу", девиз правления - Сянь-цин²²².

Первыми гурханами предпринимается ряд мер, направленных на создание эффективного государственного аппарата, на службу в который привлекались и представители подвластных народов. Джузджани сообщает, что когда кара-кидани "возвысились, главными людьми (министрами?) у них, подряд друг за другом, были несколько человек, и среди тех, кто жил приблизительно в мое время и о которых я слышал от рассказчиков, были И-ма, Сункам, Арбаз, Юма и Банико (из Тараза), а их монархом была женщина, и, наконец, после той женщины был мужчина и его титулом был Гур Хан"²²³.

Этим мужчиной был сын Елюй Даши Елюй Или, который взшел на трон в 1151 г. с девизом правления Шао-син²²⁴. При нем продолжалось укрепление государственного аппарата и был проведен ряд ад-

министративных реформ. Благодаря проведенной им переписи мы знаем численность населения страны. Она равнялась 84500 хозяйствам. Подсчитывалось количество мужчин старше 18 лет, то есть способных носить оружие²²⁵. Умер Елюй Или в 1163 г. и получил посмертный титул Жэнь-цзун²²⁶. Сын его был еще мал, и к власти снова пришла регентша - младшая сестра покойного гурхана Бу-су-ань. Такова была воля Елюй Или. Девиз правления был изменен на Чун-фу²²⁷. Бу-су-ань получила титул императрицы Чэн-тянь. При ней кара-кидани перешли окончательно к практике разбойничьих опустошительных набегов с целью захвата добычи и наказания "виновных".

В 1177 г. в государстве кара-киданей произошел государственный переворот. Императрица Чэн-тянь, вышедшая замуж за сына Сяо Валила Сяо Долубу, "была в незаконных отношениях с младшим братом своего мужа Пу-гу-цзи-ша-ли". Она даровала своему мужу титул Дун бин вана, но вскоре отдала приказ убить его. Тогда Сяо Валила окружил дворец войсками и императрица была убита вместе со своим возлюбленным. Новым императором был провозглашен второй сын Елюй Или Елюй Чжунху. Девиз правления был изменен на Тянь-си²²⁸. По словам Джуейни, чтобы занять престол, он убил своего старшего брата, которого "принесли в жертву безопасности нового суверена"²²⁹. Правление Чжунху продолжалось вплоть до захвата государства найманским вождем Кучлуком.

Всем правителям Западного Ляо пришлось постоянно вести военные действия со своими соседями. Прежде всего надо проанализировать сведения источников о попытках западных киданей вмешиваться в дела Восточной Азии. Хотя после битвы в Катванской степи основное внимание Елюй Даши и его преемников было обращено на западные границы, они следили и за событиями на востоке. С этой целью Елюй Даши оставил в Турфанском княжестве своих людей - Саба, Де-ли и Ту-де. Однако в день синь-сы 8-го месяца 9-го года эры правления Тянь-хуй (10.09.1131 г.) "уйгуры вей-хуй прислали посла с данью" к чжурчжэням, а в день цзи-ю 9-го месяца 9-го года этой же эры правления (8.10.1131 г.) эмиссары Даши были выданы уйгурами чжурчжэням²³⁰. Вероятно, выдача уйгурами этих людей и посылка ими дани чжурчжэням и заставила Елюй Даши срочно возвратиться в Турфанское княжество после столкновения с киргизами. После того, как основные силы киданей ушли на территорию Восточнокараханидского каганата, уйгуры сделали новую попытку освободиться от зависимости. Как сообщает "Цзинь ши", "в 8-м месяце 1-го года эры правления Тянь-цзкань, в день гуй-хай (15.09.1138 г.)" они вновь "прислали послов с данью ко двору". После смерти Елюй Даши уйгурские послы привезли дань чжурчжэням и сообщили о смерти первого гурхана. Это произошло в 4-м году эры правления Хуан-тун (6.11.1144 - 24.01.1145 гг.). Чжурчжэни после

этого отправили к западным киданям посла Няньгэ Ханьну, который не возвратился в Цзинь и судьба его выяснилась лишь в 1175 г., когда Салия, вождь племени Нянь-ба-энь, бежавший от кара-киданей, рассказал о его смерти во время встречи с гурханом. Чжурчжэни специально выбрали для этой миссии заслуженного офицера. Император пожаловал ему в знак отличия "упряжь, лук со стрелами и боевого коня", пожаловал дополнительно "звание генерала у-и (военная честь)". Посол встретил гурхана, который по традиции именуется Даши, во время охотничьей экспедиции. (Да-ши) спросил (Няньгэ) Хань-ну, что он за человек, осмеливающийся не сходить с коня. (Няньгэ) Хань-ну сказал: "Я посол Великого государства, получил приказ Сына Неба и прибыл призвать тебя к сдаче. Ты должен сойти с коня и выслушать императорский указ". Да-ши сказал: "Ты прибыл одиночным послом и еще желаешь заниматься препирательствами". (Затем Да-ши) приказал людям стащить с коня и заставить (Няньгэ) Хань-ну преклонить колени. (Няньгэ) Хань-ну стал ругать его: "Отступник, Сын Неба не простит этого тебе. Он пошлет войска умиротворить тебя. Даже если ты и не будешь просить прощения со связанными на спине руками у дворца, ты все равно должен с величайшим почтением относиться к послу Сына Неба. Как смеешь ты позорить его". Да-ши рассвирепел и убил его²³¹. Судя по содержанию переговоров, чжурчжэни предъявили кара-киданям требование признать сюзеренитет Цзинь, что и послужило причиной казни их посла. "Тан му" по этому поводу добавляет: "Западный Киданьский Дом не мог существовать вместе с Нючженьским: посему убить нючженьского посланника не было противно правам гостеприимства"²³².

Не получив ответа на свое требование и с целью отражения происков западных киданей на западной границе, чжурчжэни предприняли соответствующие меры. В частности, в 1156 г. цзиньский полководец Болундунь получил задание направить войска в район Кэдуньчэна, чтобы создать там военное поселение. Елюй Или решил установить нормальные отношения с чжурчжэнями и послал несколько патрульных сотен для того, чтобы провести чжурчжэньский корпус в этот район. Состоялись переговоры с послами Болундуны, которые, однако, закончились безрезультатно из-за того, что внимание гурхана было отвлечено мятежом карлуков в Мавераннахре²³³.

В 1161 г. бывший эмиссар Елюй Даши по имени Саба, выданный в 1131 г. уйгурами чжурчжэням, попытался вооруженным путем прорваться к западным киданям. С группой соратников он бежал, преследуемый чжурчжэньскими воинами, на запад вдоль реки Керулен. Некоторые из его товарищей, опасаясь погони, составили заговор и убили его²³⁴.

В 4-м месяце 1185 г. в Восточной Азии распространился слух о готовящемся вторжении западных киданей через территорию тан-

гутского государства в Цзинь. Об этом донесли сунскому императору разведчики в стане чжурчжэньского императора. Трудно сказать, насколько обоснованно было это сообщение и насколько реально угроза со стороны киданей. Тем не менее сунский император, несмотря на предостережения некоторых чиновников о возможности фабрикации слуха самими чжурчжэнями, приказал тайно главнокомандующему у-дину и сановнику Ли-чэню принять необходимые меры для подготовки совместных действий. Через несколько дней поступили сообщения о стычке восьмитысячного отряда чжурчжэней с киданями. Победа чжурчжэней встревожила китайцев. А чжурчжэни предприняли целый ряд мер для укрепления северозападных границ и подчинения кочевых племен. При этом они столкнулись с активным противодействием кара-киданей. В "Цзинь ши" содержится сообщение о том, что еще в 1177 г. цзиньские пограничники схватили четырех эмиссаров из Си Ляо. Видимо, это был не единичный случай, потому что цзиньский император издал особый указ о расселении киданей-подданных Цзинь "как следует", чтобы западные кидани не провоцировали их на пограничные беспорядки.

Учитывая усилившуюся активность кара-киданей на западе восточноазиатского региона, сунские правители решили пойти на сближение с тангутами и кара-киданами. В 1186 г. сунский император приказал заключить союз с тангутами. Он даже собирался послать гонца к главнокомандующему У-дину с письмом, в котором приказывал ему передать тангутам, что если они пропустят войска Даши через свою территорию, король тангутов будет признан Сун императором со статусом, равным статусу сунского правителя.

В 1188 г. Ваньян Сян возвратился из поездки к некоторым северным племенам и представил цзиньскому императору план установления контроля над независимыми племенами и сдерживания кара-киданьской активности. План был принят и, вероятно, одним из результатов его осуществления явился переход вождя одного из кара-киданьских родов в подданство Цзинь. Член правящего рода Ваньян Аньго выехал ему навстречу и во время любезного приема, оказанного в шатре кочевника, сумел договориться о размере ежегодной дани цзиньской империи²³⁵.

В это время на далеком от западных киданей востоке разыгрались события, ставшие впоследствии одной из причин гибели их государства. В самом разгаре была борьба за власть между вождями различных монгольских племен. В 1189 г. Тэмуджин возродил государство "Хамаг Монгол" и постепенно стал прибирать к рукам различные племена. В 1194 г. керейтский хан Тоорил был изгнан своим младшим братом Эрхэ Хара, который призвал на помощь найманов²³⁶. Ван-хан бежал на запад к тангутам. Правитель Западного Ся предоставил ему продовольствие и провиант и разрешил пройти

к западным киданям через страну уйгуров. Спустя год он поднял мятеж против гурхана и, разбитый, вынужден был вновь бежать в Монголию. Возвращаясь через тангутское государство, его сторонники грабили народ. Истощенный и измученный, "в полном оскудении пришел к озеру Гусеур-наур, так как всю дорогу кормился тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда. Чингис-хан же, в силу братского договора с Есугай-ханом, выслал к нему двух послов, Тахай Баатура и Сукегай-Чжауна, а потом и сам вышел к нему навстречу с истоков Керулена. Видя, что Ван-хан прибыл в полном изнеможении от голода, он произвел для него особую разверстку по улусу, ввел его в свой курень и содержал на свой счет"²³⁷.

Несмотря на активные действия западных киданей, направленные на стравливание с чжурчженями различных монгольских племен, эта политика не была в полной мере эффективной и систематической, ибо много сил и внимания отвлекали события на остальных границах империи, прежде всего на западной и южной.

С происками султана Санджара киданям пришлось снова столкнуться в рамадане 538 г. (1144). Находившиеся на службе у султана наемники из гузов осадили Бухару. После длительного и упорного сражения они взяли город и разрушили крепость²³⁸. Одним из вождей был тогда храбрый и умный Коркуд²³⁹.

В зу-л-хидже 551 г.х. (конец января - февраль 1156 г.) карлуки убили правителя Самарканда Тамгадж-хана, обвинив его "в дурных поступках". "Хан ханов ас-Сини, царь хитаев, поручил управление Самаркандом и Бухарой ильхану Джагры-хану, сыну Хасан-тегина, и сделал его сборщиком податей у них. Он из царского рода древнего происхождения и проживал в Самарканде, руководя там его делами". Таким образом, власть перешла в руки представителей ветви Караханидов, владевшей Ферганой²⁴⁰. Произошло объединение этих владений, существовавшее до конца династии Караханидов²⁴¹. По приказу кара-киданей Джагры-хан пытался "выселить карлукских тюрок из областей Бухары и Самарканда в Кашгар, чтобы они перестали носить оружие и занялись земледелием и другими делами ... но они отказались. Он их обязывал и настойчиво требовал от них переселения. Тогда они объединились, сговорились между собой, собрались во множестве и двинулись на Бухару.

Законовед Мухаммад ибн Омар ибн Бурхан ад-Дин Абд ал-Азиз ибн Маза, глава Бухары, послал к Джагры-хану, уведомляя его об этом, и побуждал его прибыть к ним со своими войсками, прежде чем зло от них (от карлуков) увеличится и они разграбят страну. К ним Ибн Маза послал сказать: "Ведь когда еще вчера неверные проходили по этой стране, они воздержались от грабежа и убийства, а вы - воины-мусульмане, гнусно вам протягивать руки к (чужому)

муществу и крови. Я расточу вам столько средств, что вам этого хватит, лишь бы вы отвратились от грабежа и набега". Ибн Маза сумел затянуть переговоры до прибытия Джагры-хана, который жестоко подавил этот мятеж: "многих из них перебили и ограбили. Одна часть из них укрылась в ямах и зарослях, но затем соратники Джагры-хана их поймали и истребили до последнего. Отвели от Бухары и ее окрестностей опасность, и та земля от них избавилась"²⁴².

По Джувейни, Джагры-хан своими преследованиями вынудил карлукских вождей обратиться за помощью к хорезмшаху.

К этому времени фактически перестало существовать государство султана Санджара. В последние годы своего правления этот султан, бывший некогда грозой своих соседей, "превратился в пассивного наблюдателя за событиями, складывавшимися отнюдь не в его пользу"²⁴³. По словам ал-Хусайни, "слуги великого султана Му'изз ад-Дина Санджара стали проявлять алчность и враждебность друг к другу. Все они стали требовать у султана места (занятого) другим, для себя и завидовали друг другу"²⁴⁴. Вслед за смертельным ударом со стороны киданей последовал еще один сокрушительный удар, который нанесла его империи так называемая "огузская смута". Попытки Санджара подчинить огузов (туркмен) своему полному контролю привели к тому, что они подняли восстание в разных частях государства, удачно используя раздоры между суннитами и шиитами²⁴⁵. Однажды даже сам султан попал к ним в плен и был их пленником "почти четыре года". "Во всем Хорасане не осталось ни одного места, которое гузы не разорили бы"²⁴⁶. Поэт Анвари в элегии "Слезы Хорасана" (около 1153-1154 гг.) писал: "В этих местах, где свой престол утвердило злосчастье, есть ли человек, которому улыбается судьба и которого сопровождает радость? Да, есть: труп, который опускают в могилу. Есть ли неоскорбленная женщина там, где ежедневно совершается столько ужасающих насилий? Есть: девочка, которая только что вышла из чрева матери. Собираться в мечети уже не может наш верный народ: святые места мы должны были уступить самым презренным животным. В них нет ни кровель, ни колонн. Все муэдзины избиты, кафедры ниспровержены. Где взрослые дети, утешение престарелых матерей? Их нет. Но обнаруживать свою горечь теперь считается преступлением, и страх сушит слезы на глазах, ужас подавляет вздохи, и мать не смеет даже спросить, как умер ее сын"²⁴⁷. Вскоре Санджар сумел освободиться, но испытания и годы свели его быстро в могилу (9 мая 1157 г.). А к 1162 г. было истреблено в Хорасане его прямое потомство. От султанства, по словам Казвини, не осталось ни цвета, ни запаха.

3 раджаба 551 г.х. (22 августа 1156 г.) на престол хорезмшахов взошел сын Атсыза Ил-Арслан. Он с еще большей настойчивостью стремился к старой цели - созданию могучего Хорезма. Он "убил

несколько человек из своих дядей и ослепил своего брата, который умер три дня спустя; по другому известию, он кончил жизнь самоубийством". В рамазане 551 г.х. (октябрь-ноябрь 1156 г.) султан Санджар послал Ил-Арслану инвеституру.

Новый глава сельджукской династии, правитель Ирака Гияс ад-Дин Мухаммед (1153-1159) отправил посольство к Ил-Арслану и сообщил о своем намерении идти с войском на восток против неверных. Ил-Арслан с энтузиазмом поддержал это предложение и даже попытался добиться одобрения похода против киданей со стороны халифа Муктафи (1136-1160). Себя в письме к халифу он уже именовал "государем мира, величайшим султаном, повелителем всей земли"²⁴⁸. Когда же поход Гияс ад-Дина не состоялся, Ил-Арслан решил взять на себя осуществление "великой задачи освобождения" от кара-киданей. Несмотря на то, что только недавно он обменялся дружественными посланиями с самаркандским правителем, хорезмшах все же принял сторону карлуков и в июле 1158 г. вступил со своим войском в Мавераннахр. Самаркандский хан обратился за помощью к туркменам, кочевавшим между Каракулем и Джендом, и кара-киданям. Елюй Или прислал ему десяти тысячный отряд под командованием Илек-туркмена²⁴⁹. Если под Илек-туркменом здесь подразумевается, как считает Г.Опперт, бывший караханидский правитель Баласагуна Ибрахим ибн Ахмад, значит, он не погиб от рук киданей в период их вторжения, как сообщается в "Маджму" и как предполагал В.В.Бартольд, основывавшийся на сообщении Джемаля Карши. Ил-Арслан "успокоил жителей Бухары обещаниями" и двинулся на врага. Кара-кидани и армия хорезмшаха встретились недалеко от г. Ребинджан²⁵⁰ и расположились на противоположных берегах р.Зеравшан. Илек-туркмен, убедившись в превосходительстве сил хорезмийцев, запросил мира, прибегнув к посредничеству самаркандских имамов и улемов. По условиям этого мира карлукские эмиры были восстановлены с почетом в своих должностях. Таким образом, этот мир обернулся довольно серьезным поражением западных киданей. Осмелели и другие мусульманские феодалы. Вскоре произошло нападение, хотя и неудачное, хутткульского правителя Абу Шуджа Фаррух-шаха на Термез.

Укреплялись постепенно правители в Бухаре. Около 556 г.х. (1160-1161) умер Джелал ад-Дин Джагр-хан. Его преемник Кылыч-Тамгач-хан Масуд, сын или брат Джагр-хана Али, успешно воевал с карлуками, подавил восстание своего военачальника Аярбега, отстроил в 560 г.х. (1164-1165) разрушенные ранее стены Бухары. Умер он около 565 г.х. (1169-1170), ему наследовал его сын Мухаммед²⁵¹.

После смерти Елюй Или кидане уже не совершают захватнических походов, а осуществляют, как правило, лишь разбойничьи набеги для захвата добычи. Так, в 560 г.х. (1165) они разграбили Балх и

худ. В 565 г.х. (II69-II70), по Джувеини, или в 567 г.х. (II71-II72), по Ибн ал-Асиру, они совершили поход на Хорезм. Вызван он был тем, что Ил-Арслан не уплатил дань в установленные сроки. Ибн ал-Асир сообщает об этом так: "хитаи переправились через реку Джуйхун, направляясь в Хорезм. Владелец его, хорезмшах Иль Арслан ибн Атснз, услышав (об этом), собрал свои войска и выступил к Амуйе, чтобы сразиться с ними и отбросить их, но заболел и оставался там. Он отправил против них часть своего войска со старшим эмиром; тот их встретил, и они вступили в ожесточенное сражение. Хорезмийцы бежали, а их начальник попал в плен. Хитаи вернулись с ним в Мавераннахр, а хорезмшах возвратился в Хорезм больным"²⁵². Сражение, вероятно, было очень ожесточенным, раз кидани не решились преследовать остатки хорезмийского войска и вернулись в Чуйскую долину. Цель, поставленная перед кара-киданьским карательным корпусом, не была достигнута: Хорезм перестал платить дань.

В марте II72 г. умер хорезмшах Ил-Арслан и на хорезмский престол с помощью своей матери Туркан вступил его младший сын Султан-шах. Старший сын Текеш, управлявший в это время Дженом, отказался ему подчиниться и бежал к кара-киданям, у которых запросил помощи и обещал восстановить выплату дани. Муж дочери первого гурхана Фума (так сообщает Джувеини²⁵³) с многочисленным войском привел Текеша в Хорезм. Султан-шах и Туркан без боя ушли из столицы. Хорезм снова начал платить дань.

Однако большое беспокойство кара-киданям стали причинять многочисленные кочевые племена на северных границах империи. Прибывшие в II75 г. к чжурчжэням уйгуры сообщили, что гурхан вынужден был отправить против этих племен 50-тысячную армию под командованием своего зятя А-бэнь-сы. "Он не победил их и вернулся. Взаимные нападения не прекратились до сих пор". Пришедших уйгуров²⁵⁴ император чжурчжэней поселил возле Хо-бин-фу в Южной Маньчжурии, где были поселения уйгуров²⁵⁵. В этом же году 30 тыс. шатров племен нянь-ба-энь и кан-ли тоже подчинились Цзинь²⁵⁶. Возможно, это были найманские племена²⁵⁷.

Кара-кидани, занятые на севере, не смогли помешать правителю Узгенда Ибрахиму ибн Хусейну захватить в 574 г.х. (II78-II79) Самарканд²⁵⁸. Ибрахим стал номинальным главой династии Западных Караханидов, а Узгенд достался его племяннику Мухаммеду ибн Насру²⁵⁹. Ибрахим принял вдобавок к прежним титулам "Кылыч-Тамгачхан" и "Кылыч-Арслан-хан" пышный титул "Улуг султан ас-салатин" ("Великий султан султанов")²⁶⁰.

Хорезмшах Текеш, хотя и получил престол благодаря помощи кара-киданей, вскоре отказался подчиняться им. Высокомерие и вымогательства киданьских сборщиков дани (басуха) вывели из терпения жителей Хорезма. "Из ревности к достоинству престола и веры" Те-

кеш убил посла-родственника гурхана, а Султан-шах, узнав об этом, отправился в Баласагун и убедил гурхана, что население Хорезма охотно примет у себя киданей. Снова Фума был отправлен в Хорезм для возвращения престола, на сей раз он помогал тому, у кого прежде отнимал его. Хорезмийцы разрушили плотины, чем сильно затруднили действия Фумы, а население встретило киданей враждебно. Кидани вынуждены были отступить, оставив Султан-шаху лишь отряд, с помощью которого тот занял Мерв. 13 мая 1181 г. он нанес поражение Туган-шаху и присоединил к своим владениям Серахс и Тус²⁶¹.

Судя по письмам Текеша гурскому правителю Гияс ад-Дину, он в октябре 1182 г. совершил тяжелый поход на Бухару и, воспользовавшись предательством духовенства, взял ее и приказал упоминать в хутбе после имени халифа имя султана²⁶², т.е. свое имя, ибо Ибрахим ибн Хусейн, судя по монетам 577 г.х. (1181-1182) и 580 г.х. (1185), еще именовался "арслан хахан"²⁶³. Это было, конечно, преждевременное требование. Хотя, по Джувеини, дед Текеша Атсыз еще весной 547 г.х. (1152) отобрал Дженд у вассала каракитаев Кемал ад-Дина, а его внук расширил свои владения практически до Аральского моря, все же Хорезм еще находился в вассальном подчинении у киданей. Тем не менее 1182 г. был явно нелегким для каракитаев. По сведениям из письма того же Текеша, хан кипчаков, еще не принявших ислам, Алп-Кара освободил от киданей обширные области до самого Тараза²⁶⁴.

В 594 г.х. (1197-1198) Газневиды захватили у кара-киданей Балх. Кидани отправили в Хорасан карательный отряд, но в битве с султаном Газны Гияс ад-Дином он был разбит в апреле 1198 г.²⁶⁵ Кара-киданей поддержал своими действиями хорезмшах Текеш. Для "наказания" Газневидов гурхан Чжуху направил большую армию под командованием Тайанку²⁶⁶. Кара-кидани, вторгшись на территорию Гура, "убивали, брали в плен, грабили и угоняли в полон во множестве, без счету". Несколько гурских эмиров объединились и неожиданно ночью напали на лагерь киданей. "А у хитаев в обычае ночью не выходить из своих шатров и не покидать их. Эти гурцы пришли к ним, вступили в сражение с ними и убили многих из хитаев, а те, кто уцелел, бежали от избиения, и, куда бы ни бежали, гурское войско (было) позади них, а Джейхун перед ними. Хитаяи думали, что на них напал Гийас ад-Дин со своими войсками. Когда рассвело и они узнали, кто воет с ними, и поняли, что Гийас ад-Дин у себя на месте, сердца их укрепились, и они твердо простояли весь день. С обеих сторон было убито великое множество. К гурцам присоединились добровольцы, и во время боя подошло подкрепление от Гийас ад-Дина. Мусульмане стояли твердо, урон от них был очень силен для неверных. Эмир Хурруш атаковал центр хитаев; он был почтенным старцем, и его постигла рана, от которой

он скончался. Затем Махмуд ибн Джур-бек и Ибн Хармил атаковали (врагов) со своими соратниками и провозгласили: "Пусть никто не стреляет из лука и не колет копьем!". Они взяли дубины и бросились на хитаев, разбили их и преследовали на Джейхуне. Кто был стоек, того убивали, а кто бросался в воду, тот тонул. Известие дошло до царя хитаев и поразило его. Он послал к хорезмшаху, говоря ему: "Убил моих людей - ты, и я хочу за каждого убитого 10 тысяч динаров". Погибло же, по сообщению Ибн ал-Асира, 12 тыс. кара-киданей²⁶⁷.

Гурхан, обиженный на то, что Текеш не оказал помощи, послал армию на Хорезм, но этот поход тоже закончился неудачно. "Хорезмшах выходил на них каждую ночь и убивал множество их, к нему пришли многочисленные добровольцы, и он продолжал действовать подобным образом, пока не покончил с большинством из них, а остальные ушли в свою страну". Далее Ибн ал-Асир приводит рассказ, не находящий подтверждения в других источниках и вызвавший в свое время большое сомнение у В.В.Бартольда²⁶⁸, о том, что Текеш после этих событий двинулся на Бухару, «стал лагерем под ней и осадил ее. Но ее жители сопротивлялись и сражались вместе с хитаями. (Дело дошло) до того, что взяли кривую собаку, надели на нее куббу и колпак и сказали: "Это хорезмшах", (потому что он был кривым), обошли с ней кругом по стене, затем метнули ее катапультой в лагерь и сказали: "Это ваш султан!" А хорезмийцы их ругали и говорили: "Эй, войска неверных! Вы отступили от ислама!" Подобные их действия не прекращались, пока хорезмшах не овладел городом насильно через короткое время. Но он простил его жителей, обошелся с ними хорошо и разделил между ними большие средства. Он пробыл здесь некоторое время, потом вернулся в Хорезм»²⁶⁹.

3 июля 1200 г. (19 рамазана по Джувеини, 20 рамазана - по Ибн ал-Асиру, 596 г.х.) умер хорезмшах Текеш. 3 августа состоялось провозглашение хорезмшахом его второго сына Мухаммеда, получившего прозвание Ала ад-Дина. Он помнил завет своего отца "доставлять ежегодно (каракитаем. - Г.П.) 30 тысяч золотых динаров", ибо гурхан "есть крепкий оплот и за ним сильные враги находились, т.е. племена монгольские, найманские и другие почтенные турки"²⁷⁰. Поэтому он сразу же активно включился в борьбу с Гуридами на стороне каракитаев. В 1203 г. Мухаммед вернул себе свои хорасанские владения и приступил к их расширению. Это вызвало поход на Хорезм брата Гияс ад-Дина Шихаб ад-Дина Гури. Хорезмийцы, стремясь преградить ему путь, разрушили плотины, но это задержало войско Шихаб ад-Дина лишь на 40 дней. Сражение хорезмийцев и гурцев в Сукара закончилось неопределенно, с обеих сторон было много убитых. Хорезмшах запросил помощи у кара-киданей, "те снарядились и отправились в страну гурцев. Когда это

дошло до Шихаб ад-Дина, он вернулся из Хорезма и встретил их передовых в пустыне Андхой в начале (месяца) сафара 601 г. (конец сентября – начало октября 1204 г.) и многих из них убил и взял в плен. Но на второй день на него обрушилось столько хитаев, что у него не было силы против них, и мусульмане бежали недостойным образом. Шихаб ад-Дин остался с ничтожным отрядом и своей рукой убил четырех своих слонов, потому что они были бесполезны, а двух слонов взяли неверные. Шихаб ад-Дин со своими (людьми) вошел в Андхой. Неверные осадили его, но потом предложили ему мир на том (условии), что он отдаст им последнего слона. Он (это) сделал и освободился²⁷¹. По Джувейни, он отдал всех слонов, которых имел²⁷². Таким образом, борьба кара-киданей с гуридами в конце концов завершилась их победой. Однако это была, пожалуй, последняя крупная победа западных киданей. Мусульманские владения одно за другим освобождались от их власти.

В том же 1204 г. произошло восстание жителей Кашгара против кара-киданьского владычества, но было подавлено. Сын кашгарского хана попал в плен²⁷³.

Летом 1205 г. правитель Балха эмир Имад ад-Дин Омар ибн ал-Хусайн захватил Термез, принадлежавший кара-киданям, который "стал областью ислама и одной из неприступнейших и сильнейших крепостей". На следующий год и Балх, и Термез оказались уже в руках хорезмшаха Мухаммеда, вернувшего, правда, на время Термез кара-киданям. "Этим хорезмшах заслужил великое осуждение и дурную славу в момент этого дела. Потом, после происшедшего, людям стало видно, что он сдал им (хитаям) его (Термез) только для того, чтобы получить возможность таким способом завладеть Хорасаном, а затем вновь взять у них и (Термез) и (многое) другое кроме того"²⁷⁴. Действительно, под предлогом защиты Газны, где после смерти Шихаб ад-Дина начались распри феодалов и мятежи, Мухаммед в декабре 1206 г. вступил в Герат.

Достигнув цели, хорезмшах не захотел больше оставаться вассалом киданей, а для поддержания авторитета принял на себя роль освободителя мусульман. Его стремление заменить гнет кара-киданей своим наглядно проявилось во время подавления восстания ремесленников в Бухаре в 1206–1207 гг. Еще в первой половине XII в. в этом городе образовалась династия наследственных хатибов и реисов, носивших титул столпов мира (садр-джахан). Постепенно они стали прибирать к рукам не только духовные, но и светские дела, и это привело к столкновениям с низами своего народа и кара-киданями. Ко всем садрам, начиная с убитого киданями Омара, прилагается эпитет "шахид" ("мученик"). В 1207 г. в роли правителя Бухары выступал садр Бурхан ад-Дин Мухаммед бен Ахмед бен Абд ал-Азиз. Он был подлинным правителем города, собирал дань

для кара-киданей и правил от их имени. "В этом человеке сконцентрировалось все худшее, что так или иначе характеризовало бухарских садров. Как правитель, он с жестокостью собирал огромные подати и налоги. Как духовный глава бухарской мусульманской общины, он, благодаря разврату, любви к охоте и пирам, давно утратил всяческий авторитет; как человек, он был заносчив и презирал народ. Он так вызывающе вел себя, что возбудил всеобщее недовольство"²⁷⁵. Это недовольство вылилось в конце концов в восстание, которое началось в 1206 г. Во главе его встал сын ремесленника по выделке шитов Мелик Санджар. Ремесленники выгнали садра из Бухары, захватили поместья его рода, отвели от них воду и тем привели их в запустение. По словам Ауфи, садры обратились за помощью к гурхану. Они получили документы на управление Бухарой, которые практически не имели никакой силы, ибо реальной военной помощи оказать кара-кидани не могли. Этим воспользовался хорезмшах Мухаммед. В 1207 г. он взял город и включил его в состав Хорезма. Восстание было потоплено в крови, Мелик Санджар увезен в Ургенч и утоплен в Амударье. После этого хорезмшаху было уже не избежать открытого столкновения с кара-киданами.

Борьба началась в 604 г.х. (1207-1208) походом на кара-киданей сына хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. "Причина этого в том, что хитай уже давно жили в стране Туркестан и в Мавераннахре и тяжело попирали их народы. У них в каждом городе (есть) наместник, который доставляет им деньги, а они проживают в кибитках по своему обычаю, (существовавшему) прежде, чем они воцарились. Они обитали в Узгенде, Баласагуне, Кашгаре и их окрестностях". К хорезмийцам присоединился самаркандский правитель, обещавший хорезмшаху "воевать с хитаями вместе с тобою и доставлять тебе то, что доставляли им, и ... поминать твое имя при хутбе и чеканке монеты". Состоялся ряд сражений и стычек, которые в конечном итоге никому не принесли победы²⁷⁶. Во время одной из них сам Мухаммед попал в плен. По словам Ибн ал-Асира, его приближенный предложил хорезмшаху назваться его слугой, и тот стал прислуживать ему. Он носил ему пищу, стирал одежду и оказывал ему почет. Кара-хитай, взявший в плен хорезмшаха и эмира, видел все это и однажды спросил Ибн Мас'уда: "Я вижу, этот человек возвеличивает тебя. Кто ты?" Тот ответил: "Я - такой-то, а это - мой гулям!" Тогда кара-хитай стал относиться к Ибн Мас'уду с уважением и сказал ему: "Ну, если твой человек так превозносит тебя передо мной, я тебя не отпущу!" После этого кара-хитай не приходил к ним несколько дней. Когда же он пришел, Ибн Мас'уд сказал ему: "Я боюсь, что когда спасшиеся бегством воины возвратятся в Хорезм и мои родичи не увидят среди них меня, они подумают, что я убит, и будут скорбить обо мне и оплакивать меня. А после этого

они разделят мое имущество и деньги, и все это пропадет. Я же хочу заполучить часть своих денег, чтобы доставить их тебе!" Они договорились о размере выкупа ... Кара-хитай разрешил послать хорезмшаха в сопровождении одного всадника. Они отправились, и хорезмшах благополучно добрался до Хорезма, где жители встретили его с радостью и ликованием». По версии Джувеини, хорезмшах сам бежал из плена, ибо перед боем оделся в одежду кара-киданей²⁷⁷.

Сведения источников о дальнейшей борьбе между кара-киданами и хорезмшахом Мухаммедом несколько противоречивы. Только у Джувеини приведено две версии этих событий. Они изложены в различных главах: "О завоевании Мавераннахра", "О вторичном возвращении султана для войны с гурханом" и "О кара-китайских ханах, об обстоятельствах их появления и истребления". Некоторые подробности и изменения добавляют Ибн ал-Асир, Мирхонд, Нершахи.

Мухаммед перестал платить дань кара-киданям. Гурхан послал в Хорезм своего везира Махмуд-бая, чтобы потребовать уплаты долга. Мухаммед в это время готовился к походу на кипчаков, поэтому не стал ссориться окончательно с кара-киданами. Он поручил ведение переговоров своей матери Туркан-хатун, та с почетом приняла Махмуд-бая, полностью уплатила долги и отправила к гурхану послов с извинениями и выражением покорности. Однако Махмуд-бай передал гурхану свое мнение о том, что хорезмшах надежным данником быть не может. Действительно, одержав победу над кипчаками и вернувшись в Хорезм, Мухаммед вступил в сговор с другими мусульманскими правителями. Когда в 605 г.х. (1209) в Гургандж за ежегодной данью явился представитель гурхана Туши, Мухаммед, воспользовавшись тем, что он нарушил этикет, нагло усевшись рядом с хорезмшахом, разорвал с киданями отношения. Туши и его спутники были изрублены в куски и брошены в Джейхун²⁷⁸. В 606 г.х. (1209-1210) объединенное войско хорезмшаха и правителя Самарканда отправилось в поход на кара-киданей.

Государство кара-киданей переживало сложный период. Уйгурский идикут поднял восстание против киданей и направил к Чингисхану послание, в котором писал, что "ненавидит киданей и уже давно имел желание подчиниться"²⁷⁹. Кара-киданьский наместник Шаукем, который "простер десницу притеснения на Идикута, начальников и племена уйгуров, требовал неподобающего добра", был убит восставшими²⁸⁰. За то, что "идикут первым выразил покорность", Чингис-хан приказал, чтобы "он по рангу был первым среди ваванов"²⁸¹. В страну уйгуров первое время не назначались монгольские наместники — даругачи²⁸².

Мятеж идикута явился сигналом к началу освободительного движения мусульман Восточного Туркестана. В 1209 г. Чингис-хан при-

ИЯЛ еще двоих бывших вассалов гурхана. Это были Арслан-хан карлукский и Озар, правитель Алмалыка²⁸³.

В самом государстве поднял мятеж найманский вождь Кучлук. Он появился в государстве западных киданей после следующих событий. Осенью 1203 г. были разбиты у г. Джебдээр (между истоками Толы и Керулена) керейты, вождь которых Ван-хан вскоре погиб при встрече с пограничным найманским караулом²⁸⁴. Остатки керейтов добрались до Хотана²⁸⁵. А зимой 1203-1204 гг. последний крупный соперник Тэмуджина в борьбе за власть над монгольскими племенами, вождь найманского союза племен Таян-хан собрал воедино силы найманов, джаджиратов во главе с Джамухой и татар, керейтов, дорбонов, катакинов, салджиутов, ойратов и меркитов во главе с Тохтоа-беки. Под командованием Таян-хана оказалось примерно 50-55 тыс. человек²⁸⁶. Тэмуджин выступил против него с 45-тысячной кавалерийской армией. Таян-хан с полным основанием боялся более опытной и организованной монгольской армии, но по настоянию своего сына Кучлука решился на битву. Она состоялась "15 числа второго Джуммады"²⁸⁷, т.е., по мнению Г.Е.Грумм-Гржимайло, в 1204 г.²⁸⁸ Найманы были разбиты, Таян-хан умер на другой день от ран. Подавший же пагубный совет Кучлук сумел бежать на Алтай, где скрылся у своего дяди Буюрука. Так начался его путь на запад, который в конце концов привел его на р. Чу. Кучлук пытался продолжить дело своего отца и сплотить монгольские племена в борьбе с Чингисом, однако был изгнан им окончательно за пределы Монголии и оказался в государстве Си Ляо²⁸⁹. Существует версия, что Кучлук пытался силой проникнуть в Уйгурию, но был отброшен идикутом²⁹⁰. Д'Оссон даже считает, что он бежал через Бешбалык и Кучу²⁹¹. Г.Е.Грумм-Гржимайло справедливо замечает, что бегство его "через Уйгурию представляется крайне неправдоподобным"²⁹². Рашид ад-Дин сообщает лишь об отправлении посла Букана к идикуту, который приказал умертвить его и послал донесение Чингис-хану.

У Джувейни приводятся два предания о появлении Кучлука в Западном Ляо. По одному, Кучлук явился к гурхану добровольно, а по другому - был взят в плен киданьскими войсками. Второе предание находит косвенное подтверждение у Рашид ад-Дина: «Рассказывают, что когда Кушлук явился в орду гур-хана, он назвал одного из своих близких своим именем, сам прикинулся коником (куталчи) и сел у входа в то время, как те отправились к гур-хану. Гурбасу (жена гур-хана) вышла (из кибитки), увидела Кушлука и сказала: "Почему вы не ввели его внутрь?" Его ввели, и эмиры гур-хана обиделись. Гурбасу была старшей супругой гур-хана, у нее была дочь, по имени Кунку, она тотчас влюбилась в Кушлука. Спустя три дня эту девушку ему отдали. Так как она была властной, то не позволила, чтобы (на нее) надели буктак. Она заявила, что

будет носить вместо буктака нисе по обычаю женщин Хитая. Она отвратила Кушлука от христианства и заставила принять язычество»²⁹³.

Как бы то ни было, Кучлук нашел хороший прием у гурхана Чжуху: "гурхан назвал его сыном своим и вступив с ним в родство, увеличил его могущество"²⁹⁴. Вероятно, гурхан намеревался использовать остатки найманов для борьбы против непокорных вассалов. Нуждаясь в войсках, он поручил Кучлуку на вербовать воинов из найманов и меркитов, снабдил его оружием и деньгами. И "орды его отца стеклись под его знамена; к нему присоединился и глава меркитов, бежавший от войск Чингис-хана; его войска обогатились от наделов в Кара-Китае, и надежда на добычу привлекла к нему новые банды"²⁹⁵.

Кучлук быстро разглядел слабость государства: "Кушлук по той причине, что он был свидетелем слабейшего положения Гур-хана, и видел, что старшие князья, находившиеся в восточных пределах, производили восстания и прибегали к покровительству государя миродержца Чингис-хана, и также по той причине, что многие из князей Гур-хановых были с ним заодно, и он слышал, что беки отца его Таянг-хана, и старинные слуги их все еще скрываются, был обеспокоен грубой жадностью и думал, что, если он соберет остальное войско отца, то он может вести управление по обычаю, возьмет владение Гур-хана с помощью того войска и войска Гур-ханова, которое было с ним заодно, будет силен и справится с делами всех"²⁹⁶.

Напуганный мятежом, гурхан обратился за помощью к хорезмшаху: "Что касается того, что ты захватывал нашу страну и избивал наших людей, то этому — прощение. Но к нам пришел враг, которому мы не можем противостоять. Ведь если они победят нас и завладеют нами, никто не отразит их от тебя. Полезно, если ты отправишься к нам со своими войсками и поможешь нам воевать с ними. А мы клянемся тебе, что, когда победим их, не станем оспаривать того, что ты захватил в стране, и удовлетворимся тем, что в наших руках"²⁹⁷. Кучлук, в свою очередь, тоже просил помощи у Мухаммеда и соглашался удовлетвориться "теми местами, в которых селились они (хитай)"²⁹⁸. По некоторым сведениям союз Кучлука с Мухаммедом был заключен на следующих условиях: "султан пойдет на Гурхана со стороны западной, а Кушлук — с восточной стороны, и захватят его. Если султан предупредит, из владения Гур-хана султану отоидет Алмалык, Хотен и Кашгар, если же Кушлук прежде успеет наложить руку, ему достанется из того владения"²⁹⁹.

Не дожидаясь подхода хорезмийских и самаркандских войск, Кучлук захватил в Узгенде казну гурхана и пытался взять Баласагун, но был разбит войсками киданей³⁰⁰. В это время на территорию государства вторглась объединенная хорезмийско-самаркандская армия. Хорезмшах заверил и гурхана, и Кучлука: "Я с тобой и помощник

беде против твоего соперника", и встал лагерем неподалеку. Перед битвой Буртана представитель хорезмшаха в Самарканде и один из мазандеранских князей испехбед Кебуд-джаме в ходе тайных переговоров с кара-киданами согласились изменить хорезмшаху, если гурхан отдаст Буртане Хорезм, а испехбеду - владения в Хорасане. Гурхан обещал это. В начавшейся битве войска Кучлука стали теснить кара-киданей, и в это время "хорезмшах напал (на них) и принялся убивать, брать в плен и грабить и никсму из них не оставлял возможности спастись". Предательство Буртаны и испехбеда привело к тому, что кара-кидани смогли выровнять ситуацию. Их левое крыло одержало верх над правым крылом мусульман, хотя левое крыло мусульманское теснило правое крыло киданей³⁰¹. Центры смешались. Начался грабеж обоих лагерей.

Сражение это состоялось в августе-сентябре 1210 г. Его результат оказался неопределенным, но командующий кара-киданьским авангардом Таянгу попал в плен, и это внесло разброд в ряды киданей, которые поспешно отступили на соединение с главными силами. Киданьские войска стали отступать к Баласагуну, грабя и опустошая собственную страну. Жители Баласагуна закрыли перед гурханом ворота и защищались в течение 16 дней в надежде, что хорезмшах Мухаммед придет к ним на помощь. Когда подошли все отряды киданей, гурхан предпринял решающий штурм, после которого устроили в городе трехдневную резню. Было убито, по сообщению Джувейни, до семи тысяч "уважаемых именитых людей". В некоторых списках встречается число 47 тыс. Оно явно ошибочно. Численность всего населения Баласагуна в то время могла быть 12-14 тыс. человек³⁰². Даже если допустить, что за стенами укрылись знатные люди и из других городов Чуйской долины, то и тогда такого количества убитых быть не могло. Указание Джувейни, что убитыми были "уважаемые именитые люди", нельзя понимать буквально. Разгадка кроется в значении термина "дехкане". По мнению А. Ю. Якубовского, так назывались мелкие землевладельцы-крестьяне³⁰³. О. Г. Большаков приводит сведения ас-Самани (XII в.) о том, что дехканами называли старшин сельских округов, владельцев земель и виноградников. Кроме того, существует эпитафия 1146 г. из Самарканда, в которой ремесленник-портной, имевший за городом участок земли, назван дехканином³⁰⁴. Судя по Нершахи, дехканами называли себя и богатые горожане³⁰⁵. Следовательно, в сообщении Джувейни речь могла идти не о верхушке города, а о значительной части населения.

Стены и укрепления города были разрушены, "войско гурхана сильно разбогатело от обилия добычи"³⁰⁶. Везирь Махмуд-бай посоветовал гурхану заставить войска возвратить в казну то, что они взяли из сокровищ, захваченных Кучлуком. В армии вспыхнуло недовольство. Этим воспользовался Кучлук и, устроив засаду, захватил

гурхана на охоте. Он не решился расправиться с гурханом, так как кидани составляли значительную часть его войска. Гурхан получил титул Тай шан хуан (верховный император), а его мать - хуан тай хоу (вдовствующая императрица). Кучлук "стоял среди его хаджибоз" и действовал как его управляющий, постоянно консультировался с гурханом во всех делах, но редко следовал его советам³⁰⁷. Через два года (1213) гурхан умер, возможно, не своей смертью³⁰⁸. Ан-Нисави рассказывает, что султан Мухаммед потребовал от Кучлука выдачи гурхана с дочерью и сокровищами, заявив, что "явился к нему на помощь и если бы не он, тот не одолел бы хитаев". Хотя Кучлук и признавал некоторое время свой долг перед хорезмшахом, выдать гурхана он все же отказался, во-первых, потому, что гурхан сам умолял не отсылать его в Хорезм, а, во-вторых, "опасался, что если выдаст его султану, то на него перед тюрками ляжет позор, вред от которого не дешев и пыль которого он не сотрет с лица"³⁰⁹.

В исторической литературе при анализе политической ситуации в Средней Азии накануне монгольского вторжения государству каракиданей обычно уделяется не много внимания. Воссоздается на основе тех или иных источников история взаимоотношений местного мусульманского населения с киданями, преследований Кучлуком ислама, жестокого подавления народного недовольства и лишь коротко сообщается о захвате государства войсками монголов. На наш взгляд, эта страница истории Средней Азии заслуживает большего внимания и детального освещения - сопоставление и анализ различных источников позволяет это сделать.

Приход к власти Кучлука знаменовал собой начало заключительного этапа в истории западнокиданьского государства, когда оно, раздираемое внутренними противоречиями, расшатанное борьбой среднеазиатских народов за свержение ига киданей, потерпевшее ряд крупных неудач на внешнеполитической арене (войны с гуридами, хорезмшахами и т.д.), ослабленное в результате недалекой внутренней и внешней политики найманского вождя, быстро шло к своему печальному финишу. Именно Кучлуку суждено было привести его к гибели.

Край был истощен войнами и усобицами. Местное население рассматривало Кучлука как узурпатора и захватчика. На западных границах государства усиливался хорезмшах, на далеких восточных - Чингис-хан, кровный враг Кучлука. Весьма характерно, что в это самое время, когда войска Чингис-хана опустошали Северный Китай, хорезмшах, заканчивая завоевание Мавераннахра, тоже мечтал совершить поход на Китай и потому искал повода для войны с государством Кучлука, преграждавшим ему путь туда. В этих условиях Кучлук проявил себя неспособным политическим деятелем, недалеко-

видным и беспомощным. С целью укрепления своего влияния и восстановления кара-киданьского государства в прежних границах, он предпринял ряд завоевательных походов на запад. Он послал к хорезмшаху «требование о разделе страны хитаев, говоря ему: "Поскольку мы объединились, чтобы погубить их, нам следует поделить их страну"». В ответ хорезмшах начал совершать набеги на пограничные территории и, по сообщению Ибн ал-Асира, "приказал жителям Шаша, Ферганы, Исфиджаба, Касана и других городов вокруг них — более здоровых и более процветающих (городов) в этом мире не было — выселиться из них и присоединиться к мусульманским областям; затем он их (города) все разрушил"³¹⁰. В.В.Бартольд справедливо сомневается в этом: "Может быть, таковы были намерения хорезмшаха, но едва ли ему удалось вполне осуществить их; то состояние, в котором находились эти области менее десяти лет спустя, в эпоху монгольского нашествия, не свидетельствуют о полном опустошении"³¹¹. Действительно, Чан Чунь, проехавший здесь в ноябре 1221 г., упоминает о Сайраме и еще двух городах между ним и Сыр-Дарьей, но ничего не сообщает о каких-либо следах опустошения³¹².

Начавшаяся в 1211 г. война монголов с чжурчженями отвлекла внимание Чингис-хана от Средней Азии, и Кучлук воспользовался этим для того, чтобы вернуть отложившихся вассалов и упрочить свое положение. Несколько раз совершал он походы против алмалыкского хана Озара, захватил его в плен на охоте и приказал умертвить. Но главную угрозу своему царствованию он видел в мусульманском движении. В течение двух-трех лет он опустошал поля возле Кашгара и вынудил его жителей подчиниться. Взяв Хотан, предложил им отречься от ислама и выбрать либо христианство, либо буддизм. "Он возымел даже претензию доказать ложность их веры и собрал с этой целью на равнине, под стенами города, мусульманское духовенство; он велел объяснить, что всякий желающий дискутировать с ним об этой религии может выступить. Тогда подошел к Кучлуку главный имам, Алай-уд-дин Мохаммед, и горячо защищал ислам. Рассерженный его возражениями, хан разразился оскорблениями по адресу Магомета. В порыве негодования имам воскликнул: "Пусть земля засыплет твой язык, враг истинной веры". Он был схвачен по приказанию Кучлука, который после тщетных усилий принудить его пытками к отречению, велел распять его на дверях его собственной школы. С тех пор он принялся преследовать мусульман во всех своих владениях"³¹³. Публичные мусульманские богослужения были запрещены. Кучлук размещал своих воинов по домам мусульман и позволял всячески притеснять население. По Джувейни, Кучлук, как и другие найманы, исповедовал христианство, но под влиянием своей жены, дочери гурхана, принял буддизм.

Вероятно, именно известия о борьбе Кучлука с хорезмшахом породили слухи о "царе Давиде, который идет на помощь христианам с востока". Слухи взбудоражили Европу. Епископ Акки палестинской Яков де Витри в своих письмах, написанных в 1221 г., рассказывает о попытке багдадского халифа, враждовавшего с хорезмшахом, через посредство несторианского патриарха вступить в переговоры с царем Давидом. С этой целью халиф, похоже, действительно отправил посла в Серднюю Азию.

"Чингиз-хан не был расположен оставлять своего старинного врага мирно наслаждаться на похищенном троне". Первая попытка отряда Хубилай-нойона вторгнуться в 1211 г. через северную часть Семиречья в государство Кучлука, закончилась, по всей вероятности, поражением монголов. Хондемир сообщает, что "Чингиз-хан, начав с ними войну, один раз был обращен в бегство"³¹⁵. В 615 г.х. (1218) Чингис-хан послал против Кучлука 20-тысячный корпус под командованием Джэбэ-нойона. Джэбэ объявил, что каждый может "остаться в своей вере и сохранять путь отцов и дедов". Жители Кашгара тотчас подняли восстание и перебили всех воинов Кучлука. Сам Кучлук бежал в Бадахшан. Вот как описывает Абулгази конец Кучлука: «Чепе-нойан, настигнув его, сразился с ним, разбил его. Кючлюк бежал с немногими людьми; остальных Чепе-нойан истребил, семейства их взял в плен, обратил в рабство, и преследовал Кючлюка. Через несколько дней настигнув его, он истребил его нукеров, и Кючлюк с человеками тремя убежал в Бедехшан, на долину Саригкольскую. Чепе-нойан, отправясь вслед за ним, на пути сколько ни искал его и сколько о нем не расспрашивал, не мог сыскать его. Наконец попавшийся ему человек, который гнал пару коней, на расспросы его сказал: "три человека с теми приметам, которые тобою сказаны, ушли в эту сторону". Чепе-нойан, получив эти известия, ускорил преследование, поймал Кючлюка и, отрубив ему голову, возвратился к хану, которым щедро был награжден и удостоился быть любимцем его»³¹⁶. В "Янь ши" сообщается, что Джэбэ велел объехать с головой Кучлука его владения и тогда такие города, как Кашгар, Яркенд, Хотан, сдались при первом приближении монголов³¹⁷. Это подтверждает сведения Джуейни и Рашид ад-Дина о восстании жителей Восточного Туркестана и существенно восполняет картину окончательной гибели западнокиданьского государства. Если верить Абулгази, это государство становится в то время одним из центров сопротивления Чингис-хану. Кучлук "собирал к себе тех из монголов и татар, которые были во вражде с Чингис-ханом". Сам Чингис-хан считал опасность с этой стороны для себя очень большой: «Чингиз-хан, известясь об этом, сказал, "когда столь опасный враг явился на одной стороне моего царства, то

мне нельзя пускаться в далекий поход", потому отложил экспедицию на Китай»³¹⁸.

О битве монголов с киданями упоминают еще некоторые китайские источники. В "Юань ши" (цз. I49, л. I2a) и "Синь Юань ши" (цз. I46, л. 6904) рассказывается, что Го Баюй участвовал в битве с остатками каракитаев, во время которой была разгромлена 30-тысячная армия киданей и захвачены Бешбалык и Самарканд. Это произошло в I2I9 г. - вся кампания заняла целых два года. Оба источника говорят, что войска монголов возглавлял сам Чингис-хан, а он действительно в начале I2I9 г. был в Каракоруме, в 6-м месяце на военном совете на реке Иртыш, а в 9-м месяце уже на пути в Бухару.

Третий сын Кучлука Чан-вэнь, как сообщает "Юань ши" (цз. I2I, л. 2Ia), умер вскоре после бегства отца на запад. Его вдова, принадлежавшая к императорскому клану, вместе с двенадцатилетним сыном Да-лу Найманом и кормилицей пряталась от монголов, но в конце концов "отдалась под покровительство" третьей жены Чингис-хана. Дата этого события в "Юань ши" не указывается, но, если исходить из того, что Да-лу Найман родился в I205 г., оно должно было произойти в I2I7 г. Этот факт может служить еще одним подтверждением того, что война монголов с Кучлуком и кара-киданами была довольно длительной и во время нее могла произойти, по крайней мере, хоть одна битва.

Наконец, есть вполне определенное сообщение Плано Карпини о том, что "Найманы так же, как и Кара-Китай, т.е. Черные Китай, равным образом собрались напротив в огромном количестве в некую долину, сжатую между двух гор, через которую проезжали мы, отправляясь к их императору, и завязалось сражение, в котором Найманы и Кара-Китай были побеждены Монголами, и большая часть их была убита, а другие, которые не могли ускользнуть, были обращены в рабство"³¹⁹.

Многие исследователи, как, например, В.В.Бартольд, считали, что Абулгази при составлении своего сочинения неправильно понял место в "Сборнике летописей" Рашид ад-Дина, где говорится, что "монгольское войско еще (не успело) начать битвы, как Кучлук обратился в бегство"³²⁰. В.В.Бартольд ссылается на то, что никто, кроме Абулгази, не упоминает об этой битве. На наш взгляд, это не так. Сообщение Рашид ад-Дина вовсе не означает, что битвы не было. Просто Кучлук бежал до ее начала и тем самым обрек объединенное войско кара-киданей и найманов на поражение. Сообщение же Абулгази мало похоже на домысливание факта, приведенного Рашид ад-Дином. Он вполне определенно говорит, что "Чепе-нойян, настигнув его, сразился с ним, разбил его. Кучлук бежал с немногими людьми; остальных Чепе-нойян истребил, семейства их взял в плен, обратил в рабство, и преследовал Кучлука"³²¹. В "И сянь чжи"

содержится рассказ о китайце по имени Лю, который сражался с кара-киданами на стороне монголов³²².

В.В.Бартольд все же признает, что Кучлук сделал попытку отразить монголов³²³ и ссылается на Г.Опперта, который как раз и основывается на сообщении Плано Карпини.

О том, что Чингис-хан придавал большое значение борьбе с Кучлуком, свидетельствует Рашид ад-Дин: "Когда слух (об этом) дошел до Чингиз-хана, он послал Джэбэ наставление, чтобы (тот) не кичился такой крупной победой, что обратил в бегство Кушлука. Ибо (сказал он) мы захватили их благодаря спеси Он-хана, Таян-хана, Кушлук-хана и других"³²⁴.

Облегчила продвижение монгольских войск и продолжавшаяся борьба кара-киданей с Хорезмом. Сын хорезмшаха Мухаммеда Джелал ад-Дин Манкбурна нанес им удар с востока и "запугав их, искоренил и заставил тех из них, кто скрывался, искать себе убежища в отдаленных уголках Китая"³²⁵. После казни Кучлука казна правителя, однако, не попала в руки победителей. "Жители Бадахшана поживились несчетною добычею монеты и драгоценностей"³²⁶.

Так закончило свое существование западнокиданское государство. Вероятно, во время агонии оно распалось на несколько отдельных владений. Какие-то племена в это время начали миграцию с территории Си Ляо. Так, во время боя Мухаммеда с монгольской армией, направленной для преследования меркитов и разведывания пути на запад, какие-то роды или даже, возможно, племена каракитаев сражались на стороне монголов. Джувеини сообщает о пленении в битве 1210 г. отряда некоего Хамид-Пура, который перешел на службу к хорезмшаху и погиб в 1220 г. при взятии монголами Бухары³²⁷. Особенно известен Чин-Тимур, сумевший добиться высокого положения при монголах. Рашид ад-Дин сообщает, что он происходил из онгутов, однако, по словам Джувеини, он все же родом из кара-киданей³²⁸. В.В.Бартольд по этому поводу замечает, что "по всей вероятности, он был обязан этому народу своим образованием, хотя возможно также, что он был кара-китаем, жившим в стране онгутов"³²⁹. Рашид ад-Дин сообщает, что Джучи после завоевания Хорезма оставил его там в должности шихнэ. Чин-Тимур участвовал затем в походе на Иран, подавлял "смуту и волнение" полководцев Джелал ад-Дина Карачи и Туган-Сункура, восстание в Хорасане, получив за это эмирство в Хорасане и Мазандеране. Правление его было блестящим, при нем к управлению были допущены многие представители народов Центральной Азии, в том числе и одаренный "живым и проницательным умом" уйгур Куркуз, который в качестве посла Чин-Тимура сумел расположить к себе хана тем, что рассказывал "о положении дел в областях ... сообразуясь с расположением духа каана"³³⁰.

Самыми же известными наследниками и в некотором смысле восприемниками славы гурханов были Измаил и Борак-хаджиб.

Под мусульманским именем Измаил (в "Юань ши" - Хэ-сы-май-ли) известен один из ближайших сановников гурхана Чжулху, который после прихода к власти Кучлука оказался всего лишь наместником города Касан (Кэ-сань). А.Иванов отождествлял этот город с Karishma-Krisma - Kishm в Бадахшане (Kilissemo Сюань-цзана) и считал, что власть Измаила простиралась также и на город Ба-сы-ха, отождествлявшийся им с Pashai-Paresin-Aprasin-Gandhara. При этом он ссылаясь на Марко Поло³³¹. Накопленный фактический материал позволяет в настоящее время выявить неточности в работе А.Иванова. Если допустить, что Измаил был наместником такой огромной территории (от Средней Азии до Индии!), то его владения были даже больше территории, контролировавшейся самим Кучлуком. Да и власть Кучлука никогда не распространялась на Северную Индию. Название же "Ба-сы-ха" есть не что иное, как название должности Измаила, соответствующее более позднему "баскак"³³². Последнее утверждал и П.Пельо, но оговаривался, что неизвестно, были ли баскаки у кара-киданий до монголов³³³. Кэ-сань же - это Ахсикет и Касан, т.е. область Ферганы³³⁴.

Как только на территории государства появился 20-тысячный корпус Джэбэ, Измаил со всей верхушкой города (цзючжан) перешел на сторону монголов. Чингис-хан, узнав от Джэбэ об этом, велел поставить его во главе отряда киданей, который был в авангарде корпуса Джэбэ. Впоследствии все перешедшие на сторону монголов кидани вливались в этот отряд, постепенно разросшийся до десяти-тысячного корпуса и более. Так, отряд кара-киданий в 7 тыс. человек в апреле 1220 г. отделился от войска хорезмшаха и рассказал Чингис-хану, готовившемуся к переправе через Аму-Дарью, о слабости султана³³⁵. Вероятно, здесь следует видеть не просто 10 тыс. человек, а некий конгломерат социальных кара-киданьских групп, способный выставить такое число воинов. Отсюда напрашивается вывод, что отнюдь не основная масса кара-киданий ушла в поход на запад с монголами (в данном случае примерно 5 тыс. хозяйств). Оставшиеся растворились в местном населении или совершили миграцию в последующие времена.

Созданный монголами кара-киданьский корпус сыграл заметную роль в истории нашествия орд Чингис-хана на Среднюю Азию. Судя по "Юань ши", отряд возглавлял именно Измаил³³⁶. Возможно, он действительно составлял авангард этой армии³³⁷. В "Юань ши" сообщается, что именно Хэсымайли получил приказ Джэбэ объехать с головой Кучлука его владения, после чего сдались Кашгар, Яркенд и Хотан.

Измаил двинулся с монголами на запад. Он участвует в походе на Нишапур. Именно отряд Измаила, по "Юань ши", под Самаркандом,

"в местности Юэ-и-синь-чи" нанес поражение Джелал ад-Дину и преследовал его до г. А-ла-хэй. "При горе Ту-ма-вэнь" кидани нанесли ему новое поражение и гнали "до западной крепости у города Хань-янь. Джелал-эддин бежал тогда в море". Измаил захватил его казну, взял город. Затем киданей бросили против курдов, Ширваншаха. В составе Западной экспедиции кидани прибыли на Кавказ и нанесли, если верить "Юань ши", поражение отрядам грузинских князей, асов, взяли город Хэ-линь (город черной роши). "При горе Тер" впервые столкнулись с ва-ло-сы (русскими) и разбили их. "Юань ши" утверждает, что именно Измаил со своим отрядом захватил Ми-чжы-сы-ла (т.е. Мстислава) и по приказу Джэба доставил его наследнику престола Джучи. После казни Мстислава корпус кара-киданей обрушился на канглов, затем "усмирил" кипчаков. Во время похода Чингис-хана на тангутское государство Измаил явился к великому хану, и тот щедро наградил его, передав значительную часть захваченных самими Измаилом драгоценностей и пожаловав ему титул битхэши. Здесь впервые осуществилась мечта киданей: они были посланы в бой против своего смертельного врага - чжурчженей. За участие в этих боях и за подвиги на западе Измаилу было пожаловано звание гуй-си-кюй-да-шуй (покровитель западных стран), должность чжа-лу-хуачи. А в 1240 г. он стал да-лу-хуа-чи провинций Хуай-мын и Хэ-нань. Получили соответствующее вознаграждение и его сыновья³³⁸.

Одним из "потомков" западнокиданьского государства было, видимо, государство Борак-хаджиба в Кермане. Борак-хаджиб (или Булак, по Ибн ал-Асиру, Барак, Бурак - по Бартольд) - единственный в своем роде основатель последней киданьской, а точнее, уже кара-киданьской династии. Переводчик "Табакат-и Назири" Х.Г. Раверти не считает керманскую династию кара-киданьской, ибо, по его мнению, Борак это всего лишь "удачливый авантюрист"³³⁹. К тому же мы не знаем точно, был ли Борак связан с гурханами узами крови. Мухаммед ан-Насави, сторонник разгромленной Бораком партии, ясно заявляет, что "узурпатор" был "камергером" гурхана³⁴⁰. По Казвини, он - "один из эмиров Гурхана каракитаев"³⁴¹. Есть сведения, что он был все же близким родственником гурхана, вероятно, сыном Таянку, который попал в плен к хорезмшаху в 1210 г.³⁴² Соответственно и современные исследователи говорят о нем как о караки-тае³⁴³. Да и не так уж важны родственные узы гурханов и Борака, гораздо важнее их политическая близость. Вероятно, поэтому в китайском источнике монгольского периода Ци-ли-ван (Керман) упоминается как страна черных киданей³⁴⁴. Справедливости ради надо привести и высказывание Марко Поло, который не заметил даже, что в стране правит династия кара-киданей: "Керман древнее царство в самой Персии, им владели цари по наследству, но с тех пор, как его покорили татары, нет тут наследственных владетелей; татары

кого пожелают, того в цари и ставят"³⁴⁵. Впрочем, Марко Поло и о самих западных киданях мало что знал.

История кара-киданьской династии в Кермане начинается с 1210 г. По Джувейни, после битвы при Таласе (раби' I 607 г.х. - август-сентябрь 1210 г.) Борак-хаджиб попал в плен к хорезмийцам и был взят Мухаммедом на службу. Ан-Насави сообщает, что это именно Борак, а не его брат, как говорит Джувейни, пришел к Мухаммеду в качестве посла от кара-киданей и был задержан насильно. Как бы то ни было, он получил назначение на тот же пост, что имел при дворе гурхана, то есть хаджиба (камергера?). Во время нашествия монголов он бежал вместе с сыном хорезмшаха Гияс ад-Дином Пиршахом в Персию. К зиме 1221/22 г., после смерти Мухаммеда и бегства в Индию Джелал ад-Дина, Гияс ад-Дин стал хозяином почти всей Персии, а Борак получил титул наместника Исфахана. Но правил он там недолго. После ссоры с везиром Исфахана с разрешения своего господина он отправился в Индию к старшему сыну Мухаммеда. По дороге подвергся нападению правителя Кермана Шуджа ад-Дина, позарившегося на его жен и имущество, но не только отбился, а даже очень быстро завоевал весь Керман, где и остался (1222 - 1223). Ан-Насави противоречит и этому рассказу Джувейни, сообщая, что Борак с самого начала был назначен наместником Кермана, впоследствии подчинился возвращавшемуся из Индии Джелал ад-Дину и был утвержден в этой должности, хотя у царевича, похоже, были основания не очень-то доверять его преданности. Эти подозрения вскоре оправдались. В июне 1226 г. в Армении Джелал ад-Дин получил известие о мятеже Борака, заключившего соглашение с монголами. Шеститысячный отряд Гияс ад-Дина ничего не мог сделать с мятежным вассалом, да и сам Джелал ад-Дин тоже не сумел взять крепостей Борака³⁴⁶. Все же положение у Борака было не очень прочным, поэтому он отправил к царевичу несколько послов с уверениями в покорности. Джелал ад-Дин удовлетворился этими формальными заверениями, утвердил Борака на посту, послал ему почетную одежду³⁴⁷ и от Исфахана повернул назад. В 1228 г. в Керман бежал поссорившийся со своим братом Гияс ад-Дин. Борак, используя тяжелое положение царевича, насильно женился на его матери. Вскоре царевича и его мать обвинили в намерении отравить Борака. Борак лично приказал задушить свою жену и перерезать 500 сподвижников султана³⁴⁸, а самого Гияс ад-Дина бросил в темницу, где он вскоре был убит³⁴⁹, хотя еще долго ходили слухи о его чудесном и опасном бегстве в Исфахан. Вскоре, по словам Джувейни, Борак сообщил халифу о своем принятии ислама и просил признать его в качестве независимого султана, что халиф и сделал, пожаловав ему титул Кутлуг-султана (счастливого султана). Ан-Насави, однако, рассказывает, что сам видел письмо Борака везиру Джелал ад-

Дина, в котором тот сообщал об уничтожении Гияс ад-Дина и в благодарность за эту услугу просил утвердить его правителем Кермана³⁵⁰. Вряд ли здесь есть противоречие. Скорее всего, осторожный и достигший уже преклонного возраста правитель Кермана решил подстраховаться. Вассал³⁵¹ тоже рассказывает о том, как Борак и монголов уверял, что убил Гияс ад-Дина как восставшего против великого хана и потому просил в соответствии с монгольскими законами оставить за ним жен и все наследство убитого. Затем Борак выступил против ата-бека Йезда Ала ад-дауля Махмуда, требуя выдать вдову Гияс ад-Дина. Оба правителя быстро договорились. Борак получил вдову, от которой впоследствии имел еще дочь, а сам отдал в жены правителю Йезда свою дочь.

В 1235 г. монголы отправились на завоевание Сеистана и их полководец Таир-бахадур потребовал от Борака помощи. Борак, ссылаясь на свою старость, не поехал, но послал своего сына Руки ад-Дина. Еще по дороге в Монголию царевич получил весть о смерти своего отца. Это случилось 20 зу-л-хиджа 632 г.х. (5 сентября 1235 г.)³⁵². После него осталось четверо детей.

Преемником Борака стал его племянник Кутб ад-Дин Тайянгун, которого дядя женил на своей дочери Хан Туркан. Племянник-зять пробыл на троне два года, после чего в результате переворота "уступил" его с ведома Угэдэя сыну Борака Руки ад-Дину Мубарак. Мубарак правил 16 лет и в 1252 г. был отстранен Мангу-ханом. На троне был восстановлен Тайянгун. Спустя четыре месяца он женился на Кутлуг Туркан, бывшей наложнице своего дяди и тестя Борака. В 651 г.х. (1253) Мубарак пытался путем заговора снова прийти к власти, но оказался разоблачен и убит лично Тайянгу³⁵³.

После смерти Тайянгун в 655 г.х. (1257) в течение 15 лет регентом в период малолетства его сына Хаджжаджа, назначенного Мангу-ханом наследником, была Кутлуг Туркан. Но когда Хаджжадж вырос, она не уступила ему власти³⁵⁴. Он вынужден был уйти в Индию. Именно в это время (в 1271 г.) через Керман по пути на Дальний Восток прошел Марко Поло. Ему понравилось "прекрасное королевство", в котором он, наряду с множеством "городов, деревень и красивых жилых домов", заметил и опустошение, произведенное татарами.

В 681 г.х. (1282) умерла Кутлуг Туркан, известная тем, что строила много каналов³⁵⁵. К власти пришел султан Джелал ад-Дин Сургатмуш. Через девять лет он был задушен по приказу своей сестры, дочери Кутлуг Туркан. Падишах Хатун, которая вышла замуж "по монгольскому обычаю" за монгольского принца Тай-хату, с его помощью стала правительницей Кермана вместо своего брата. Народу было объявлено, что он покончил с собой. Но уже на следующий год "предала себя смерти" сама Падишах Хатун. Приказом Газан-ха-

на был назначен новый правитель, который, однако, "умер от пьянства" после восьми лет правления (1303). Казвини сообщает, что уже примерно через два с половиной года кара-киданьская династия в Кермане окончательно пресеклась³⁵⁶. Последний Кутлуг-хан умер в 706 г.х. (1306)³⁵⁷. Так закончила свое существование практически последняя династия, созданная киданями. Основным источником наших сведений о ней является сочинение иранского историка и географа Хамдаллаха Мостуфи Казвини (1281 – ок. 1350) "Тарихе гози-де" ("Избранная история"). Этот крупный финансовый чиновник времен Хулагуидов, служивший под начальством везира Рашид ад-Дина, создал в 1340 г. свой труд с целью прославления сильной центральной власти ильханов. Пользоваться им сложно из-за совершенно запутанной хронологии. Переводчик Е.Г.Броун сумел, однако, исправить большую часть явных ошибок. Интересный материал об этой династии содержится также в работах упомянутых выше Джувейни, Ибн ал-Асира, Ан-Насави и Мирхонда.

Этим заканчивается первый период истории западных киданей после гибели их государства на территории Средней Азии. Размывание населения шло на протяжении всей истории этого государства, а в конце стало особенно интенсивным. Еще в 1203 г. некий Эбугаджин-Ноякин участвовал в заговоре против Чингис-хана³⁵⁸. Одним из последних кара-киданей, живших после похода Чингис-хана, был Кундукай, который при Хубилае, по словам Рашид ад-Дина, занимал должность казначея³⁵⁹.

Последующий период – время расселения западнокиданьских родов на территории всей Средней Азии и даже за ее пределами. Связан он с процессом смешения родов, о причинах которого хорошо сказал еще Н.Аристов: "Недостаток пастбищ вследствие умножения скота, борьба за эти пастбища, происходившие отсюда и из других причин внутренние смуты и раздоры, наконец внешние нашествия и войны – все это ... влияет на группировку родов и их частей, вызывая образование новых родовых единиц и союзов"³⁶⁰.

Пока практически невозможно создать вполне ясную картину миграции западных киданей, ибо письменные источники и археологические свидетельства не позволяют выделить киданей из других племен и народов. Причина этого – ассимиляция киданей местным населением. Подверглись ей еще кидани, переселившиеся на запад до Елюй Даши. Этот процесс тюркизации подметил в XI в. Махмуд Кашгарский: "Хитай имеет отдельный язык и письменность. Тюркским языком они владеют не полностью"³⁶¹. А конец этого процесса застал, пожалуй, Угусунь Чжундуань, сообщивший, что "в настоящее время осталось мало жителей, они переняли обычаи и одежду хуэйхэ (мусульман)"³⁶².

Восстановить картину расселения западнокиданьских родов, хотя и далеко не полную, можно с помощью этнонимии. В историко-этнографической литературе хорошо известен этноним катый (ктай, кытай, кытай, ктай, кытай). В состав казахов Среднего Жуза входил род кытай или ктай-аргын³⁶³. В казахской легенде, записанной в 1925 г. от Темирбая Бектасова, кытай были объединены кровнородственными связями³⁶⁴.

У киргизов широко распространены этнонимы кытай, ктай и кара-кытай. Киргизское племя кытай относится к левому крылу. В XIX в. оно было расселено в долинах рек Таласа и Чаткала, но крупные группы этого племени жили в Прииссыкулье, в Чуйской долине, более мелкие — на Тянь-Шане. Как писал Г.Е.Грумм-Гржимайло, "в состав тяньшаньских киргизов вошли кипчаки, найманы, канглы, аргыны (кесек), ктай (кидани), урянхай, сарляры и монгуши и осколки других племен и народностей"³⁶⁵. Эти слова подтверждают сведения Абулгази: "Настоящих киргиз осталось очень мало; но это имя стали присваивать себе монголы, турки и другие переселившиеся на их прежние земли"³⁶⁶. Быт племени кытай запечатлен в поэме "Коджоджаш", входящей в состав эпоса "Манас". А.Н.Бернштам вообще считал, что эпоха кара-киданьского государства нашла самое широкое отражение в этом эпосе, и, в частности, "личность Алооке-хана Андижанского в этом сражении (имеется в виду "эпизод из второго похода Манаса в район Акбешима и города Баласагуна (Баласагын в эпосе. — Г.П.) выступает как обобщенная фигура хорезмшаха Мухаммеда и Османа Самаркандского, выступивших против Баласагуна в начале XIII в."³⁶⁷. Не всегда, однако, можно считать род кытай (ктай) потомками западных киданей. В.П.Наливкин писал: "Есть еще маленький род кытай, или вернее кутай сот кутзад; этот род пришел позднее других, но он во всех отношениях, и административном и экономическом, слился с отделениями багышского рода кутлук-сеид и чичар"³⁶⁸. Потомками найманов, часть которых во главе с Кучлуком переселилась в начале XIII в. на территорию Семиречья, можно считать киргизское племя найман³⁶⁹. В 1811 г., по сведениям Клапрота, название каракытай применялось по отношению ко всем жителям долины р. Или³⁷⁰.

Название кытай встречается и у узбеков. И здесь кытай "брачатся со всеми родами". Они есть и среди зеравшанских узбеков. Н.А.Аристов прямо указывал, что "зеравшанские кытай" являлись потомками последней части киданей³⁷¹. Есть кытай среди узбеков дельты Аму-Дарьи. Они жили и по берегам Сыр-Дарьи. В конце XIX в. число дворов и кибиток (т.е. оседлых и кочевых) кытай-уз среди узбеков Джизакского района Ходжентского уезда насчитывало 1228³⁷². В 1812 г., по сведениям Э.В.Бретшнейдера, между Маргианом и Кокандом был "город" Кара-Катай, где жили кара-катай,

проповедовавшие ислам³⁷³. При Тимуре "китай-кипчаки" во главе с полком Байтоком проникли в Ферганскую долину и расселились в районе Андижана и Ахсы³⁷⁴. Около Ходжента о следах пребывания киданей говорят названия двух селений: Хтай (Китай)-Кишлак и Хтай-риза³⁷⁵. В 1821 - 1825 гг. произошло восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве³⁷⁶.

Немногочисленные группы кытай (ктай) встречались в конце XIX в. среди таджиков. Объединение ктай является одним из четырех племен каракалпаков арыса он торт уру³⁷⁷. Там зарегистрирован и каракитайский род, проживший в прикаспийских степях, собственно, почти среди казахов³⁷⁸. Как микроэтноним "ктай" зарегистрирован и среди ногайцев Северного Кавказа³⁷⁹. Фонетический вариант названия "кидани" можно проследить и в составе калмыцкого народа: киттуд, китат. Как компонент у калмыцкого народа он появился в ранний период его этнической истории (УП - XII вв.)³⁸⁰. Жили китат по берегам Урала еще в 1630 г.³⁸¹

Род катая упоминается в одном из башкирских шежере как плативший дань послу русского царя Ивана Грозного³⁸². Его представители участвовали в Ливонской войне, походе на Азов, на Казань. Там же есть указание на то, что появились они в Башкирии в то время, когда находились "под покровительством хана Чингиза Темучина (получили эти земли), с благословенного разрешения великого Темучина хана Чингиза". По мнению Дж. Г. Киекбаева, это вполне вероятно, ибо у этих "выходцев с берегов Орхона и Селенги" в языке существуют специфические фонетические комплексы лт, нт, мт, мк, нк, представленные в орхонских памятниках³⁸³. Да и целый ряд исторических преданий башкир гласит о том, что родина их предков - это Алтай, Иртыш, озеро Байкал³⁸⁴. Возможно, однако, что основная масса племен северо-восточной группы башкир переселилась на запад в середине - конце I тысячелетия³⁸⁵. И все же этноним катая мог появиться на левобережье реки Белой и в смутное для Башкирии время - XI - XII вв. В Крыму до сих пор существуют названия Ой-Китай, Орта-Китай, Кара-Китай, Сары-Китай и др.³⁸⁶ Они часто там сочетаются с "найманским" топонимом: Ктай-Найман, Кара-Найман, Найман, Онгар-Найман и т.д. Встречаются подобные названия и у населенных пунктов гагаузов и болгар: Кара-Китай, Киргиз-Китай, Катай³⁸⁷.

А. Н. Бернштам считал, что «не так уж невозможно искать в скрещении "хойху" и каракитаев завязь того этнического процесса, который породил начало, а может быть содействовал ускорению начавшегося процесса скрещения, давшего новое этническое образование - дунган»³⁸⁸.

"Кханкуйцы из племени хтай", по сведениям Ч. Ч. Валиханова, проживали на юго-востоке Тибета. Вероятным отголоском истории

киданей, восточных и западных, является существование названия карахитай, которое применялось жителями Кульджи по отношению к тайпинам, поднявшимся в середине XIX в. на восстание против маньчжурского ига³⁸⁹.

Даже это самое общее перечисление этнонимических и топонимических сведений, связанных с киданями, наглядно демонстрирует и подтверждает факт неизбежной ассимиляции пришельцев каракитаев местным населением Средней Азии и Казахстана, стоявшим на более высокой ступени социально-экономического и культурного развития.

ж ж ж

Политическая история западных киданей охватывает период с 1124 по 1218-1219 гг. Создание этого государства в немалой степени связано с личностью члена правящего киданьского рода Елюй Гаши. Образованию государства предшествовали его попытки сплотить различные монгольские племена с целью освобождения территории империи Ляо, захваченной чжурчженями. Когда эта деятельность Гаши в конце концов закончилась неудачно, часть киданей ушла на запад и на территории Средней Азии создала новое государство на развалинах Восточнокараханидского каганата. Государства Бэй Ляо и Си Ляо, при наличии определенных факторов (постоянные восстания на захваченных территориях, ненадежность подвластных племен, сопротивление китайского населения, успехи китайских войск и т.д.), сыграли свою роль в сдерживании натиска чжурчженей на запад и стабилизации западной границы чжурчженской империи. Возникновение государства Западное Ляо способствовало освобождению среднеазиатских государств от сельджукского владычества. Это государство сыграло для них своеобразную роль заслона и от нападений различных племен с территории Монголии. Вместе с остальными среднеазиатскими государствами Западное Ляо на время приостановило натиск монголов на Запад, отсрочило их походы. Тем не менее само существование западнокиданьского государства, совершавшего постоянные грабительские набеги на своих соседей, ослабило среднеазиатские государства, нанесло удар по их экономической структуре, явилось препятствием на пути их политического объединения, хотя нашествие киданей было лишь одним из факторов, обусловивших то, что в Средней Азии "начался общий упадок торговли, ремесла и городской культуры"³⁹⁰. Правда, фактор этот был одним из значительнейших. Поэт Шихаб ад-Дин Амак Бухаро'и считал нашествие киданей во много раз более страшным, чем жестокость своих правителей:

Слышал я, что десять лет насилия и притеснения цирей
Все же лучше, чем два дня общего бедствия, смуты и
волнений.

Теперь стала мне ясной эта поговорка, о падишах,
Когда я вижу погибшие народы и разоренные страны³⁹¹.

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЕ ЛЯО

Империя западных киданей окончательно сложилась к 1141 г., когда после битвы в Катванской степи власть гурхана Елюй Даши распространилась на огромную территорию. Ее западная граница проходила по реке Аму-Дарье, поскольку, хотя Хорезм и платил дань, он все же был практически независимым государством. Самыми южными владениями кара-киданей были Балх, Термез и Хотан. На востоке государство граничило с зависимой Уйгурией. На северо-восточной границе располагались дружественные племена найманов, возможно, некоторое время зависевшие от Си Ляо¹. На севере граница проходила по озеру Балхаш и реке Чу. Исходя из этого можно установить, что наибольшая протяженность империи с запада на восток была примерно 6 тыс. ли, а с севера на юг — около 2 тыс.² (соответственно 3 тыс. и 1 тыс. км). Таким образом, по размерам Западное Ляо не уступало Золотой империи чжурчженей и Южносунскому государству. Елюй Чуцай, посетивший Центральную Азию в 1219 г., писал, что государство занимало территорию в "несколько десятков тысяч ли"³; его современник Чан Чунь сообщал о "десяти тысячах ли в каждом направлении"⁴. Китайский исследователь Дин Цянь высказал мнение, что кара-киданьские гурханы осуществляли контроль над территорией в 6 тыс. ли "шириной" и 7 тыс. ли "длиной"⁵. Это явно преувеличенные цифры. При определении границ империи надо иметь в виду еще и то, что ее территория не сводилась только к местам обитания собственно киданей. По Ибн ал-Асиру, они "обитали в Узкенде, Баласагуне, Кашгаре и их окрестностях", хотя гарнизоны их были "в стране Туркестан и в Мавераннахре и тяжело попирали их народы"⁶.

Население империи состояло из оседлых и кочевых племен. Общую его численность определить сложно. По переписи, проведенной Елюй Или в 1151 г., насчитывалось 84,5 тыс. хозяйств, которые могли поставлять в армию и на службу гурхану мужчин старше 18 лет. Но это явно не все население государства, ведь только в

Самарканде, одной из столиц государства, перед монгольским завоеванием проживало 100 тыс. семейств⁷. Скорее всего это население территории, контролируемой непосредственно гурханами. В определенной степени подтверждают это предположение и другие цифры, содержащиеся в источниках. Гарнизон Кадуньчена располагал 20 тыс. воинов или, по лясской традиции, когда одно хозяйство давало двух воинов — 10 тыс. хозяйств. По Ибн ал-Асиру, прибытие 16 тыс. шатров киданьских наемников под знамена Елюй Даши удвоило его мощь. Если учесть 10 тыс. отборных воинов, предоставленных Даши после совещания в Бейтин, и, возможно, тех воинов, которые воспользовались 10 тыс. боевых коней ("Цзинь ши", цз. 3, л. 5а-б; цз. 121, л. 4а), можно считать, что в первые годы у него было только киданей от 30 до 40 тыс. хозяйств. Вероятно, эта цифра и имеется в виду Джувейни, когда тот пишет, что во время пребывания Даши на Имиле в его распоряжении находилось 40 тыс. хозяйств⁸. В состав 70-тысячной армии, посланной в экспедицию на восток, видимо, входили уже не только кидани, но и подвластные племена, ведь трудно представить, что Даши мог послать все войска на восток, не оставив ничего для охраны своих владений. Другая проблема: входили ли в число этих 84,5 тыс. хозяйств лишь кочевники или и оседлые жители тоже, которые не включались в состав регулярных войск? На наш взгляд, К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн справедливо замечают, что здесь учитывались и оседлые жители, иначе трудно объяснить небольшие по численности армии кара-киданей.

Если сложно подсчитать общую численность населения государства, то этнический состав населения более или менее ясен. Мы знаем, что в составе передвигавшихся на запад под руководством Елюй Даши отрядов были и тюркские, и монгольские, и тунгусские элементы. На новых землях проживали таджики⁹, карлуки, группа тюрок во главе с Караханидами, уйгуры, китайцы (т.е. хань эр и их потомки, не пожелавшие стать подданными "диких" чжурчженей), "много умелых и ученых людей" из числа евреев, смуглые индийские мусульмане¹⁰.

В ориенталистике очень долго дискутировался вопрос о происхождении термина "каракитай". Если исходить из того, что термин "кара" в тюркских языках имеет значение "народ", "масса"¹¹, то сочетание "каракитай" можно объяснить как "народ китаев". Термин же "китай" существует, по крайней мере, с VIII в. Так назывался в орхонских памятниках могущественный кочевой народ, обитавший к северо-востоку от китайской империи. В X и XI вв. этот же термин применялся и по отношению к киданьской империи (Кита, Ката), возникшей вскоре после падения могучей танской державы на границах с Китаем. В уйгурском документе, составленном, видимо, около 1000 г., говорится, что автор вернулся от "Катай".

В 1026 г. к Газневидам был направлен посол от Ката-хана, правителя Ката. Об этом сообщает Гардизи в 1050 г., Бируни - в 1030 г. и неизвестный автор арабского манускрипта - примерно в 1120 г. Низам аль-Мульк говорит о Катае и Китае как двух совершенно различных государствах. О том, насколько широко использовалось это название после Елюй Даши в Центральной Азии, свидетельствует ряд фактов. Мусульманские историки распространили его на империю чжурчженей, объединившей после разгрома Ляо и Сун весь Северо-Восточный Китай. Персидские историки XIII столетия, описывая разгром западнокиданьского государства, называют его жителей то чжурчжэнями, то киданями. В "Юань-чао-би-ши" говорится и о киданях, и о каракитах¹². В свою очередь, термин "китай", вероятно, восходит к протомонгольской форме, зарегистрированной самыми ранними средневековыми китайскими источниками. Первое упоминание названия "кидани" относится ко времени правления династии Западная Цзинь (265 - 317).

Государство Западное Ляо было неоднородным не только в этническом, но и в социально-экономическом отношении. Составлявшие его многочисленные племена и народности находились на разных ступенях общественного развития - от родового строя до развитых феодальных отношений.

1. Экономика западнокиданьского государства

В сочинениях мусульманских авторов XII-XIII вв., в китайских источниках, записках путешественников, пересекавших бескрайние просторы Центральной Азии, нет каких-либо обобщенных сведений о хозяйстве и всей экономической жизни киданей в рассматриваемый период. Почти все эти источники характеризуют их как исключительно кочевой народ, передвигающийся в поисках корма для скота. Подобное представление укоренилось и в исторической науке: по аналогии с киданями периода империи Ляо считается, что "основное ядро" кара-киданей составляли "скотоводческо-охотничьи племена монгольской группы"¹³. Однако, если внимательно присмотреться к отдельным сообщениям, содержащимся в тех же источниках, общая картина экономической жизни западных киданей предстанет более сложной.

Узловым вопросом, от разрешения которого зависит правильная оценка уровня экономического развития западнокиданьского государства, несомненно является степень развития кочевого скотоводства у киданей, определение форм и методов ведения кочевого хозяйства.

Прочно укоренилось мнение, что "сама природа позаботилась о том, чтобы в Монголии преобладающей формой хозяйства было скотоводство"¹⁴; что XX в. застаёт монголов "такими же кочевниками, какими они были в XIII в."¹⁵ и что "причины такого положения коренились главным образом в физико-географических условиях страны и в особенностях исторического развития"¹⁶. Благодаря многолетним успешным исследованиям советских (С.В.Киселев, А.П.Окладников, Л.А.Евтихова, Л.Р.Кызласов и др.) и монгольских (Х.Пэрлээ, Н.Сэр-Оджав, Д.Дорж и др.) археологов теперь ясно, что и "оседлость в истории кочевничества в Монголии занимала более значительное место, нежели это предполагалось ранее"¹⁷, что, "говоря об огромной роли нomaдизма в древней и средневековой истории Монголии, нужно учитывать и значение существовавших тогда городов и оседлых пунктов, сыгравших определенную роль в развитии феодальных отношений". Далеко не в последнюю очередь сказанное относится и к истории киданей. Итогом развития производительных сил киданьского общества в X - XII вв. явился существенный "рост числа городов и других оседлых пунктов"¹⁸. Л.Л.Викторова считает, что основной тенденцией экономического развития страны был "переход к земледелию и связанному с ним оседлому быту", что "между кочевым и оседлым укладами в киданьском обществе не было резкой границы"¹⁹. Вместе с тем в отношении западных киданей она утверждает, что они перешли к кочевому быту, сохранив "абрис культурных достижений эпохи империи Ляо". В принципе это возможно, ибо с историей кочевых обществ неразрывно связаны два встречных процесса - седентаризации и нomaдизации. Они происходят нередко в рамках одного и того же общества, подчас одновременно. Территория империи Ляо, как и Восточного Туркестана, относилась к так называемым маргинальным районам, где возможны были оба рода хозяйственной деятельности. Однако сведения письменных источников и данные археологических раскопок опровергают такое предположение в отношении западных киданей. Источники указывают на широкое распространение земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел. Кроме того, надо иметь в виду, что в состав империи западных киданей входили территории с давней земледельческой традицией. Поэтому можно говорить о важной роли скотоводства в государстве Западное Ляо, но отнюдь не ведущей.

В Западной Джунгарии и Семиречье, на территории, удобной для кочевников и полукочевников благодаря разнообразию горных и степных пастбищных угодий, скотоводство, действительно, получило дальнейшие стимулы для своего развития. В условиях сурового климата кочевник мог иметь только такое количество животных, какое способен был прокормить зимой. А ведь он должен был еще сделать запасы пищи для своей семьи. После того как в состав империи бы-

ли включены богатые сельскохозяйственные территории, жизнь кочевников значительно облегчилась, хотя и теперь благополучие стада номада во многом зависело от погодных условий. Продукты, которые кидани не могли получить в своем хозяйстве, они приобретали у оседлых покоренных народов. По словам ал-Идриси, "в этой стране разводят много лошадей, быков и баранов"²⁰. Это способствовало накоплению сельскохозяйственных излишков, стимулировало товарообмен, вызывало рост поголовья скота.

Источники, китайские и мусульманские, пестрят упоминаниями о быках, овцах, верблюдах, лошадях, которых разводили кидани; они единодушны в том, что кидани прилагали большие усилия для того, чтобы собрать и вырастить свои стада. Так, читаем: Елюй Даши бежал от императора Тянь-цзо с 200 всадниками; онгуты, у которых оказались беглецы спустя три дня, подарили им 400 лошадей, 20 верблюдов и одну тысячу овец. В Кэдуньчене Даши собрал 20 тыс. киданьских воинов и вместе с гарнизоном получил и казенные табуны. В Бешбалыке вожди 18 племен помогли ему создать 10-тысячный кавалерийский корпус; уйгурский каган подарил ему большое количество лошадей, верблюдов и овец²¹. Так у Елюй Даши появилась отлично оснащенная, хорошо вооруженная и вполне боеспособная армия, которая под его командованием "прошла 10 тыс. ли, низвергая царства и получая несметное количество верблюдов, лошадей, рогатого скота, овец и товаров"²². А в Средней Азии Елюй Даши присоединил табуны осевших здесь ранее киданей (16 тыс. хозяйств) и покоренных племен и народностей. Подвластные территории платили кара-киданьским гурханам дань не только деньгами и товарами, но и скотом²³.

Таким образом, кидани разводили огромные стада, состоящие преимущественно из овец с большими хвостами, быков, верблюдов и лошадей. Из шкур овец шили одежду, их шерсть, вероятно, служила исходным материалом при изготовлении войлока для шатров. И овцы, и быки принимались в качестве дани от вассальных племен, как это практиковалось и в Ляо. Овцами платили жалование чиновникам, их преподносили в качестве подарков. Они использовались во многих церемониях²⁴. Бык служил средством транспортировки²⁵.

Утусунь Чжундуань особо отмечает, что западные кидани разводили верблюдов. Его удивило, что это были, как правило, одногорбые верблюды, так называемые дромадеры африканского типа. Для киданей эти животные были важным транспортным средством и ценились за шерсть и молоко²⁶. Кидани использовали их в некоторых церемониях²⁷. Основными районами, где разводили верблюдов, были песчаные и бесплодные места. На севере государства их, вероятно, разводили меньше - препятствовали климатические условия (здесь, по словам ал-Марвази, "верблюды не жили больше года"²⁸). Видимо, не

было их и в районе Баласагуна, ибо здесь при раскопках "были найдены кости домашней свиньи"²⁹. "Истории не известно соединение кочевого скотоводства с развитым свиноводством, да и трудно мыслить возможным подобное сочетание"³⁰. В то же время отдельным киданьским родам свиньи были известны издавна. Так, после разгрома объединенной армии киданей и кумоси тобасскими войсками в 388 г. кидани потеряли более 100 тыс. голов лошадей, овец и свиней³¹.

Самую большую ценность в глазах киданей имела лошадь. Е Лунли писал: "Государство Ляо, включавшее в себя всю Великую пустыню и охватывавшее земли у Великой стены, строило управление, сообразуясь с наиболее благоприятными условиями местности ... В Великой пустыне стоят сильные морозы и дуют сильные ветры. (Население) пасет здесь скот, занимается охотой и рыболовством, чтобы питаться; добывает кожи и шерсть, чтобы одеваться; переезжает с места на место в соответствии с сезонами, причем повозка и спина лошади служат для него домом"³². Сколько-нибудь длительное военное преобладание кочевников над оседлыми народами, а зачастую и над кочевыми, во многом определялось наличием большого количества достаточно выносливых верховых животных, и прежде всего лошадей. Западным киданям для того, чтобы держать в повиновении подвластное население, приходилось участвовать во множестве крупных и мелких войн. Лошадь служила им верховым и вьючным животным или транспортным средством³³. Лошади кара-киданей в значительном количестве являлись дойными животными. Кобылье молоко было любимым напитком воинов. Из шкур лошадей, быков, овец и верблюдов кидани шили себе одежды, делали тетиву на луки. Популярна была среди воинов конная игра в мяч³⁴. Большое количество лошадей использовалось в императорских охотах³⁵, во многих церемониях, в частности, в церемонии жертвоприношения небу, земле и предкам³⁶. Есть сообщение, что отдельные киданьские феодалы имели до 18 тыс. кобыл и много жеребят³⁷. На территории государства существовали разные породы лошадей. Помимо малорослых киданьских лошадей³⁸ разводили и таких, которые "имеют очень короткие шеи и весьма упитаны. Их откармливают для того, чтобы употреблять в пищу"³⁹⁻⁴⁰. В торговых поездках использовали верблюдов (известны караваны из нескольких тысяч верблюдов), но если нужно было срочно "перевезти товары", предпочитали лошадей рослых, с небольшой головой и тонкими ногами⁴¹.

Западные кидани проявляли большую заботу о своих стадах. Джуейни пишет, что кара-кидани старались, чтобы их "скот рос упитанным"⁴². Ибн ал-Асир сообщал, что кара-кидани "проживают в кибитках по своему обычаю, (существовавшему) прежде, чем они воцарились"⁴³. Как явствует из рассказа трех уйгурских кушцов, приведенного в "Цзинь ши", столица государства западных киданей на

первых порах представляла собой огромный палаточный лагерь, подобное существовавших в период Ляо зимних набов: "Лагерь, в котором кидани живут, так огромен, что нужно полдня, чтобы обойти его вокруг"⁴⁴. О подобном лагере киданьского императора писал в стихотворении сунский посол Би Чжунью, посетивший его в 1055 г.:

Ветер с границы несет снег,
Покрывающий войлочный город.
В месте, где стоит войлочный город,
Находится военный лагерь⁴⁵.

Гийом де Рубрук, фламандский монах, возглавлявший дипломатическую миссию, посланную Людовиком IX к Великому хану, по пути в Каракорум встретился с отдельными племенами кара-киданей и найманов, которые после монгольского нашествия были оттеснены в горные районы старой своей империи. Он говорил: "Эти два народа не возделывают землю, но как татары живут в шатрах"⁴⁶⁻⁴⁷.

В Чуйской долине было два заповедника, пастбищами и угодьями которых никто не смел пользоваться без особого разрешения верховных правителей. Один из них - в восточной части долины, неподалеку от Суяба. Мухаммед ибн Джарир ат-Табари писал, что у хакана (тюркшей. - Г.П.) "были заповедные луга и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Протяжение луга - три дня (пути) и горы три дня" (т.е. до 200 км)⁴⁸. По мнению К.И.Петрова, "пастбищный нагорный заповедник располагался в районах рек Шамси-Кегеты или в долине Кемина"⁴⁹. Другой заповедник, местонахождение которого пока точно не определено, так называемые "Тысяча ключей (источников)", занимал более 115 километров: "Обилие влаги и плодородие почв благоприятны для ... растительности. Даже не в весенние месяцы земля покрыта ковром цветов. Источников здесь тысяча, отсюда название местности. Туркский каган каждое лето приезжает сюда ..."⁵⁰.

Западные кидани также занимались охотой. Процесс вытеснения охоты кочевым скотоводством, продолжавшийся и в западной империи, не завершился полной ликвидацией этой отрасли хозяйства. Скотоводы, не желая убивать свой скот, давший молоко, вынуждены были пополнять мясные запасы за счет диких животных. Кроме того, как и в ляоской империи, охота здесь служила формой подготовки войск во время нее воины приобретали боевые навыки. Когда в 940 г. цзяньский чиновник Цуй Цунгу сказал киданьскому императору Тай-цзуну: "Император династии Цзянь слышал, что вы, ваше величество, часто выезжаете на охоту, и намерен просить, чтобы вы воздержались от этого", Тай-цзун ответил: "Я занимаюсь охотой не потому, что стремлюсь просто к развлечениям, а для того, чтобы упражняться в военных делах"⁵¹. Да и добыча охотников шла на

пополнение продовольственных запасов армии. Большая императорская охота была грандиозным мероприятием. Для захвата последнего киданьского гурхана Чжунху на охоте Кучлук устроил засаду из 8 тыс. воинов⁵². Наряду с облавной, кара-кидани организовывали и индивидуальную охоту. Охотились на степных и горных животных — куланов, косуль, сурков, фазанов, козорогов, архаров, уларов, лисиц, барсуков⁵³. В заповеднике "Тысячи ключей (источников)", в западной части Чуйской долины, "водятся стада оленей"⁵⁴. На охоте использовались соколы, ястребы, беркуты. Охота с ловчими птицами широко практиковалась еще императорами Ляо. Предлогом для возникновения конфликта с чжурчженями как раз и послужило желание киданьских правителей иметь побольше этих птиц. Охота у западных киданей, таким образом, не являлась самостоятельной отраслью, а была лишь подспорьем основному виду хозяйства — скотоводству. Для знати и правителей она являлась развлечением.

Еще в IV в. у киданей, в немалой степени под влиянием земледельческих соседей, большого развития достигло земледелие, которое в период империи Ляо, наряду с кочевым скотоводством, стало основной отраслью хозяйства. Когда Елюй Даши пришел со своей армией в Туркестан, он нашел там уже прочно установившийся, со стародавними традициями экономический порядок. Отдельные группы киданьских кочевников начали переходить к иным формам ведения хозяйства. Рассказ Чан Чуня, посетившего территорию бывшей кара-киданьской империи, позволяет смоделировать примерную картину западноляоского земледелия, а привлечение некоторых китайских и мусульманских источников дает возможность сделать вывод о том, насколько широко было распространено земледелие в империи Западное Ляо.

Чан Чунь отмечает обилие воды и травы, плодовых деревьев в районах обитания кара-киданей и тут же сообщает, что местные жители "были неспособны управлять своими полями и садами сами и вынуждены полагаться на китайцев, киданей и тангутов"⁵⁵. Три уйгурских купца, прибывших в 1175 г. на цзиньскую границу в поисках убежища от кара-киданей, сообщили, что жители столичной области "занимаются сельским хозяйством и каждый год платят одну десятую их продукции правительству"⁵⁶. Абулгази даже утверждал, что кидани после основания г.Имилъ "посвящали себя сельскому хозяйству и вскоре сделали страну процветающей", но это сообщение никакими другими более ранними источниками не подтверждается. Кара-киданьские земледельцы, судя по рассказам Чан Чуня и Угусунь Чжундуаня, выращивали просо, ячмень, пшеницу, дыни, лук, тыквы, коноплю, хлопок ("шерсть, которая растет в земле"), арбузы, гречиху, яблоки, рис, бобовые⁵⁷. Как пишет Чан Чунь, "плоды те же, что в Китае"⁵⁸. Елюй Чуцай сообщает, что жители, подобно китайцам, воз-

делывали все пять родов хлебных растений⁵⁹. Чан Чунь говорит и о наличии ирригационных сооружений и полей: "... целое лето и осень не бывает дождя, поэтому поля орошаются водой из рек, посредством канав, отчего хлеба и поспевают"⁶⁰. Чан Дэ, посетивший территорию бывшей империи в 1259 г., нашел в ее степях много ирригационных рвов и каналов⁶¹.

Чан Чунь сообщает о большом количестве тутовых деревьев, жужуба, восхищается тканью тулума, которая походит на "ивовый пух, чиста, тонка и легка, из нее можно прясть нитки, вить веревки, ткать холст и делать вату"⁶². Он подчеркивает: "Жители занимаются земледелием и шелководством; вино выделывают из винограда". Виноградное вино западных киданей было широко известно в этот период. Виноградари выжимали виноград и собирали сок в кувшины, которые запечатывали и зарывали в землю. Спустя некоторое время жидкость превращалась в вино. Чем больше вино лежало в земле, тем лучше становилось его качество. Были люди, чьи склады насчитывали тысячу кувшинов⁶³.

Кара-киданьские гурханы видели выгоды земледелия и стремились в какой-то мере взять его под свой контроль. Об этом свидетельствуют сообщения Ибн ал-Асира о том, что кара-кидани предъявили карлукам требование оставить оружие и заняться земледелием⁶⁴, и "Цзинь ши" о том, что жители столичной области, обрабатывавшие землю, платили правительству десятину. Жители внутренних районов империи за пользование земель платили налог натурой, а население зависимых стран — деньгами⁶⁵. Земля в Туркестане в XI — XII вв. уже могла свободно продаваться и покупаться "самостоятельными" людьми⁶⁶. Люди, чьи склады насчитывали по тысяче кувшинов вина, конечно же, должны были владеть большими плантациями виноградников.

Вероятно, немалую роль играло в западнокиданьском государстве церковное землевладение. Могущество христианской религии доказывает уже то, что несторианский патриарх Илья III (II76 — II90) основал митрополию в Кашгаре; кашгарский митрополит носил титул митрополита Кашгара и Невакета. К эпохе господства кара-киданей относятся древнейшие несторианские могилы токмакского и пишпекского кладбищ⁶⁷. Популярен был в государстве буддизм. Представители этих двух религий, используя борьбу гурханов с мусульманскими правителями, постарались увеличить число своих последователей. Они помогли правительству добиться того, чтобы "крик мущина и признание единства бога правоверных больше не были слышны. Мечети были закрыты и школы покинуты". Впрочем, и мусульманские проповедники в период правления первых гурханов, которые, по сообщению Джуждани, "обращались с мусульманами с великим почетом", тоже преуспели в увеличении своих богатств⁶⁸.

Наряду с земледелием у киданей еще в IV - VII вв. возникли различные ремесла, которые были усовершенствованы в период империи. Кара-киданьские гурханы тоже понимали необходимость развития собственных ремесленных производств. Письменные источники, к сожалению, не позволяют нам ответить на вопрос, какого уровня достигли они в западнокиданьском государстве, но содержат некоторые сведения о том, какие именно ремесла существовали в стране. Чан Чунь сообщает о том, что местные ремесленники с большим искусством изготавливали стеклянные изделия, телеги, одежды, корабли, оружейники поставляли в армию стрелы, луки, копья, доспехи⁶⁹. Остатки гончарных мастерских обнаружены археологами на Александровском, Ак-Бешимском, Краснореченском городищах⁷⁰. Находки предметов гончарного производства сделаны на городищах Бурана, Ашпара⁷¹, в Таласской долине⁷², Иссык-Кульской котловине⁷³. Изделия из стекла и их остатки найдены на городищах Красная речка, Ак-Бешим. По мнению М.Аминджановой, стеклоделие в Средней Азии в X - XII вв. считалось одним из 33 обязательных ремесел горожан⁷⁴. О.К.Караев считает, что "опираясь на данные археологических находок, эти суждения автора можно распространить и на жителей ряда городов других районов"⁷⁵. Каждый кочевник сам также изготавливал войлочные шатры, меховые одежды, луки, стрелы, копья, дубины, топоры, ножи и т.д.⁷⁶ О старых укреплениях в долине реки Чу, через которые прошел плуг, пишет Гийом де Рубрук⁷⁷. Чан Дэ описывает старые укрепления и полуразрушенные стены эпохи господства кара-киданей⁷⁸. 30 тыс. имперских ремесленников были переданы после покорения Туркестана членам монгольской императорской семьи, остальные использовались на осадных работах. Оставшиеся в родных городах должны были уплатить монголам большую сумму денег - 200 тыс. динаров⁷⁹. В источниках отмечается разработка месторождений каменной соли, серебра, жемчуга⁸⁰. Сейчас известно 78 древних выработок и мест плавки руды в горах Таласа и на южных склонах Киргизского хребта⁸¹. Шкуры, шерсть, лес, пенька, шелк шли от жителей империи, занимавшихся скотоводством, земледелием и охотой. Все это служило исходным материалом для ремесленного производства.

Чан Чунь, воспевая в стихах Самарканд, одну из столиц кара-киданей, восклицает: "Весь город наполнен медными сосудами, сияющими как золото, а на рынках военное платье, как даосское. Ножицы и пилы из золота - суть товары и подарки; шьют платье из белой тонкой шерстяной материи. Чудесные дыни и белые тутовые ягоды, вещи необыкновенные: кому из китайцев попробовать их"⁸².

По приказу гурханов в Западном Ляо чеканилась собственная монета по ляоскому и китайскому образцу с указанием периода правления китайскими иероглифами. Сунский ученый Хун Цюань (II в. н.э.) упоминает в своей работе монету, выпущенную вдовой Елюй Даши.

Есть мнение, что монета, подписанная "Кан-го Тун-бао", изготовлена при самом основателе династии кара-киданей⁸³.

Чан Чунь, удивленный всем увиденным в Западном Ляо, отмечает, что хотя китайское ремесло и прекрасно, но здесь оно играло незначительную роль⁸⁴.

В империи кара-киданей существовала обширная торговля, и внутренняя, и внешняя. Под властью гурханов находились народности и племена, стоявшие на разных ступенях социально-экономического развития, отличавшиеся друг от друга своими хозяйственными интересами, но заинтересованные друг в друге. Земледельцы нуждались в продуктах скотоводческого хозяйства, скотоводы - в продуктах земледельческого, и те, и другие - в иноземных товарах. Поэтому в Бухаре, Самарканде, Хиве, Баласагуне, Кашгаре, Балхе, Хотане и других городах империи не переставала звучать разноязычная речь "торговцев всех стран и языков". Многие купцы неоднократно отбывали со своими товарами за пределы империи - в Египет, Магриб, Китай, Золотую империю. Активными участниками торговли были мусульмане, уйгуры, представители еврейских общин⁸⁵.

Через всю страну проходили торговые караванные пути, связывавшие между собой все крупные города империи. Особенно известными были пути из Самарканда в Балх, из Балха через Бадахшан, Яркенд в Кашгар, из Герата в Самарканд, из Самарканда через Исфиджаб, Тараз в Баласагун и оттуда далее на восток в Уйгурию, Китай, из Хотана в Китай⁸⁶. Торговали самыми разнообразными товарами: оружием, рабами, парфюмерией, шелком, посудой, драгоценными камнями, украшениями, лошадьми, верблюдами, быками, овцами, шерстью, кожами и т.д. Почти повсеместно торговля шла за деньги. Купец, располагавший товарами на сумму в несколько десятков тысяч динаров, не считался очень богатым⁸⁷.

2. Государственное устройство

Тема государственного устройства киданей уже привлекала внимание исследователей. По отдельным проблемам, связанным с ней, высказывались многие востоковеды, а по некоторым даже шла оживленная полемика⁸⁸. Однако общей картины государственного устройства империи Западное Ляо еще никто не давал. Между тем история западных и восточных киданей, интересная сама по себе, привлекает еще и тем, что они сделали попытку установить господство кочевого народа над оседлым населением, для чего восточные кидани создали довольно совершенную государственную машину. Их методы управления тщательно изучались чжурчжэнями и монголами. Но не

Опирались ли и кара-кидани на опыт Великой Ляо? Ведь Елюй Даши хорошо знал структуру и функции государственного аппарата, изучил их не только в теории, но и на практике. Известно, что он высоко оценивал двухсотлетний опыт существования такого хорошо отлаженного механизма, какой представляла собой ляоская империя. Письменные источники дают некоторые сведения о том, в какой степени кара-кидани заимствовали принципы государственного устройства киданьской империи.

На вершине иерархической лестницы Си Ляо находился глава правящего рода Елюй. Первый правитель государства носил одновременно два титула - император и гурхан. И это было, видимо, не случайно. Одновременное существование двух титулов отражало сложную политическую обстановку. Остановить натиск чжурчженей и вернуть гибнущей империи Ляо былую славу он надеялся, объединив различные кочевые племена Монголии, для которых чжурчженская империя представляла потенциальную опасность. Уйдя от последнего киданьского императора Тянь-цзо с небольшим количеством воинов, он затем пополнил свое войско за счет гарнизона Кэдуньчена. После курултая в Бешбалыке он встал уже во главе союзной армии. Ему оставалось только "назначить командиров и снабдить войско оружием"⁸⁹. И вот именно тогда, а не в момент ухода от Тянь-цзо, как считают Фэн Цзяшэн и К.А.Виттфогель⁹⁰, Елюй Даши и принял титулы императора и гурхана. Первый отражал его притязания на киданьский престол и стремление возродить империю. Принятие же титула гурхана особенно примечательно, ибо показывает, что средством для достижения цели Елюй Даши избрал конфедерацию монгольских племен. Эта мысль подтверждается и значением слова "гурхан". Надо сказать, что титул этот издавна привлек внимание исследователей. Принятие его Елюй Даши казалось необычным таким историкам, как М.Дегинь, П.де Майа, Д'Эрбло, С.де Саси, М.Клапрот. Источники, откуда кидани заимствовали этот титул, пытались найти В.Григорьев, И.Березин, К.Риттер, К.Менгес, К.А.Виттфогель, Фэн Цзяшэн и ряд других отечественных и зарубежных исследователей. Полемика по этому вопросу шла долгая (на протяжении нескольких веков) и весьма оживленная. В ходе ее высказывались самые невероятные соображения. В частности, В.В.Бартольд считал, что кидани сами придумали этот титул и родовое имя Елюй является передачей слова "гур"⁹¹.

Между тем в "Ляо ши" прямо говорится, что гурхан - это почетный титул правителей монгольских племен. Корень "гур" в монгольском языке имеет два значения: первое - большой, всеобщий, второе - народ (собрание племен). Именно в таком значении он встречается в "Юань чао би ши", где рассказывается о том, как в 1201 г. некоторые монгольские племена, собравшись на реке Кем, избрали своим вождем Джамуху с присвоением ему титула гурхан, т.е. вели-

кий хан. Когда же Чингис-хан в 1206 г. созвал на реке Оной курултай, то в своей речи заявил, что после истребления многих государей, носивших титул гурхан, ему неприлично принять этот титул, утративший уже свой блеск⁹². Джувейни объясняет титул "гурхан" как "хан ханов", а Рашид ад-Дин трактует его - "великий хан, всеобщий хан". В отдельных тюркских и монгольских языках это слово произносится с некоторым удлинением (гур-хән) и обозначает "универсальный правитель, хан с огромной властью, верховный правитель"⁹³. Титул этот пользовался большим уважением у многих правителей, в частности, "любил видеть свое имя с этим прозванием" Тимур⁹⁴.

Гурханы, подобно своим лясским предшественникам, видимо, сохранили верность кочевому образу жизни. Как и в лясской империи, передвижения верховного правителя преследовали определенные цели. Это были своего рода "инспекционные поездки"⁹⁵, во время которых гурхан имел прекрасную возможность контролировать местных правителей и чиновников. С ними он разбирал все текущие дела, а особо важные проблемы обсуждали во время пребывания гурхана в главной столице. Среди сопровождающих лиц были члены родов Елюй и Сяо, мужья дочерей гурхана, носившие, как и в Ляо, особый китайский титул фу-ма (императорский зять), полководцы и военачальники, часто и вожди основных племен империи, т.е. тех племен, которые пришли вместе с Елюй Даши и по переписи 1151 г. получили название "внутренних"⁹⁶.

Среди чиновников, сопровождавших гурхана, значатся и такие, должности которых существовали в Ляо. Так, упоминаются воспитатели сыновей правителя. Кара-киданьские гурханы считали, что их сыновья, особенно наследник престола, должны были быть хорошо знакомы не только с искусством верховой езды и стрельбы из лука, но и с наукой, литературой, церемониями. При последнем гурхане Чжунху на такой должности находился уйгур. При гурхане был особый чиновник, ответственный за придворный этикет, за проведение придворных церемоний. "Хань ши" сообщает, что у императора каракиданей, как и у киданьских императоров, было немало личных слуг. В лясской империи они именовались управляющими канцелярскими принадлежностями, лампами и свечами, шатрами, повозками и т.д.⁹⁷

Ни в одном из известных источников не содержится раздела, в котором бы организация центрального управления излагалась в более или менее полной форме. Поэтому информацию об этом приходится черпать из отдельных разрозненных сведений.

В состав империи Ляо входили многочисленные кочевые и полукочевые племена на севере и оседлое, главным образом, китайское население на юге. Поэтому и государственное управление подразделялось на две части. Уже в 947 г. при провозглашении киданьского

Государства были учреждены Управления Севера и Юга. Северное управление ведало делами передвижных императорских лагерей, племен, родов и вассальных государств, Южное - делами китайцев, бохайцев и других представителей оседлого населения страны. "Ляо ши" сообщает, что эту систему первоначально взял и Елюй Даши, если не целиком, то, по крайней мере, за основу, когда, уйдя от Тянь-цзо в 1124 г., учредил Северное и Южное управления и назначил соответствующих чиновников⁹⁸.

Как и в период Ляо, у западных киданей существовал титул великий князь шести подразделений, который "осуществлял контроль над военными и гражданскими делами племен"⁹⁹. Но если великие князья Ляо принадлежали к роду Елюй, то великий князь шести подразделений у западных киданей был из рода Сяо (род Сяо, имевший уйгурское происхождение, был одним из господствующих родов и в империи Ляо).

В бюрократической системе империи Ляо чиновники, ведавшие делами выдающихся родов и племен, играли немаловажную роль. Киданьская империя представляла собой некую конфедерацию различных племен, постепенно трансформировавшуюся в централизованное государство - империю. Гурханы кара-киданей также делали все возможное для укрепления центральной власти и ограничения могущества отдельных племен. Об этом свидетельствует и закон Елюй Даши, упраздняющий систему уделов¹⁰⁰, и создание особой должности чиновника, осуществляющего контроль за союзными племенами. Когда в 1134 г. Елюй Даши послал военные экспедиционные силы для освобождения территорий, захваченных чжурчжэнями, то одним из главных их руководителей был Елюй Яньшань, занимавший пост ту-лу племени ча-ци-ла¹⁰¹. Этот титул весьма похож на существовавший в ляоском государственном аппарате титул ту-ли, который носил чиновник, контролировавший племя Си. Если это действительно так, то появляется еще одно доказательство, что кара-кидани в качестве образца брали систему государственного устройства Ляо, а по мнению К.Ментеса, кое в чем даже систему, существовавшую у киданей и родственных им племен в додинастический период¹⁰².

В составе центрального правительства ляоской империи существовали посты первых министров Северной и Южной Администратий, которые в 947 г. были заменены постами канцлеров Северного и Южного Подразделений. Они ведали наиболее важными делами, как военными, так и гражданскими. Канцлер Северного Подразделения осуществлял контроль за воинскими соединениями и выбирал военачальников, наблюдал за стадами империи, вместе с императором определял общую политику страны. В 936 г. канцлер Северного Подразделения занимался подчинением чжурчжэней, в 1063 - подавил опасный мятеж. Назначался Северный канцлер из членов родов Елюй и Сяо. Канцлер

Южного Подразделения осуществлял контроль за подбором чиновников и налогообложением. Подобные же титулы существовали и в государстве кара-киданей. Сяо Салаабу, один из полководцев в армии гурхана, одно время носил титул правого вице-канцлера (ю шуми фу ши)¹⁰³. Этот титул отличается от лясского только добавлением слова "правый" ("ю"), но это слово является указанием на то, что западные кидани здесь отошли от лясского образца и приблизились к системе, существовавшей во всех государствах Центральной Азии. Если имелись правая и левая тайные канцелярии (ю шуми и цзо шуми) по управлению военными делами, то были и правая и левая тайные канцелярии по управлению гражданскими делами (ю чжуншу и цзо чжуншу), и центральное управление, следовательно, делилось не на север и юг, а на восток и запад. В Ляо шуми фу ши являлся заместителем председателя верховного военного совета, он назывался также тун-чжиуаньши (совместно ведающий делами совета)¹⁰⁴. Сяо Салаабу позднее был одним из руководителей военного совета гурхана¹⁰⁵. В Ляо председатель верховного военного совета носил титул шуми ши, в Западном же Ляо ему соответствовал цзайсян (первый министр) или в конце династии, по мусульманскому образцу, - везирь. Джу-вейни сообщает, что при последнем гурхане Чжуху везирем был мусульманин Махмуд-бай¹⁰⁶. Елюй Чуцай упоминает встреченного им у западных киданей китайца Ли Шичана, дед которого был первым министром у Елюй Даши; сам Ли Шичан являлся помощником первого министра (чжи-чжэн)¹⁰⁷.

Можно предполагать, что по аналогии с империей Ляо у западных киданей существовали управление и-ли-би (суд), управление финансов (а-ча-го-чжи), управление главноначальствующего походными лагерями (син гу ду цзун гуаньсы), управление (церemonий) ди-ли-маду и управление государственной историей¹⁰⁸. Без всех этих учреждений не могло обойтись такое государство, как Западное Ляо.

Есть основания предполагать, что центральная власть у кара-киданей не была особенно прочной. Только в условиях непрерывных походов и сражений первых лет гурхан обладал достаточно сильной властью. Однако с течением времени экономическая мощь отдельных киданьских феодалов увеличилась, и они начали играть большую роль в политической жизни страны. В.В.Бартольд писал: "... рассказы мусульманских писателей заставляют думать, что могущество некоторых кара-киданьских вельмож мало уступало могуществу самого гурхана"¹⁰⁹. Через 30 лет (в 1177 г.) Сяо Валила смог произвести государственный переворот, окружив своими войнами императорский дворец¹¹⁰.

Двор гурхана и центральное правительство являлись высшими органами страны. Исполняли их решения чиновники на местах. Однако система местного управления в Си Ляо в силу особой политиче-

ской обстановки и специфических социально-культурных условий значительно отличалась от системы Ляо. Ибн ал-Асир сообщает, что гурхан не мешал администрации завоеванных стран. Он удовлетворялся внушительными налогами на народ, собирая один динар с каждой семьи, и заставлял правителей, которые сдались, прикреплять к своим поясам небольшую свинцовую табличку, как знак их зависимости^{III}. По сообщению Ибн ал-Асира, Елюй Даши отменил практику раздачи икта, говоря, что "когда получают икта - тиранствуют"^{II2}.

Вся империя была разделена на две неравные части: внутренние районы с центром в Баласагуне, которые управлялись непосредственно центральным правительством империи, и зависимые территории. Существовало три степени зависимости этих территорий от центральной власти. Первая, самая большая, когда гурхан посылал своего наместника, который в лучшем случае следил за подчинившимся правителем, а чаще всего вел себя как хозяин. Такой представитель был, например, при дворе карлукского хана в Койлыке. В 1209 г. произошло восстание уйгурского правителя Баурчака, вызванное злоупотреблениями кара-киданьского наместника Шаукема. По свидетельству Рашид ад-Дина, "он простер руку насилия над идикутом, (его) эмирами и уйгурскими племенами и требовал не полагающихся податей"^{II3}.

Вторая степень зависимости выражалась в том, что в покоренные области посылали специальных сборщиков дани. Источники сохранили названия должностей этих чиновников: государственный наблюдатель (цзяньго) и младший наблюдатель (шаоцзянь). Персидские источники называют их саханган. Возможно, что шаоцзянем был Шаукем^{II4}. В конце правления кара-киданьские сборщики налогов назывались басу-ха, в котором нетрудно узнать тюркское слово "баскак"^{II5}. Хорезмшах посылал баскака в Самарканд для того, чтобы он представлял там его интересы^{II6}.

При третьей степени зависимости местный феодал сам привозил дань в ставку гурхана. В такой зависимости находились, например, правители Балха и Хорезма. Местному правителю в этом случае была оставлена вся полнота власти, хотя гурхан кара-киданей и мог заменить неугодного правителя. Это своего рода вассальные отношения, на которые кара-кидани вынуждены были пойти, ибо не могли полностью подчинить отдельные территории Средней Азии. Усиливаясь, эти владения постепенно освобождались от "опеки" киданей и нередко становились их соперниками в борьбе за господство в отдельных районах. Будучи номинально вассалами кара-киданей, эти правители вели себя самостоятельно.

Очень часто постороннему наблюдателю трудно было заметить господство кара-киданей в том или ином районе. Нигде не было ни войск гурхана, ни его чиновников. Низами-Арузи в 1160 г. говорил об ограниченном и малозаметном контроле кара-киданей над завое-

ванными территориями¹¹⁷. Бенджамин из Туделя, посетивший Переню спустя десять лет, заявляет, что империя Санджара простиралась до Самарканда. Правда, он мог пользоваться слухами¹¹⁸. У кара-киданий в обращении были свои деньги, но вассальным государствам разрешалось чеканить собственную монету¹¹⁹. Назначение мусульманского кутца Махмуд-бая на один из высших постов центрального правительства — явление уникальное, такого не могло быть в Ляо¹²⁰. Кучлук, как сообщает ан-Насави, перед захватом Си Ляо долго колебался из-за "высокого положения гурхана, страха, который он внушал, его великой славы и его славной власти"¹²¹.

3. Столица государства

Пожалуй, одним из самых запутанных в истории западнокиданьского государства является вопрос о его столице. Сведения о ней чрезвычайно малы и отрывочны, по ним очень трудно составить представление о многих проблемах, связанных с этим городом (локализация, время существования, устройство, облик и т.д.). Однако, как указывают письменные источники, судьба западнокиданьской столицы неразрывно связана с судьбой другого крупного политического центра — столицы Караханидов Баласагуна. И хотя "никакой другой город Средней Азии не вызывал столько разногласий в научной литературе о локализации на местности как ... Баласагун"¹²², все же можно, сопоставляя сведения мусульманских и китайских источников, прийти в какой-то мере к решению вопроса о местоположении столицы западных киданей. Необходимость этого очевидна, ибо до сих пор арабские и китайские источники анализируются, как правило, раздельно. Историки Средней Азии и синологи не всегда достаточно подробно знакомы с результатами работы друг друга, отчего и возникают подчас подобные вопросы: "... почему кидане (караки-тай) так называли свой город? Или, может быть, это местное, народное название, существовавшее еще до киданей?"¹²³.

В "Ляо ши", основном китайском источнике по истории западных киданей, содержится сообщение о том, что после битвы в Катванской степи Елюй Даши повел свою армию назад на восток и через двадцать дней достиг плодородной земли, где основал столицу и назвал ее Ху-сы-во-эр-до. Этот отрывок, несмотря на всю его кажущуюся простоту, вызывает ряд недоуменных вопросов. Здесь почему-то не упоминается пребывание киданей в районе Баласагуна, говорится лишь, что "Даши со своей армией отдохнул в Сюнь-сы-гане (Самарканде) девяносто дней", а затем "продвинулся на запад до Кирмана". Ван Говэй в своей статье "О столице Западного Ляо Куз-ордо", считает, что путь в 20 дней мог привести Елюй Даши

из Кирмана лишь обратно в Самарканд, а не в Баласагун, расположенный гораздо дальше, тем более, что и описание этого "прекрасного места", по его мнению, очень напоминает описание Самарканда у Чан Чуня. Однако, судя по "Цзинь ши", столица при Елюй Даши и его вдове была типичным лясским "войлочным городом"¹²⁴. Да и в самой "Ляо ши" различие между Самаркандом и основанной киданями столицей явное. Так что в лучшем случае можно, как Ван Говэй, допустить, что кидани не сделали своей столицей сам Самарканд, а расположились вокруг него лагерем. Но почему тогда все упоминания остальных китайских, мусульманских и западноевропейских источников о столице западных киданей явно относятся к Чуйской долине, району Баласагуна, а вовсе не к Самарканду? Ван Говэй, стремясь преодолеть это противоречие, предполагает, что все-таки столица находилась в 40 ли к востоку от бывшего Суяба, там, где в танское время был г.Пэйлоцзянцзюньчэн (Баласагун) и называлась Куз-ордо (или по имени первого гурхана Елюй Даши, Ши, Даши, Даши-линья), а Самарканд был столицей лишь сначала. Это звучит неубедительно. В "Ляо ши" и других китайских и мусульманских источниках говорится, что свою столицу кидани основали сразу после возникновения западного государства. В районе же Самарканда они оставались девятью днями, если учесть при этом и путь до Кирмана и от него до новой столицы и вспомнить, что битва, после которой кидани "отдыхали", состоялась 9 сентября 1141 г., то и получается, что этот "отдых" был ничем иным, как зимовкой, после которой кочевники-кидани, не желая оставаться в окружении земледельческих народов, отправились в Чуйскую долину, зимние пастбища которой были традиционно известны. Ибн ал-Асир, в частности, сообщает, что некие турки, принявшие ислам в сафаре 435 г.х. (сентябрь-октябрь 1043 г.), зимой жили возле Баласагуна, а летом доходили до Ити-ля¹²⁵. Наконец, непонятно, почему киданьская армия потратила почти месяц на то, чтобы добраться от Кирмана до Самарканда, расстояние между которыми по прямой приблизительно 120 км¹²⁶. В таком случае выходит, что кидани в день делали около 6 км! А ведь рассказ "Ляо ши" о путешествии в "прекрасную местность" даже на первый взгляд наводит на мысль о непрерывном целеустремленном марше. И соответственно расстояние до Токмака, около которого, по всей вероятности, и находился Баласагун (приблизительно 800 км), могло быть пройдено за 20 дней. Примерно так же двигались киданьские армии, участвовавшие в период Великого Ляо в кампаниях против Китайской империи и Кореи¹²⁷.

В 121-м цзюане "Цзинь ши", в биографии сановника Нянъгэ Ханьну, содержится рассказ уйгура И-си-ланя и двух его товарищей о столице западных киданей: "Они сообщили, что их родина (уйгурское) варварское племя Цзоу-гуа, название города, в кото-

ром они живут, Гу-си-э-лу-до. По обычаю у них нет оружия (и они) занимаются земледелием. Одну десятую дохода (полученного урожая) уплачивают государству. Старики передают, что в прежние времена, когда пришли кидани, они не смогли оказать им сопротивления и поэтому подчинились им. Если на лошади ехать вокруг лагеря, в котором живут кидане, то с рассвета и до полудня его можно обехать только один раз". Из этого рассказа видно, что столица находилась недалеко от Уйгурии, а столичный город и лагерь киданей явно разные пункты. Цзоу-гуа, очевидно, вариант транскрипции племени чигилей. Здесь же сообщается о судьбе Няньгэ Ханьну, отправленного в качестве посла чжурчженей к западным киданям. Он встретился с гурханом, когда тот "был на охоте"¹²⁸. В данном случае интересно упоминание о том, что именно на охоте гурхан принял посла. Если вспомнить, что и Кучлук захватил последнего гурхана Чжулху тоже на охоте, причем с отрядом в 8 тыс. воинов¹²⁹, то невольно напрашивается мысль о том, что в данном случае мы имеем дело с известной уже нам киданьской системой набо. Достаточно подробные и совершенно уникальные сведения об этой системе содержатся в 32-й главе "Ляо ши": "Государство Ляо, включавшее в себя всю Великую пустыню и охватывавшее земли у Великой стены, строило управление, сообразуясь с наиболее благоприятными условиями местности. Осенью и зимой (император) укрывался от холода, весной и летом спасался от жары. Отыскивая места с хорошей водой и травой, он (одновременно) занимался охотой и рыболовством, делая это из года в год. Для каждого из четырех сезонов года император имел места для временного пребывания, которые назывались набо"¹³⁰. Если кидани действительно перенесли на запад эту систему, тогда понятно, почему в китайских, да и в мусульманских источниках путаются столичный город и лагерь киданей.

Остальные китайские источники бесспорно указывают на Чуйскую долину. Елюй Чуцай, один из последних знатоков языка и культуры кара-киданей, посетил их столицу в 1219 г., после разгрома государства. По его словам, столица находилась к западу от Или¹³¹, в нескольких сотнях ли к востоку от Таласа, и ей подчинены были несколько десятков городов¹³². О Самарканде Елюй Чуцай говорит отдельно.

Дважды столица Западного Ляо упоминается в "Юань ши": в биографии Хэсымайли (цз. 120), который был родом из Гу-цзэ-во-эр-до и в биографии Го Баошуй (цз. 149), где сообщается, что Чингис-хан, покорив киданей, прошел через Гусуй-гуй-го-хуа-и-до. В обоих случаях речь идет о Чуйской долине.

В "Юань чао би ши" находим более точное указание на местоположение столицы. Там говорится, что в конце XII в. Ван-хан кератский бежал к гурхану кара-киданьскому на р. Чу, долина которой

В китайских источниках не объясняется название столицы, и это породило многочисленные и самые разнообразные толкования специалистов. Так, например, И.Маркварт на основании китайской транскрипции пришел к выводу, что это еще одно название Баласагуна и должно переводиться "город гузов"¹³⁴. Его поддержал П.Пельо¹³⁵. Э.В.Бретшнейдер «склонен предполагать, что "ху-си" имеет некоторое сходство с "хосун", означающим "сила" на маньчжурском языке»¹³⁶. Авторы "Высочайше утвержденного объяснения слов в династийных хрониках Ляо, Цзинь и Юань" также указывают, что это "маньчжурское слово, состоящее из слов хусунь - "сила", ордо - "павильон"¹³⁷. К.Видлу переводит это как "укрепленный дворец"¹³⁸. Цян Цинь, а вслед за ним и Ван Говэй производят это название от слова "гурхан" и переводят как "ордо гурхана"¹³⁹. Оба эти автора безусловно правы, выделяя вторую часть названия и связывая ее со словом "ордо". Дело в том, что этот термин знаком народам всей Центральной Азии с древнейших времен. Еще Сыма Цян, рассказывая об истории сюнну, писал: "Между (дунху) и сюнну пролежала брошенная земля, на которой на расстоянии более тысячи ли никто не жил; и те, и другие жили по ее краям, образуя оуто". Комментатор Фу Цян объяснял "оуто" как "земляной дом для наблюдения за ханьцами". Пограничными заставами называл оуто Вэй Чжао, пограничными наблюдательными строениями - Чжан Шоцзе. Дин Цян считает, что это была "бесплодная земля, непригодная для жизни человека"¹⁴⁰.

Аналогичный термин есть и у тюркских народов. Впервые он упоминается в орхонских надписях: "Враждебные нам огузы напали на орду"¹⁴¹. С.Е.Малов считает, что в данном случае слово "орда" означает какое-то становище, лагерь. Это мнение подтверждается текстом "Хань шу": в главе "Повествование о сюнну" термин "оуто" в таком значении встречается несколько раз под 80, 68, 48 гг. до н.э.¹⁴² Еще Де Грот удачно связал два слова и увидел в "оуто" тюркское слово "орду" - "ставка, лагерь, дворец"¹⁴³. Все же путаница со значением этого слова наблюдалась долго. Н.Я.Бичурин переводил "оуто" как "пограничный караул"¹⁴⁴. Японский ученый Сиратори связывал его с османским "ода" (комната, жилище, дом), чагатайским "отак" (шалаш, жилище), монгольским "оток" (стоянка), тунгусским "оток" (палатка), чувашским "одар" (загон для овец)¹⁴⁵. В.А.Панов производил его от древнетюркского "от" (огонь) и считал, что он обозначает вестовые маяки или огневые вышки¹⁴⁶.

Первое подробное описание ордо дается в "Ляо ши": "Тайцзу, вступив на престол, будучи илцизином племени дела, разделил собственное племя на пять дворов и шесть дворов, которые управлялись императорским родом. Поскольку у него не хватало личной охраны, он установил систему волудо, оторвав для себя области и

уезды, прирезав дворы и тягловых, чтобы укрепить центральную власть за счет местной. Завещанный им план продолжили потомки, которые из поколения в поколение создали охрану дворца ... К северу от областей Бин и Ин жестокие ветры и продолжительные морозы. Население переезжает там с места на место в поисках тепла, не зная в течение круглого года спокойной жизни. Там на десятки тысяч ли тянутся пустынные земли, на которых, пользуясь каждым случаем, действуют грабители и разбойники, внутренние и внешние смутьяны. Отсюда создание защищенных лагерей являлось необходимостью и вызывалось обстановкой"¹⁴⁷. Надо полагать, аналогичная обстановка обусловила создание такого лагеря и у западных киданей.

Таким образом, в скудных данных китайских источников все же содержится, на наш взгляд, интересная и достаточно подробная информация, позволяющая сделать следующие выводы. Во-первых, столица западных киданей находилась в Чуйской долине. Во-вторых, система набо, генетически восходящая к периоду Великого Ляо, вводила в заблуждение рядовых информаторов – авторов этих источников.

Более подробные сведения по интересующему нас вопросу можно найти в мусульманских источниках. Все они единодушно считают столицей государства западных киданей г.Баласагун. Поэтому для того, чтобы точно определить местоположение столицы, необходимо прежде всего разобраться в том, где же находился этот город.

Впервые упоминает о нем арабский географ и путешественник Шамс ад-Дин Абу Абдаллах ал-Макдиси (Мукаддаси). Судя по его рассказу, Баласагун или Валасагун – "большой, населенный и богатый город", крупнее по площади и населению, чем другие города¹⁴⁸. Не менее интересно и другое сообщение этого автора: "Урду – маленький город, в нем (живет) царь туркмен, который постоянно посылает подарки владельцу Исфаджаба; он (окружен) стеной и рвом, наполненным водой; дворец в цитадели"¹⁴⁹. Здесь вызывает недоумение слово "туркмен". Однако более ранние географы, например, ал-Истахри, говорят об округе Исфаджаба как о местности, где проходила граница между огузами и карлуками¹⁵⁰. В.В.Бартольд пишет: "Из этого можно заключить, что в состав туркмен Макдиси входили как огузы, так и карлуки". Подтверждают такой вывод слова Махмуда Кашгарского о карлуках: "Они – племя из турок, кочевники, отдельные от огузов; они тоже туркмены". В другом месте он прямо говорит о "карлукских туркменах"¹⁵¹. Джувейни рассказывает, что Елюй Даши, сместивший баласагунского хана из "дома Афрасиаба" (т.е. Караханида), велел его впредь именовать не Илик-ханом, а Илик-туркменом¹⁵². В.В.Бартольд по этому поводу замечает, что в данном случае "речь идет не о замене одного титула другим, но о низведении бывшего хана до уровня человека из народной массы"¹⁵³,

Сведения ал-Макдиси лучше рассматривать в комплексе с рассказом Махмуда Кашгарского, который приводит сразу три названия: Баласагун, Кузулуш и Куз-орду. "Улуш - селение на языке джикилей, а у жителей Баласагуна и того, что около него из страны Аргу - город. Отсюда город Баласагун и назван Куз-Улуш"¹⁵⁴. Есть у него и четвертое название - Кемп-орду, т.е. Малый орду¹⁵⁵. "Орду" означает ставку царя: "Отсюда город Кашгар назван Ордукендом", и в то же время "Урду - город поблизости от Баласагуна", отчего и Баласагун часто называют Куз-орду¹⁵⁶. На карте своего словаря Махмуд помещает Баласагун к югу от г.Тараза. Он окружен со всех сторон горами. Интересно сообщение Махмуда Кашгарского о том, что некий турецкий царь Шу, современник Александра Македонского, построил близ Баласагуна, которого тогда еще не было, крепость и назвал ее своим именем. «Надо думать, - замечает В.В.Бартольд, - что крепость стояла на реке того же имени и что в местном диалекте и тогда, как теперь в киргизском, звук "ч" заменялся звуком "ш"».

В другом месте Махмуд Кашгарский говорит, что между Кочкар-баши (Каджангар-Баш) и Баласагуном находился перевал Занби. В.В.Бартольд замечает: "Надо думать, что имеется в виду дорога между Кочкаром и Чу через перевал Шамси, которому придается большое значение в местных легендах"¹⁵⁷. С ним солидаризируется О.К.Караев: "Слово Занби вполне могло превратиться постепенно в Шамси. В тюркских словах переход буквы "з" в "ш", а "н" в "м" и обратно закономерен. Что касается букв "б" и "с" в данном слове, то в них, по-видимому, переписчик "Словаря" Махмуда Кашгарского просмотрел арабские диакритические точки. Перевал Шамси в былые времена являлся основной вьючной дорогой между долинами Чу и Кочкор. На нем найдены и обследованы три городища, датируемые XI - XII вв."¹⁵⁸ Махмуд Кашгарский мог пользоваться этой дорогой в своем путешествии по Средней Азии, и не случайно он связывал Баласагун с ущельем Шамси. Городище Ак-Бешим и башня Бурана лежит как раз у входа на перевал Шамси, как бы подтверждая отождествление их с Баласагуном"¹⁵⁹. Примечательно сообщение Махмуда Кашгарского о согдийских колонистах в Баласагуне. Согдак - это "народ", поселившийся в Баласагуне; они из того Согда, который между Бухарой и Самаркандом, только они приняли одежду и нравы турок"¹⁶⁰. Это подтверждает наличие в Баласагуне значительного слоя купеческого населения (а согдийцы как раз и славились своей торговой предприимчивостью) и хорошо согласуется с данными других источников о Баласагуне как о богатом торговом городе.

И.И.Умняков и Х.Хасанов считают древнейшим названием Баласагуна Биклиг или Биклилиг, исходя именно из сообщения Махмуда Кашгарского. Небольшое селение с таким названием упоминается в сочинении "Худуд ал-Алам" (X в.) и у Гардизи (середина XI в.).

Оно находилось в области тюркшей. Правителем в нем был брат главы карлуков Бадан-Сангу. Его имя в искаженном виде и получил Баласагун¹⁶¹. Х.Хасанов считает, что "Биклиг" на местном языке (аргу и чигил) означает "Кузулуш" или "Куз-орду" и соответствует монгольскому "Гор-балык"¹⁶².

В.В.Бартольд, ссылаясь на Махмуда Кашгарского, производит название Баласагуна от слов "бала" (дитя) и "сагун" (знатный человек). Последний термин у карлуков означал титул знатных людей¹⁶³. «У Махмуда Кашгарского встречается слово атасагун в значении "врач", очевидно, образованное от слова ата "отец"; оставляем открытым вопрос, может ли быть образовано таким же образом слово баласагун от бала "дитя" и в каком значении»¹⁶⁴. Для О.К.Караева этой аналогии оказывается достаточно: "По-видимому, Баласагун является именем какого-то правителя или знатного человека. Может быть, он основал или его именем назван город Баласагун"¹⁶⁵.

Из мусульманских авторов домонгольского времени нам интересны также Ибн Хордадбех (IX в.) и Кудама ибн Джафар (середина X в.). Первый из них упоминает о "городе тюркешского хакана" в Чуйской долине, а второй о "городе тюркского хакана", расположенном в четырех фарсах (один фарс равен 6,7 км) от селений Невакет и Сарыг¹⁶⁶. В.В.Бартольд, основываясь на утверждении Елюй Чжуня о том, что Баласагун находился на пути из Алмалыка (около Кульджи) в Талас, через Верный, Кастекское ущелье и Токмак¹⁶⁷, соглашается с мнением В.В.Григорьева¹⁶⁸ о том, что это и есть Баласагун¹⁶⁹. О.К.Караев добавляет: "Если это отождествление приемлемо, то, судя по расстоянию от Невакета (ныне с.Орловка) и Сарыга (ныне городище Краснореченское), гг. тюркского хакана и тюркешского хакана соответствуют развалинам Ак-Бешима, расположенного в 7 км юго-западнее г.Токмака"¹⁷⁰. Интересно, что Чан Чунь упоминает лишь об одном "небольшом городе" к югу от Кастекского перевала и к северу от Чу, т.е. примерно там, где находилась когда-то "столица тюркского хакана"¹⁷¹.

Арабский географ и историк XIII в. Йакут приводит очень противоречивое сообщение о местонахождении Баласагуна. С одной стороны, он пишет, что Баласагун лежал "по ту сторону Сейхуна (Сыр-Дарья), недалеко от Кашгара". С другой стороны, вблизи Баласагуна он помещает г.Фараб (Отрар), находящийся далеко от Шаша¹⁷². Оба эти сообщения он заимствовал из "Китаб ал-ансаб" ас-Самани (XII в.). Ас-Самани же о Баласагуне сообщает, что "это - город, пограничный с владениями турков за рекой Сихуном, недалеко от Кашгара", а о Фарабе: "Это - город выше Шаша (не "далеко от Шаша", как у Йакута), недалеко от области Сугур". Даже если принять поправку ас-Самани, все равно трудно не согласиться с В.В.Бартольдом: "Из приведенных противоречивых указаний мы можем

вывести только то заключение, что Баласагун не находился ни к западу от Таласа (иначе его не поместили бы недалеко от Кашгара), ни в Восточном Туркестане (иначе его не привели бы в связь с Фарабом и Исфиджабом)"¹⁷³.

Джувейни приводит предание об основании Баласагуна уйгурским правителем Бука-ханом¹⁷⁴. В.В.Бартольд совершенно справедливо сомневается в том, что эта легенда относится к Баласагуну в Семиречье: «Как видно из сообщения Джувейни, камень, на котором содержится легенда, находится на Орхоне, в Монголии. Возможно, что Джувейни по ошибке спутал слово "балгасун" ("город") с названием города Баласагуна"¹⁷⁵. Это подтверждает и содержащаяся в "Юань-ши" китайская версия легенды о переселении уйгуров с Орхона на запад. В ней Баласагун вообще не упоминается"¹⁷⁶.

Этот город не мог быть основан и токуз-огузами, как можно было бы заключить из слов Макдиси¹⁷⁷ о "местопребывании Богра-хака-на" в 6 днях к востоку от Верхнего Барсхана. Дело в том, что другие арабские географы приводят иные цифры: Кудама - 6 дней, Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих - 3 месяца¹⁷⁸. Все они, возможно, черпали свои сведения из рассказа Темима ибн Бахра ал-Мутавави, который ехал в этот город на почтовых лошадях 20 дней по степи и еще 20 дней по густонаселенной стране. "Все эти известия, - делает вывод В.В.Бартольд, - показывают, что столицу тугуз-гузов следует искать около восточного Тянь-Шаня"¹⁷⁹.

Кроме того, Баласагун издавна считался мусульманским городом. Об этом свидетельствует рассказ Низам ал-Мулька¹⁸⁰ о том, что примерно в 942-943 гг. готовилась война против "неверных тюрок", которые завоевали Баласагун, но вскоре сами приняли ислам. При Караханидах он был столицей, сначала первого завоевателя Богра-хана Харуна бен Мусы (вернее, Абу-Мусы ал-Хасана) Харуна (бен Сулеймана), а после 1025 г. принадлежал правителю Кашгара.

Оставляя в стороне сложную и вполне самостоятельную проблему возникновения Баласагуна, отметим только, что даже киргизское народное предание связывает строительство этого города с династией Караханидов. В нем говорится, что башню Бурану строил Кызыл-Арслан-хан. По мнению Н.Ф.Петровского, "памятники мусульманского времени по большей части связаны с именами Саттук-Богра-хана и Арслан-хана"¹⁸¹. В.В.Бартольд заинтересовался этим преданием: "Что это имя не было занесено сюда случайными выходцами из Кашгара, доказывается крайней популярностью этой личности в степи; киргиз-казаки даже считают Кызыл-Арслана своим национальным героем. По преданию Кызыл-Арслан владел Семиречьем и Кашгарией (подобно Караханидам); при нем кашгарцы возмутились и отпали от ислама; Кызыл-Арслан послал на них своего богатыря Ямшуда, который открыл перевал Шамси, получивший от него свое название; по этой

легенде (рассказанной нам около Бураны) слово Шамси есть искажение имени Ямшуд"¹⁸².

Уже при жизни Джувейни этот Баласагун, по его словам, получил от монголов название Гор-балык¹⁸³. Впервые расшифровывает его Мирхонд и переводит как "хороший город"¹⁸⁴, основываясь на том, что в монгольском языке есть слово "гоа" с таким значением. П.Пельо высказал мнение, что монголы вовсе не называли Баласагун Гор-балыком (Го-балыком) - "хорошим городом". В рукописях, по его мнению, следует читать "Гуз-балык", что соответствует "Гуз-орду" ("Куз-орду"), т.е. названию, которое применяет по отношению к этому городу Махмуд Кашгарский¹⁸⁵. И в самом деле, источники не сообщают о том, что Баласагун был взят без боя, а это соответствовало понятию "хорошего города".

При монголах Баласагун вообще упоминается редко. Рашид ад-Дин упоминает в Чуйской долине два больших селения - Тарсакент и Карбалы. Последнее, вероятно, и есть Баласагун¹⁸⁶. В таком случае, возможно, права В.Д.Горячева, возражавшая П.Пельо на его неприятное чтение "Гор-балык" ("Гобалык") вместо "Гуз-орду" ("Куз-орду"): «Кажется верным и первое чтение, поскольку в древнетюркском языке "гор" и "куз" - синонимы и означают то же понятие - "курук"¹⁸⁷.

Арабский историк и географ Исмаил ибн Али Абу-ль-Фида (XIV в.) дает астрономическое определение положения Баласагуна: $91^{\circ}35'$ или $91^{\circ}50'$ в.д. и $47^{\circ}40'$ с.ш.¹⁸⁸. Но этим координатам трудно верить, они явно ошибочны. Это видно хотя бы из того, что координаты Тараза (ныне г.Джамбул), данные Абу-ль-Фидом, не соответствуют сведениям, приводимым другими средневековыми авторами Якут: долгота Таласа - $100^{\circ}1/2'$, Улугбек - $99^{\circ}50'$, Хаджи Халиф - 101° , Ахмед-эфенди - 102° ¹⁸⁹.

Л.Б.Ерзакович считает, что к сведениям о Баласагунае в сочинениях Джувейни, Абу-ль-Фиды, аль-Омари надо подходить очень осторожно. Лишь Джувейни пишет о нем, как о реально существующем городе, рассказывая о разгроме его кара-киданами и переименовании в Гобалык. В целом же название Баласагуна, по мнению Л.Б.Ерзаковича, заимствовано из более ранних литературных источников, "что отнюдь не означает его существования как города, современного автору источника XIII-XIV вв. По-видимому, он так и не оправился после разгрома кара-китаи в 1210 г. Во всяком случае обследование чуйских городищ монгольского времени показало, что ни одно из них невозможно считать Баласагуном, если предполагать его существование в XIII-XIV вв. Все это небольшие городища, культурные слои которых не соответствуют остаткам крупного городского центра, каким был Баласагун в средневековье"¹⁹⁰.

В "Тарих-и Рашиди" Мухаммеда Хайдера (XVI в.) приводится следующее интересное сообщение: "В стране Чу, в одном месте есть

следы большого города; его минареты, куполы и медресе в некоторых местах сохранились. Так как имени этого города никто не знает, то монголы его называют Монара. Кроме того, там есть купол и каменная плита, на которой почерком "наسخ" вырезана надпись: "Это - могила славнейшего, имама непреложного, совершеннейшего шейха, обнимавшего в себе как созерцательные, так и опытные науки, знания как ветвей, так и основ законоведения, имама Мухаммеда факиха Баласагунского; да не перестанут цвести на его могиле древо общения его с богом, и да будут обращены на него вечно взоры мужей достойных. Скончался он в 711 г. Написал это кузнец Омар хаджа¹⁹¹. Это сообщение подтверждает, что Баласагун еще существовал в первой половине XIV в. Во время походов Тимура он уже не упоминается. По мнению В.В.Бартольда, он погиб, вероятно, во время бесконечных распри и борьбы за престол в XIV в.¹⁹² Сообщение навело Н.Ф.Петровского на мысль, что "Монара" и есть "Бурана"¹⁹³. Правда, он не усматривал в городище Бурана остатков Баласагуна, так как там нет могилы этого имама и преданий о нем, а если бы даже эта могила была найдена, то все равно не могла бы служить доказательством, что это и есть Баласагун, ибо имам мог называться Баласагунским и в чужом городе, где умер и похоронен.

Достаточно убедительно возражает на это В.Д.Горячева: "Проведенные нами раскопки на Буранинском городище, выявившие остатки некогда прекрасных мавзолеев рядом с минаретом, неоднократные находки кайраков с именами шейхов и имамов подтверждают сообщение Мухаммеда Хайдера. Упомянутый же им кайрак с могилы законоведа Мухаммеда мог не сохраниться по той простой причине, что на протяжении многих лет окрестным населением вывозился кирпич и камень на строительные нужды. Преданий об имаме могло и не быть, потому что киргизы-кочевники после XV в. не только не были ревностными мусульманами, но большинство из них вообще не исповедывало ислам. Убедительное тому подтверждение - затерявшееся в памяти людей название минарета, воспринимаемого многие века как сторожевая башня - "бурана".

То же самое можно сказать о нисбе Мухаммеда Факиха. Обычно она представлялась для людей приезжих, однако мы знаем немало исключений из этого правила. В.В.Бартольд в опровержение доводов Н.Ф.Петровского в свое время указал на факт наличия в Термезской гробнице мраморной плиты с представлением нисбы ученого - "термези". У нас в Киргизии, в мавзолее Шах-Фазил, хранятся два кайрака с нисбами шейхов по названию местности - "Испид Булани", в Касане имеется мазар шейха Сейида Ахмеда Касани с намогильным камнем, содержащим имя и нисбу, но установленным лишь в память о нем, но не на могиле"¹⁹⁴.

Справедливости ради надо отметить, что сам Мухаммед Хайдер писал о Баласагуне так: "теперь неизвестно даже место, к которому относится название Баласагун, неясно, где развалины его"¹⁹⁵. Об этом же пишет Махмуд ибн Валя: "этот город в прошлом был одним из лучших городов этого края, но в настоящее время забыто (даже его имя) ..." ¹⁹⁶.

В.В.Бартольд критиковал Н.Ф.Петровского за то, что тот считал, будто Баласагун основан лишь в конце X в., неверно интерпретируя уже приводимый нами рассказ Низам аль-Мулька¹⁹⁷. В.В.Бартольд, высказавший предположение о тождестве Бурана и Баласагуна, писал по этому поводу: "... несостоятельность его нельзя доказать, но сколько-нибудь существенных доказательств в его пользу пока тоже нет. Бурана и ближайшие к ней развалины занимают очень незначительное пространство, гораздо меньше, чем Ак-Пишин; если Баласагун находился в этой местности, то его с большей степенью вероятности можно отождествить с Ак-Пишином, причем Бурана в таком случае могла составлять какое-нибудь загородное предместье"¹⁹⁸. И далее: "несмотря на важное значение этого города, дошедшие до нас известия о его местоположении крайне неопределенны, так что до сих пор об этом высказываются самые противоречивые мнения"¹⁹⁹.

По Нур ад-Дину Лутфаллаху бен Абдаллаху ал-Херези, по прозвищу Хафиз-и-Абру (XV в.), Баласагун находится в шестом климате: "К северу от Мавераннахра простирается шестой климат, (именно) Алмалык и Баласагун; все это - область Тюрков"²⁰¹. По мнению компилятора XVII в. Мунеджим-Баши, Баласагун располагался в начале седьмого климата под 102° в.д. и 48° с.ш., недалеко от Кашгара²⁰¹.

Таким образом, завершая этот анализ сведений мусульманских источников о местонахождении г.Баласагуна, можно отметить следующее. Бесспорно, что Баласагун находился именно в Чуйской долине, Кроме того, большинство источников явно помещают его в районе современных городищ Бурана и Ак-Бешим. Правда, даже подтверждаемые китайскими материалами, эти сведения не дают ответа на вполне закономерно возникающий вопрос: какое же именно из этих городищ соответствует остаткам Баласагуна.

Как уже указывалось, В.В.Бартольд считал остатками Баласагуна городище Бурана. Позже, однако, он изменил свое мнение и прямо отождествлял Баласагун с городищем Ак-Бешим, а Бурану с его загородным предместьем²⁰². Эта точка зрения была поддержана А.Н.Бернштамом. Он писал: "В Баласагуне и его предместьях были храмы, при караханадах - мусульманские, при кара-китаях - буддийские, а позднее и христианские. В одном таком предместье Баласагуна, которое носило название "Кирмирау", и была выстроена в самом начале XI в. мечеть с минаретом, от которых остались вал древнего города Кирмирау и холм с остатками мечети; лишь один

минарет пережил столетия. Этот минарет и носит название "башни Бураны"²⁰³. "Городище древнего Баласагуна, - по мнению А.Н.Бернштама, - содержит в себе чрезвычайно интересный материал по культуре караитаев или киданей. Значительная часть городища названа нами "Киданьским кварталом" по наличию там остатков киданьской или каракитайской культуры. Центром жизни города в эпоху караитаев был, видимо, не старый шахристан, а присоединенная к шахристану территория, обведенная валом. Здесь были раскопаны бугры, скрывающие в себе постройки XII в."²⁰⁴.

Поддержали В.В.Бартольда М.Е.Массон и Л.Р.Кызласов. Правда, Л.Р.Кызласов после раскопок 1953-1954 гг. на Ак-Бешиме пришел к выводу, что город на этом месте существовал между V-X вв. и потому предлагал искать Баласагун в другом месте²⁰⁵. Однако впоследствии П.Н.Кожемяко обнаружил на городище Ак-Бешим керамику XI-XII вв. и монеты Караханидов, на основании чего сделал вывод о том, что Ак-Бешим существовал до XII в.²⁰⁶

Имеется однако, точка зрения, согласно которой Ак-Бешим является остатками другого древнего города - Суяба: "Это предположение подтверждается размерами Ак-Бешима, крупнейшего памятника Чуйской долины, и тем, что жизнь здесь, судя по археологическим материалам, прекращается в X-XI вв., т.е. к моменту, когда со страниц исторических хроник и географических сочинений исчезает название города Суяба.

На городище Ак-Бешим проведены значительные раскопки, они дали интересный материал. Здесь обнаружены буддийские храмы, несторианская церковь, жилые кварталы. Все это косвенно подтверждает сведения письменных источников, судя по которым, в Суябе проживало население из разных стран, исповедующее самые разнообразные религиозные культы - буддизм, несторианство, зороастризм, ислам²⁰⁷.

Большинство зарубежных исследователей также считает, что Баласагун находился в Чуйской долине. Гренар, К.А.Виттфогель, В.Шотт и другие помещают его возле современного Токмака²⁰⁸. Английский историк Хауорс остатками Баласагуна считал развалины Ит-кичу около брода под тем же названием, на правом берегу реки Чу, недалеко от впадения в нее речки Курагаты²⁰⁹. На них в свое время обратил внимание и М.Венюков²¹⁰. Но исследовавшие эти остатки И.Л.Арзамасов и В.В.Бартольд не сочли эти "несколько курганов" за нечто замечательное²¹¹.

В настоящее время на территории городищ Бурана и Ак-Бешим ведутся археологические раскопки, создан республиканский археолого-архитектурный музей-комплекс "Башня Бурана". Собран значительный материал, который позволял специалистам прийти к выводу о том, что остатками Баласагуна является городище Бурана. О.К.Караев пишет: "На наш взгляд, отождествление Баласагуна с городищем Ак-

Бешим, а района башни Бураны — с предместьем этого крупного политического центра соответствует исторической действительности. На более вескими аргументами можно считать следующее: результаты археологических исследований В.Бартольда, А.Бернштама и П.Кожемяко; отождествление Баласагуна китайским источником XIII в. на берегу р.Чу; упоминание Мухаммедом Хайдером о надгробье Мухаммеда Факиха Баласагуни в местности на берегу р.Чу, где находились минареты; кроме того, сообщение Махмуда Кашгарского о перевале Занби Арт между Каджангар-Баш и Баласагуном"²¹².

Однако производившая непосредственно археологические раскопки В.Д.Горячева считает иначе. "Анализируя данные исследователей городища в прошлые годы, а также свидетельства письменных источников о средневековых городах Киргизии, мы можем говорить о миграции города с территории Ак-Бешимского городища на территорию современного городища Бурана, о тождестве Буранинского городища с историческим Баласагуном, Ак-Бешима — с Орду... Материал Буранинских развалин в основном датируется X-XIV вв., однако встречается и более ранняя керамика и монеты тюрко-согдийского круга. Это может свидетельствовать о том, что во время расцвета городской жизни на Ак-Бешиме, на территории Бураны существовали отдельные усадьбы. Затем произошло географическое перемещение города на новое место — вверх по течению р.Бураны. Какое-то время оба поселения сосуществовали, доказательством чему служат незначительные культурные слои XI-XII вв. на Ак-Бешиме и более развитые — на Буране... Баласагун со всеми своими названиями-синонимами и Орду не были одним и тем же городом, но располагались так близко друг от друга, что воспринимались в XI в. как один город. В последующие века Орду как город в письменных источниках больше не упоминается. Баласагун же приобретает новые названия, сохраняя при этом прежнее значение резиденции в форме "Куз-Орду"... Археологические находки, сделанные на территории Бураны, подтверждают сведения письменных источников о богатстве города, где "много добра". Обилие богато орнаментированной посуды, в том числе металлической и стеклянной, многочисленные находки кладов и отдельных монет, причём, несколько золотых кладов XII — начала XIII вв., зарегистрированы в гораздо большем количестве, чем на любом другом памятнике Северной Киргизии, говорят о крупной экономической роли этого города"²¹³.

Подтверждают эту мысль и нумизматические данные. Ни на одном городище Чуйской долины, ни даже во всем Семиречье, нет такого обилия золотых кладов, как на городище Бурана. Причем все они относятся к концу XII — началу XIII вв. Б.Кочнев пишет, что "время сокрытия буранинских кладов показывает, что спрятаны они были, скорее всего, в связи со страшным монгольским нашествием". "Но ведь

подобные богатства должны были стекаться прежде всего в столицу, местопребывание правителей, феодалов, купцов, высших духовных лиц. А столицей киданьского государства в начале XIII в. продолжал оставаться Баласагун²¹⁴.

При Караханидах действовало более 30 монетных дворов. Однако очень долго не было найдено ни одной монеты, чеканенной в самом Баласагуне, хотя очень много находили монет, битых в Орду или Кара-орду. Первым на равенство Кара-орду, Куз-орду и Баласагуна указал О. Прицак. Он считал, что речь идет о монетном дворе, который существовал в Баласагуне или Куз-орду, резиденции караханидских каганов около Баласагуна²¹⁵. Название монетного двора как "Куз-орду" читала также О. И. Смирнова²¹⁶. Подробное обоснование этой точки зрения привел М. Н. Федоров²¹⁷. Сейчас известна и монета, битая в Баласагуне. Это — дирхем 404 г. х. (1013-1014), чеканенный от имени Кутб ад-Даула Ахмада бен Али, обнаруженный в составе клада серебряных караханидских дирхемов, найденного в Джамбуле²¹⁸.

В пользу отождествления с Баласагуном Бураны есть и эпиграфические доказательства. В 1965 г. на этом городище учениками Фрунзенской школы № 46 найден надгробный камень, надпись на котором гласила: "Это могила шейха, имама славнейшего, отшельника Тадж ад-Дина, главы ислама и мусульман, муфтия Востока и Китая, гордости паломников и обоих священных городов (Мекки и Медины), победителя соперников (в религиозных диспутах), сына Ахмада, сына Маусуда Нуруллаха. Скончался он в (году) один и девяносто и пятьсот ...". Учитывая, что этот человек был настоятелем (имамом) крупной мечети (быть может, той, недалеко от которой он и был похоронен), выступал в публичных богословских диспутах, выносил заключения по наиболее сложным и важным юридическим вопросам, наконец, возглавлял большую религиозную общину, включавшую, по крайней мере, мусульман Чуйской долины, а может быть, всего Семиречья и Восточного Туркестана, учитывая все это, трудно представить, чтобы он был притом отшельником-захимом, как его рекомендует надпись. Скорее всего, тем самым просто хотели подчеркнуть его "праведную жизнь", но предаваться отшельничеству он, пожалуй, просто не имел возможности и при том высоком положении, какое занимал, должен был жить в столичном городе. А столицей и при киданях, и раньше, при Караханидах, был, как мы помним, Баласагун²¹⁹. Есть еще два кайрака, пересланных в 1886 г. в Московское археологическое общество Ф. В. Поярковым. Оба они принадлежали могилам шейхов, людей именитых.

Таким образом, анализ китайских и мусульманских источников, подтверждаемый данными археологии, нумизматики и эпиграфики, дает возможность достаточно точно определить местоположение столи-

цы западных киданей. Первый гурхан Елюй Даши для своей центральной столицы выбрал окрестности Баласагуна. Город этот привлек Даши богатыми пастбищами и множествомближежащих рек и речек. Этот "пуп земли", как называли его местные жители, находился как бы посредине между востоком, западом, севером и югом, занимал важное стратегическое положение. Правитель Баласагуна не мог справиться с племенами карлуков и канглов, которые терроризировали население, не давая ему заниматься сельским хозяйством. Он призвал на помощь киданей, которые вскоре захватили власть в городе, сохранив за правителем титул "главы тюрков". В руки Даши попали все его владения, а впоследствии, после смерти "главы тюрков", вполне возможно, и верховная власть над тюрками. Видимо, Баласагун привлекал Елюй Даши не только как административный центр его будущих владений, не только как торговый и экономический узел, но и как политический центр тюркских племен.

Баласагун первоначально не являлся столицей западнокиданьского государства. Доказательством того, что западные кидани располагались не в самом Баласагуне, а возле него, в определенной мере может служить и свидетельство географа ХУП в. Махмуда ибн Вали о том, что Баласагун "до монгольского нашествия был с чисто мусульманским населением"²²⁰. Основные государственные дела решались гурханом в его сезонных лагерях (набо). Таких лагерей у западных киданей было несколько. По свидетельству Ибн ал-Асира эти лагерья - места зимних или летних пастбищ - находились в районе Кашгара, Узгенда, Хотана. Один из таких лагерей, вероятно, существовал в области Барсхан²²¹. Можно предположить, что эта область находилась на юго-восточном побережье озера Иссык-Куль, примерно от устья Тон до Тхпского залива. По сообщению Гардизи, по дороге туда встречаются только шатры джикилей. Краткое описание города Барсхан дает ал-Макдиси: "Барсхан - город на расстоянии двух человеческих голосов на восток (от Тараза, т.е. современного Джамбула. - Г.П.), вокруг него стена разрушилась, а соборная мечеть находится среди рынков"²²². По сообщению Тамима ибн Бахра ал-Мутави (IX в.), Барсхан поставлял для войска 20 тыс. коней местного происхождения. Действительно, на этой территории сохранилось много следов обитания скотоводческого населения, особенно каменных изваяний²²³. По сообщению Низами Арузи Самарканди, после победы в Катванской степи Елюй Даши некоторое время провел там²²⁴. Один из сезонных лагерей, впоследствии постоянный, располагался вблизи Баласагуна и на него перешло одно из нескольких названий самого города - Куз-орду. Поэтому и появляется в китайских исторических и географических сочинениях его транскрипция: Гу-цзе-во-эр-до. Это ввело в заблуждение многих исследователей. Отсюда - расшифровка названия города на основе монгольского слова "хосунь".

как "сильный город" (К.Видлу, Е.В.Бретшнейдер и др.). С другой стороны, многие исследователи, опиравшиеся лишь на мусульманские источники, переводили это название как "город гузов" (П.Пельо, Лю Маоцай и др.).

Город Баласагун, как это видно из мусульманских источников, находился в Чуйской долине. Многие исследователи отождествляли его остатки с городищем Ак-Бешим возле Токмака. А.Н.Бернштам связывал с Ак-Бешимом даже упоминание г.Баласагына в киргизском эпосе "Манас"²²⁵. Большинство же ученых в последнее время ищет его на городище Бурана, расположенном рядом с Ак-Бешимом. Именно остатки этой "башни", построенной, вероятно, в 70-80-х гг. X в.²²⁶, являются "домом" ("хото" у Бекрана²²⁷) западных киданей. Город этот (а вернее комплекс городов, ибо даже Макдиси упоминает город Орду рядом с Баласагуном, ставя между ними лишь Невакет²²⁸) был одним из богатейших в средневековой Средней Азии. Немудрено, что вскоре Елюй Даши пристроил к юго-восточному углу шахристана старого города свой "квартал". При последующих правителях столицей империи стал непосредственно Баласагун. Кучлук, подняв мятеж против гурхана, пытался захватить этот город как столицу государства. В XII - начале XIII вв. этот город являлся центром экономической, политической и культурной жизни региона. Джемаль ад-Дин Карши, автор интереснейшего источника "Мулхакат ас-сурах", отец которого был хафизом (т.е. знатоком Корана) в Баласагуне, упоминает многих ученых из этого города²²⁹. Внутренние неурядицы в государстве кара-киданей и монгольское нашествие подорвали могущество города. Он еще некоторое время существует в XIII-XIV вв. и гибнет в период борьбы за власть в XIV в.²³⁰ Махмуду ибн Вали "некий путешественник кашгарец рассказывал о местности в Моголистане, где из-под песка на четыре-пять зира²³¹ выступали крыши высоких зданий: минаретов, дворцов, арок, медресе, и приметы их были видны с расстояния четырех фарсангов²³²... из-под песка иногда можно увидеть комнаты со всей домашней утварью: котлами, глиняными чашками, сосудами и вазами, а паласы и (прочие) пожитки исчезли. В некоторых же комнатах покоятся и люди"²³³. Лагерь же кара-киданей исчез, ибо основные их силы были сведены монголами в отдельный корпус и отправлены в поход на запад под командованием одного из полководцев-киданей Хасымайли.

4. Организация военного дела

Изучение государственного образования, созданного кочевниками, немислимо без анализа организации военного дела. Армия была главным орудием в создании государства, она же являлась основным

условием сохранения независимости в обстановке постоянной угрозы завоевания соседями.

Кара-кидани в период существования своей империи вели много войн. Они пришли на территорию, где проживало население со своим издавна сложившимся экономическим укладом и прочными культурными традициями. Держать его в повиновении можно было только при помощи силы. К тому же Западное Ляо граничило с такими воинственными соседями, как Сельджукиды и Газневиды. Все это и предопределило то, что армия вновь стала, как и в период империи Ляо, "оплотом государства". Верные закону киданьских императоров: "если воинов много, то и государство непоколебимо"²³⁴, — кара-киданьские гурханы всемерно заботились об усилении своей военной мощи.

Первый гурхан Елюй Даши, "ловкий всадник и искусный стрелок из лука", надо полагать, был крупным военным теоретиком и выдающимся полководцем²³⁵. Крайне скудные сведения о его военных взглядах все же позволяют предположить, что он был хорошо знаком с военными трактатами Сунь-цзы, У-цзы, Ли Гоу. Придавая огромное значение армии как особо важному институту общества, он считал, что о войне не надо забывать и в мирное время. Он говорил с упреком императору Тянь-цзо: "Поскольку в прошлом, имея нетронутую армию, вы не думали о войне, цзиньцы захватили все наше государство и принадлежащие ему китайские земли"²³⁶. Успех зависит также, по его мнению, и от того, существует ли порядок в собственной стране. Для этого нужен способный, деятельный правитель, заботящийся о нуждах государства. Перед отправкой экспедиций II34г. на восток, Даши выступил перед войсками с речью, в которой, в частности, сказал: "Наша великая династия Ляо возникла при тяжелых обстоятельствах и была создана, надо отдать должное, благодаря заслугам (великой работе) моих предков. Но их преемники предавались развлечениям и распушенности и пренебрегали правлением своего народа; тогда вспыхнули беспорядки и наша империя была разрушена"²³⁷.

Согласно представлениям многих кочевников, в степи мог быть лишь один каган: "Хакан — главный царь тюрков. Хакан — это хан ханов, т.е. предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шахин-шах"²³⁸. Поэтому провозглашение Елюй Даши гурханом означало не только его претензии на киданьский трон, но и демонстрировало стремление установить господство в Центральной Азии. Это повлекло за собой политические и военные столкновения с чжурчженями, некоторыми монгольскими племенами, мусульманскими владетелями. Неизменность этого титула на всем протяжении существования западокиданьского государства говорит об отсутствии крупных военных неудач и зависимости от других государств.

Вероятно, с принятием Елюй Даши гурханского титула и надо связывать начало создания военно-административной системы управления западнокиданьском государстве, оформившейся окончательно в ходе многочисленных походов и битв.

Существенным фактором достижения победы считал Елюй Даши договор между государем и полководцами, для чего, по его мнению, нужно очень осмотрительно назначать последних. О том, какие качества должны быть у полководца, видно из наставлений гурхана своему полководцу Сяо Валила: "...заботься о награждении заслуги, и наказании тех, кто не выполняет свои обязанности. Старайся делить добросовестно со своим войском счастье и несчастье, выбирай места, богатые травой и водой, чтобы расположиться лагерем; перед тем, как дать битву, позаботься должным образом оценить врага. Будь всегда осторожен, не навлекай на себя поражение"²³⁹. Даши издал закон, по которому никто из родственников правителя и других высокопоставленных лиц "не получал уделов" и грамоты на право взимания доходов с населения. Вместо этого вводилась подворная подать, которая шла в пользу правительства. Этот закон, удививший мусульманских историков, фактически ликвидировал институт икта, а вместе с ним и экономическую базу сепаратизма. Изготовление оружия и строительство укреплений находились под непосредственным наблюдением государственных чиновников.

Хотя отсутствует подробное описание организационной структуры армии, все же можно отметить ее наибольшее сходство с лясской. Каждый мужчина старше 18 лет, способный носить оружие, был военным. Своих воинов кара-киданьские полководцы организовывали в соответствии с традиционной киданьской десятичной системой. Это видно из различных упоминаний численности киданьских армий в китайских и мусульманских источниках²⁴⁰. Из десяти воинов составлялся десяток, из десяти десятков — сотня, из десяти сотен — тысяча, из десяти тысяч — тумен. Командиры туменов могли самостоятельно возглавлять войско, если гурхан не принимал участия в походе²⁴¹.

"Ляо ши" приводит несколько титулов кара-киданьских командиров, буквально скопированных с лясских. Перед восточной экспедицией 1134 г. полководцу Сяо Валила был присвоен титул Тянь ся бин-ма да янь шуай (Главного командующего войсками империи), а Сяо Салаабу — фуяньшуай (вице-командующего). Эти титулы в лясской империи обозначали высших офицеров, которые подчинялись только высшим военным сановникам императорской семьи. Упоминаются в "Ляо ши" цзянь (главный наблюдатель) и бушу (главный контролер), которые также существовали в киданьской армии. Цзянь был рангом ниже двух главных командиров участвовавшей в походе армии. Бушу возглавлял ду-я-сы (управление общей охраны). Это была военная

инспекция²⁴². Во время битвы в Катванской степи армия кара-киданий была разделена на три части: центр, правое и левое крылья. Их военачальники могут быть приравнены к командующим правого и левого крыльев центральных армий Ляо.

Было одно весьма существенное различие между вооруженными силами западнокиданьского государства и империи Ляо. Если в последней армия делилась на три основные части (за исключением формирований особого назначения) — ордо-императорская гвардия "живота и сердца", вспомогательные войска и племенные соединения, то особенностью кара-киданьской "орды" было сочетание в одной крупной военно-административной единице воинских отрядов, административных и родоплеменных подразделений. Армия кара-киданий формировалась за счет вышедших из окружения разрозненных отрядов киданьских армий, киданей, находившихся на службе у Караханидов, "лишившихся имени, голодных, истомленных, бедных и всякого сорта людей"²⁴³.

Императоры Ляо помимо кавалерийских частей организовывали большую пехотную армию из оседлого населения страны. Кара-кидани на территории своего непосредственного обитания имели относительно небольшое количество оседлых подданных, поэтому их пехотные части были весьма малочисленны. То же можно сказать и о специалистах осадного дела. А самое главное, кара-кидани, вероятно, не имели развитых "комплексных" армий типа ляоских, угрожавших безопасности китайской империи. Тем не менее можно утверждать, что ведение войн кара-киданами, как и в период Ляо, было почти невозможно без освоения осадной, в частности, камнеметной техники. Ко времени создания государства Си Ляо кидани уже были знакомы с китайской метательной артиллерией. После ознакомления с трофейными орудиями в киданьских армиях были созданы специальные технические отряды, состоявшие главным образом из артиллерийских мастеров-китайцев и имевшие на вооружении технику китайского образца²⁴⁴. Знаком был с ними и Елюй Даши²⁴⁵.

В начале XIII в. при разгроме Баласагуна кара-кидани, отступавшие под натиском хорезмшаха Мухаммеда, использовали слонов, доставшихся им в качестве добычи от султанского войска²⁴⁶. Джувейни сообщает, что кара-кидани очень ценили слонов и требовали их от своих побежденных противников²⁴⁷.

Основой кара-киданьской армии являлось кавалерийское войско, созданное выдающимся полководцем Елюй Даши, который на практике подтвердил преемственность принципов киданьского военного дела. Не случайно реформы, проведенные Елюй Даши, были направлены на увеличение контингента легковооруженной конницы, прежде всего лучников. В Центральной Азии никогда не было тяжелой пехоты, по своим боевым качествам приближавшейся к греческой или римской,

не возникало необходимости побеждать противника в ожесточенной рукопашной схватке.

В источниках несколько раз говорится о численности кара-киданьских армий. В II26 г. у них, по данным агента сунского правительства, было 100 тыс. воинов. Экспедиционные силы II34 г. насчитывали 70 тыс. человек. Три куша в II75 г. сообщили о том, что зять гурхана повел 50-тысячную армию на подавление взбунтовавшихся племен на севере страны. Все остальные цифры, содержащиеся в китайских и мусульманских источниках, намного меньше: в II29 г. и II58 г. — 10 тыс. воинов, в I210 г. — 30 тыс.²⁴⁸ В самой крупной битве в Катванской степи Елюй Даши командовал армией, два крыла которой, по "Ляо ши", насчитывали по 2,5 тыс. воинов каждое. Это значит, что основная центральная армия в соответствии с принципами киданьской стратегии не могла быть более 10 или 20 тыс. воинов. Ал-Хусайни сообщает о 700 тыс. киданей. Эта цифра невероятна. При самом плотном расположении воинов между собой по тогдашней системе передвижения колонна растянулась бы на сотни километров.

И все же общая численность войск кара-киданей была значительной. Как уже указывалось, по переписи II51 г. в государстве насчитывалось 84 500 хозяйств. По традиции каждое киданьское хозяйство должно было выставлять двух воинов. Следовательно, в то время в стране должно было быть 169 тыс. воинов. Но перепись могла включать Баласагун и другие районы, жители которых, хотя платили налоги и обязаны были нести трудовую службу, "обычно не имели оружия", т.е. воины Си Ляо могли рекрутироваться только из части этих 84 500 хозяйств, из "внутренних" племен. Но даже в таком случае армии в 10, 30 и даже 50 тыс. воинов вполне могли существовать. Это подтверждается еще одним подсчетом. Когда Елюй Даши пришел в Восточный Туркестан, с ним прибыло 40 тыс. семей различных племен. После присоединения киданьских отрядов, состоявших на службе у караханидских правителей, численность хозяйств выросла по меньшей мере до 60 тыс., а воинов — до 120 тыс. Кстати, цифра 100—120 тыс. традиционна для армий кочевников. Кыргыз в IX в. имели армии в 30, 70, 80, 100 тыс., а судя по надписи уйгурского кагана Бас-И, даже 200 и 400 тыс. человек²⁴⁹.

Вероятно, еще Елюй Даши разработал план дислокации кара-киданьского войска, применяя опыт народов, издревле населявших северные окраины китайской империи. Большая часть армии размещалась в хорошо укрепленных лагерях в столице и вокруг нее, а остальные войска располагались в стратегически важных местах внутри страны и по границам. Эти кавалерийские отряды постоянно перебрасывались из одного места в другое, чтобы у них не возникло общих интересов с местными жителями²⁵⁰. В опорный пункт внутри страны были превращены город Баласагун и его окрестности. Их ок-

раняла самая большая армия. Купцы в II75 г. сообщили, что "лагерь, в котором кидани живут, так огромен, что нужно полдня, чтобы обойти его вокруг"²⁵¹. Остальные армии находились около наиболее уязвимых или крупных и важных со стратегической точки зрения пунктов. Ибн ал-Асир сообщает: "Они жили в шатрах... в окрестностях Узкенда, Баласагуна, Кашгара и тех краев"²⁵². Это были, видимо, гарнизоны, подчиненные наместнику того или иного города.

Обследование целого ряда средневековых городов, существовавших на территории Киргизии в период господства кара-киданей, дало возможность установить, что они укреплялись очень мощными стенами, башнями. Столичный шахристан был обнесен стеной, валы имели рабад²⁵³. Но здесь мы видим уже новые черты в облике города. Длинные стены окружают пригородные земли, отведенные под пастбища, прежде всего, сельскохозяйственные участки. Это не было нововведением киданей. Подобные оборонительные сооружения стали возводиться гораздо раньше. Связано это было с необходимостью защиты своих земель от алчных соседей, а в конечном итоге с далеко зашедшим формированием феодальных отношений на территории, завоеванной кара-киданами. В рвах этих городов-крепостей действительно зияла "могила родового строя"²⁵⁴. Однако кара-кидани тоже уделяли немалое внимание строительству оборонительных сооружений. Еще в период империи Ляо кидани возводили равнинные сооружения и свой опыт принесли и на территорию Средней Азии. Они заботились прежде всего о сохранении уже существующих крепостей. "В 536 году (II4I-42) Алп-Тегин сделался наместником Гурхана в Бухаре и в том же году приказал исправить крепость и сам избрал ее своим местопребыванием. Крепость после исправления стала еще лучше, чем прежде"²⁵⁵. Гузы в II44 г. снова разрушили крепость. Кара-кидани в течение 20 лет не заботились о восстановлении цитадели, вполне справедливо опасаясь, что за ее стенами могут засесть враги режима. Только в II64 г., в соответствии с общей тенденцией в строительстве городов, крепость была разрушена еще больше, а стеной обнесена вся Бухара. Хорезмшах Мухаммед в I207 г. снова восстановил крепость и только Чингис-хан, обозленный двенадцатидневным сражением с защитниками Бухары, окончательно ее разрушил. Махмуд ибн Вали писал о Баласагуне: "В некоторых летописях сообщается, что ширина его крепостной стены была в два с половиной (гяза)"²⁵⁶. Строили кара-кидани и новые крепости, как, например, Имиль (Омыл) упоминаемый Джувейни и западноевропейскими путешественниками П.Карпини, Г.Рубруком и М.Поло. Однако до сих пор из нескольких десятков городищ на территории Семиречья не отождествлено даже половины, и это обстоятельство не дает должным образом оценить вклад кара-киданей в строительство городов и крепостей²⁵⁷.

Разумеется, огромное значение в военных успехах кара-киданей играло вооружение воинов. С.А.Плетнева совершенно справедливо отмечает: «Для кочевника или полукочевника-всадника, входившего в феодальное ополчение, оружие и конь служили таким же средством "производства", как и любое другое орудие труда. Войны и грабежи в жизни средневековых кочевников были закономерным явлением»²⁵⁸.

"Самым ценным владением" был конь. Он не только переносил на своей спине всадника, но и кормил его. О том, как высоко ценили кара-кидани коня, убедительно говорит факт захоронения его вместе с умершим воином²⁵⁹. Сохранилось одно изображение кара-киданьского воина вместе со своим конем²⁶⁰. Каждый воин имел при себе три лошади - боевую, вьючную и запасную. Если не хватало лошадей, то в качестве вьючного скота использовали быков или верблюдов. Основным транспортным средством кара-киданьской армии являлись двухколесные крытые повозки, из которых составлялись обозы. Вероятно, использовались и вьюки. По мере необходимости такие повозки могли играть роль укрепленного лагеря, откуда отражалось внезапное нападение противника²⁶¹.

О вооружении всадник должен был подумать сам. Можно предположить, что оно было таким же, как и в лясский период. "Воин по мере своих сил заботился" о четырех луках, 400 стрелах, длинном и коротком копье, булаве, топоре, алебарде, молотке, шиле, ноже, огниве и кремне, веревке для привязывания коня²⁶². Снаряжение для лошади, седло, стремена, уздечки и чепрак воин также обязан был сделать сам. Луки были двух типов: простые и комбинированные. Тетива изготовлялась из кожи, древки стрел - из березы, наконечники - из железа²⁶³. Собственное походное снаряжение человека высокого ранга включало, помимо лошадей, множество верблюдов, рабов, шатер, верхнюю одежду, ковры²⁶⁴.

Ни пищи, ни фуража воинам в походе, как правило, не предоставлялось, поэтому на привал старались останавливаться там, где для лошадей были трава и вода. Кумыс и мясо для себя всадники получали от своих животных: в походах войска сопровождало "множество лошадей и быков". Нехватку мяса восполняли охотой, а то и просто грабежом местного населения, хотя в начале династии это каралось военными законами, изданными Елюй Даши, вводившим самые суровые меры дисциплины²⁶⁵. Организация походов у кара-киданей была примерно такой же, как и в лясский период²⁶⁶. Проводились такие же церемонии жертвоприношения и гадания перед походом. Как и прежде, государь лично проводил смотр войскам, назначал старших и даже младших командиров²⁶⁷. По-прежнему огромную роль играла разведка. Во время сражения с монголами под Самаркандом от войска хорезмшаха Мухаммеда отделился отряд кара-киданей (семь тыс. человек) и отряд Ала ад-Дина, правителя Кундуза. Они сооб-

шили монголам важные сведения, добытые в этой разведке, в частности, известие о покушении на султана²⁶⁸. Полагаясь на разведку, кара-кидани стали еще меньше, чем восточные кидани, обращать внимание на охрану лагеря ("кара-китай, по своему обычаю, по ночам не оставляли своих палаток", т.е. не выставляли караула), за что несколько раз были сурово наказаны²⁶⁹. Все эти случаи произошли в конце династии, когда вообще снижается дисциплина в войсках. Совершая походы, кара-кидани в это время "жгли и грабили все", а при отступлении разбитые войска часто опустошали и собственные владения²⁷⁰.

Бой кара-кидани вели с большим ожесточением. Источники подчеркивают их воинственность и склонность к жестокости. Это можно считать своеобразной тактикой, целью которой было запугать противника, заставить сложить оружие, покориться.

На открытых местах кара-кидани, как правило, добивались победы, ибо здесь сказывалось преимущество их нешаблонного, гибкого и мгновенного реагирования на постоянно меняющуюся в ходе сражения ситуацию. Их тактика боя, выработанная в условиях борьбы с китайской системой безопасности, и при столкновении с военной тактикой народов Западной Азии, благодаря сочетанию с настойчивостью, необыкновенной твердостью в сражениях, выносливостью, пренебрежением к трудностям и невзгодам походной жизни, железной дисциплиной и организованностью, не раз обеспечивала им победу. Однако по-прежнему наибольшую трудность для киданей представлял захват окруженных стенами городов и крепостей. Многомесячная осада была нежелательной для конной в своей основе армии, часто лишенной сколько-нибудь значительных запасов продовольствия. И не раз кидани вынуждены были отступать перед неприступностью городов и крепостей²⁷¹. Чтобы легче было бороться с противником, кара-кидани устраивали беспорядки в его стане и старались привлечь часть жителей на свою сторону, совершали опустошительные набеги. Так, например, Кучлук в течение нескольких лет посылал войска для опустошения владений кашгарского правителя во время жатвы и в конце концов добился его покорности²⁷².

Таким образом, Елюй Дашу оставил своим наследникам не только обширную империю, но и весьма совершенную армию. Составленная из кочевников, которые вели жизнь воинов и могли существовать всюду, где только их скот и лошади находили подножный корм, она имела превосходство над войсками других народов. Этому способствовали и привычка к военным действиям, высокая мобильность, четкая организация и безукоризненная дисциплина. Кара-киданьская армия была одной из сильнейших в Центральной Азии в XII в. Киданьская тактика оправдывала себя в новых боях с новыми противниками. Лишь общее ослабление государства и монолитности кара-киданьских войск

при усилении соседей и восстаниях подвластного населения привели западнокиданьскую армию к разгрому, а государство — к гибели.

Тем не менее боевой опыт кара-киданей получил весьма высокую оценку монгольских полководцев, а остатки их были сведены в один корпус, который двигался в авангарде монгольских войск. Интересно, что и в более поздние времена боевой опыт потомков кара-киданей ценился правителями различных племенных объединений и государственных образований на территории Средней Азии. Так, войско узбеков, строившееся по тому же десятичному принципу, что и киданьское, и также делившееся на крылья и центр, ополчение племен хатай, найман, тангут ставило в центр. Шли хатай часто и в "каравуле", т.е. представляли сторожевой отряд, идущий впереди авангарда²⁷³.

5. Религиозные воззрения

По отношению к западным киданям вполне применимо высказывание А.П.Окладникова: "Перед нами встает очень яркая картина быта двух слоев населения. Масса занималась земледелием, скотоводством и домашней промышленностью (ткачество и обработка продуктов скотоводства). Верхи же этого общества явно состояли из богатых скотоводов, чьей гордостью являлись любимые кони, а занятием — охота, перемежающаяся с играми, как у витязей, сподвижников Чингиса"²⁷⁴. Западные кидани стояли на высоком уровне социально-экономического развития, которому соответствовала их духовная культура. Письменные источники говорят о наличии разных религиозных систем на территории их обитания. Как сообщает Ауфи, кара-кидани частью поклонялись солнцу, частью были христианами; вообще среди них встречались все религии кроме еврейской²⁷⁵. Кидани покровительствовали всем религиям и в этом плане, считает Джузджани, они поступали справедливо²⁷⁶.

Большого распространения достигло в их государстве христианство. Патриарх Илья III (II76-II90) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре — одной из столиц кара-киданей²⁷⁷. Он назван в каталоге Амра митрополитом "Кашгара и Невакета", т.е. и Семиречья²⁷⁸. В II42 г. состоялось примирение несториан и яковитов (монофизитов) на территории государства западных киданей. Опперт и Царнке, считая, что имя сына Елюй Даши (Или-Илья) связано с христианством, и приводя в качестве примера также письмо правителю Бухары от Елюй Даши, начинавшееся с формулы (по их мнению, не мусульманской, а христианской): "Во имя Бога милостивого и милосердного"²⁷⁹, приходят к выводу, что Елюй Даши был христианином, и отождествляют его с пресвитером Иоанном. Это не находит под-

тверждения в источниках. Ибн ал-Асир называл Курхана ас-Сини, предводителя кара-киданей, манихеем, а Рашид ад-Дин — буддистом²⁸⁰.

По словам В.В.Бартольда, "успехи христианства могли быть одной из причин, способствовавших религиозному возбуждению мусульман и, вместе с упомянутыми политическими условиями, вызвавших одно из самых обширных мусульманских движений в истории Средней Азии"²⁸¹. Распространение христианства в Чуйской долине, по мнению П.К.Кокоецова, шло с востока на запад, о чем свидетельствует влияние на чуйских христиан со стороны христиан турфанских²⁸². Прибывший в конце XIII в. из Пекина в Рим несторианский священник уйгур Саума рассказывает римским кардиналам: "Узнайте, отцы, что многие наши отцы шли в земли монголов, тюрков и китайцев и проповедовали"²⁸³. С другой стороны, христиане долины Чу еще и в начале XIII в. пользовались не уйгурским, а сирийским алфавитом²⁸⁴.

С образованием государства феодальной верхушки западных киданей поддерживался и распространялся, судя по мусульманским источникам, буддизм, который впоследствии Кучлук противопоставил остальным религиям. Ауфи²⁸⁵, приводя рассказ Шекиба бен Ибрахима Балхи, жившего в конце VIII — начале IX в., о встрече в Туркестане с буддийским жрецом, носившим красную одежду, сообщает, что кара-киданы звали таких жрецов тойнами. Слово это в XII—XIII вв. имело очень широкое распространение²⁸⁶. Территория западнокиданьского государства была ареной ожесточенного столкновения буддизма с исламом. Еще в словаре Махмуда Кашгарского содержится стихотворный цикл, объединенный темой "битва с уйгурами", в котором нашло отражение неприятие мусульманами-караханидами буддийской религии и культуры Уйгурского государства:

Укрепив на конях бунчуки,
на уйгуров и татов,
на воров (и) скверных собак
мы полетели как птицы²⁸⁷.

Это отмечает и Г.Рубрук: "...сарацины настолько избегают их (уйгуров. — Г.П.), что даже не желают о них и говорить. Отсюда, когда я спрашивал у сарацинов об обрядах Угуров, они оскорблялись"²⁸⁸. В мусульманских памятниках практически нет упоминания о литературе буддийского содержания. По словам А.А.Семенова, "враждебные отношения уйгуров к мусульманам были давние и достигли своего апогея еще при Чингиз-хане"²⁸⁹.

Известную роль играла и религиозная политика кара-киданей. Джузджани сообщает, что первые гурханы "обращались с мусульманами с великим почтением, высказывая уважение к духовным лицам и не считали тиранию и насилие дозволенными по отношению к любому созданию". Он же пишет: "кое-кто говорит, что (первый) гурхан

секретно стал мусульманином", но осторожно добавляет: "бог знает правду в этом деле"²⁹⁰. По сообщению Ибн ал-Асира, сын первого гурхана носил имя Мухаммеда²⁹¹. Однако по Несеви хорезмшах Мухаммед не нашел разницы между язычеством монгольских пришельцев, язычеством гурхана и язычеством Кучлука²⁹². Огромное количество терминов "аль-гази" (борец) и "аш-шахид" (убитый за веру), отмеченных в эпитафиях самаркандских кайраков XII в., хранящихся в музее им. А.Икрамова г.Самарканда, возможно, свидетельствует о том, что они поддерживали оппозиционные суннизму течения в исламе (суфизм, шиизм), которым был нанесен ощутимый удар первыми Караханидами в X в.²⁹³ По сообщению же Махмуда ибн Вали, "народ Баласагуна сунниты и из общества ханифитов. В том городе науки фикх и хадис были распространены больше, чем другие знания", в нем было сорок соборных и двести будничных мечетей, двадцать ханака и десять медрес²⁹⁴. В то же время эпиграфический материал из Киргизии носит ярко выраженную суфийскую окраску. Вероятно, следствием именно такой политики раскола мусульманского лагеря в идеологическом отношении там, где это представлялось возможным (Хорезм, Самарканд), и уравнивания исламских течений с другими религиями в прочих районах, где мусульманская вера отличалась некоторым единством, и было существование разрозненных мусульманских владений. А Кучлук для борьбы с мусульманами принимал и решительные меры. По сообщению Джуейни, в результате его гонений на ислам "крик муэдзина и вероисповедание единства бога правоверных больше не были слышны. Мечеты были закрыты и школы покинуты"²⁹⁵.

Несмотря на восхваляемую мусульманскими авторами веротерпимость кара-киданей и довольно широкое распространение в их среде мировых религий, в отношении большинства из них можно говорить о существовании особой, близкой к монотеизму, веры, которую некоторые специалисты обозначают термином "тенгризм", оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований (тотемизма, шаманизма). Главой и первосвященником этой религии был сам гурхан, как представитель рода Елюй, "породненного с Небом" и "поставленного Небом". Именно он "испрашивал богов" и приносил им жертвы, выполнял функции посредника между миром богов и миром людей и исполнителя "приказов Неба". В источниках отсутствуют какие-либо указания на существование церковной организации, связанной с религией западных киданей, хотя и в китайских, и в мусульманских сочинениях содержатся упоминания о церемониях, обрядовых действиях. После создания западного государства кидани оказались в сфере распространения трех великих религий — буддизма, ислама и христианства. По мере вовлечения кара-киданей в общие для Средней Азии социальные и культурные процессы, вся эта религиозная система стала испытывать влияние этих религий в гораздо большей

степени, нежели во время Ляо (X-XI вв.). Вот те сведения из письменных источников, которые свидетельствуют о традиционных верованиях западных киданей.

Одно из главных мест в их шаманистском пантеоне принадлежало небу. Как и их предки, "они обыкновенно весьма чтут Небо и землю, во всяком деле упоминают о Небе (т.е. призывают Небо в свидетели), услышав гром, весьма пугаются и не смеют идти с войском, говоря, что такова воля Неба"²⁹⁶. Идея неба достигла у них к этому времени высшего совершенства и приобрела ярко выраженную социальную окраску: небо у них выступало как "правитель мира, вечный, правосудный и источник жизни"²⁹⁷. Именно небо послало на землю избранных людей, которые, совершив необыкновенные дела, возвеличили киданьский народ. В этой связи становилось совершенно естественным и логичным получать особые титулы, название и суть которых связывались с небом.

Небо у них обладало еще одной очень важной функцией - карательной. Оно, по мнению кара-киданей, видело все поступки и помыслы человека, который никогда не мог укрыться от небесного правосудия. Елюй Даши после провала восточной экспедиции II34 г. воскликнул: "Небо не благоприятно ко мне!"²⁹⁸. Жертвоприношения небу у киданей были кровавыми: в жертву приносили черного быка и белую лошадь. Это делалось до и после военных походов²⁹⁹.

Западные кидани, кроме неба, обожествляли различные небесные тела и природные явления: солнце, луну, звезды, молнию, гром и т.д. О поклонении кара-киданей солнцу сообщает Ауфи. Е Лунли говорит, что «когда кидане встречаются с вихрем, они закрывают глаза и делают по воздуху сорок девять ударов плетью, говоря при этом семь раз "куньбула"³⁰⁰.

В полном соответствии со своими теогоническими взглядами западные кидани вслед за небом вторым по значению божеством считали землю. Д.Банзаров утверждал, что в Центральной Азии "начали поклоняться богине Этуген с незапамятных времен, вероятно, в одно время, как стали небу приписывать качества божества"³⁰¹. Боготворение земли выражалось в двух формах: в общем ее почитании и в почитании ее частей - гор, рек, озер и т.д. Л.Фейербах указывал, что религия часто порождается чувством зависимости человека не от природы вообще, а в первую очередь от ближайшей местности, от той обстановки, в которой приходится ему жить и действовать³⁰². Кидани с древнейших времен почитали гору Муешань. Супруге Елюй Абаоцзи был присвоен почетный титул "императрицы земли". Е Лунли сообщает: "В десятой луне пять столиц предоставляют сделанные из бумаги одежды, латы, копья, мечи и другое вооружение по десяти тысяч штук каждого вида. Пятнадцатого числа все это временно складывается в кучу. Главе государства во главе ки-

даньских чиновников совершает возлияние вина, обратившись лицом к горе Муешань... Затем все сжигается вместе с написанной киданьскими знаками бумагой для доклада духу горы Муешань"³⁰³. По Е Лунли, гора Муешань почиталась еще и потому, что она была местом захоронения Елюй Абаоцзи. Абаоцзи почитался и западными киданями. Об этом свидетельствует то, что "Ляо ши" несколько раз упоминает о высокой оценке, данной Елюй Даши первому киданьскому императору³⁰⁴.

Среди западных киданей был распространен культ предков. Ко времени основания Си Ляо форма культа, пройдя длинный путь исторического развития, представляла собой продукт контаминаций ряда представлений: о душе умершего, тотемическом прародителе, семейно-родовом покровителе, предке-родоначальнике, предке-выдающемся человеке. Понятие "предок" включало не только семейных, но и родовых, племенных предков. Бытовали культы вождей и выдающихся деятелей. При жертвоприношениях в честь предков кидани говорили им: "В продолжение зимних месяцев кушайте, обратясь к ягу"³⁰⁵. Культ яга стал распространяться еще в эпоху Ляо. Елюй Даши в своих речах постоянно говорит о заслугах своих предков³⁰⁶.

Один из важнейших элементов киданьского шаманизма составлял культ животных. Поскольку скотоводство являлось основой жизни, обожествление отдельных видов домашних животных было вполне закономерным. Получили распространение культ коня и суеверия, связанные с поведением коней. Особенно почитались кони белой масти. Лошадь приносилась в жертву³⁰⁷, она так или иначе участвовала во многих церемониях. У Е Лунли есть любопытное сообщение о том, что "киданы, выступая в поход, не выбирают счастливого дня, а смешивают полынь с конским навозом и жгут полученную смесь на кости ключицы белого барана. Если кость от жары трескается, они выступают в поход, а если не трескается — не выступают"³⁰⁸.

Кидани, независимо от социальной принадлежности, были очень суеверны. В их жизни огромную роль играли предсказания шаманов, результаты гадания на бараньей лопатке, вера в различные приметы и сновидения³⁰⁹.

Важнейшим элементом религии, ее обрядовой стороной является религиозный культ, т.е. всевозможные обряды, жертвоприношения, молитвы. Поскольку характер и формы религиозного культа соответствуют историческим формам религий, естественно предположить, что высокоразвитый политизм у западных киданей обуславливал существование развитой системы обрядов. В действительности так оно и было. Правда, классифицировать их обрядовые действия можно лишь в общих чертах.

На первом месте по значимости и масштабам стояли коллективные жертвоприношения. Они устраивались в рамках родоплеменных и

военно-административных делений и были связаны с хозяйственной деятельностью, военными делами, явлениями природы и т.д. Им явно были присущи черты родовых традиций. "Когда наступала война, то закалывали пегую корову и белую лошадь и приносили их в жертву небу и земле, и духу горы Му-е-шань"³¹⁰.

Обычно предметами жертвоприношения служит то, что важно и ценно для существования человека. В хозяйстве западных киданей большую роль играли лошади и овцы. Человек без коня не считался человеком и делался никому не нужным. Поэтому коня приносили в жертву прежде и чаще всего, ибо он "нужен" был им в потустороннем мире не только для пищи, но и для езды. По "Алтан тобчи", белый конь жертвовался небу, а черный бык - земле³¹¹.

На основании приведенных данных можно прийти к заключению, что в целом характер культовых действий у западных киданей был весьма сложным, имел определенную систему. Вполне понятно, что стройность и твердость такой системы поддерживались силой и авторитетом особых лиц - служителей культа. Роль последних в киданьском обществе должна была быть значительной. Они как посредники между людьми на земле и богами на небе призваны были не только совершать обряды жертвоприношений, устанавливать связь с потусторонним миром, но и следить за правильностью исполнения обрядов другими людьми, объяснять все происходящее в природе и обществе; освящать деятельность тех, в чьих руках находились богатство и власть. Функции жреца исполнял верховный правитель: в начале династии - это Елюй Даши. Последний правитель династии Кучлук тоже "обладал такой властью над дивами и пери, что выдаивал их молоко и приготавливал из него кумыс"³¹².

ж ж ж

Таким образом, анализ свидетельств письменных источников, касающихся социально-экономического устройства государства Западного Ляо, позволяет сделать вывод о том, что оно было одним из крупнейших в Центральной Азии в начале 2-го тысячелетия н.э. Важную роль, но отнюдь не ведущую, в государстве играло скотоводство. Наряду с ним большого развития достигло земледелие, ремесла. Торговые связи государства кара-киданей были обширными. Западное Ляо являлось государством, в котором преобладали феодальные отношения. Это была централизованная империя. Центром кара-киданьских владений был Баласагун. Возле него находилась основная ставка правителя и сосредоточивались основные военные силы. Армия Западного Ляо была одной из сильнейших в Центральной Азии в XII в. Скупые и фрагментарные сведения о культуре западных киданей, в частности о их религиозных воззрениях, позволяют прийти к выводу, что в культурном отношении государство было вполне

самобытным и говорить об определяющем воздействии на него китайской культуры нет никаких оснований. Несмотря на широкое распространение в их среде мировых религий, можно говорить о существовании особой, близкой к монотеизму веры, которую некоторые специалисты обозначают термином "тенгриизм".

Заключение

Государство Западное Ляо сыграло более важную, чем считалось до сих пор, роль в политической истории Центральной Азии в предмонгольский период. Северное Ляо и Западное Ляо способствовали в определенной степени сдерживанию натиска чжурчженей на запад и стабилизации западной границы Золотой империи. Возникновение Западного Ляо содействовало освобождению среднеазиатской территории от сельджукского владычества. Вместе с остальными среднеазиатскими государствами Западное Ляо на время отсрочило походы монголов на запад. Тем не менее само существование западнокиданьского государства, совершавшего постоянные грабительские набеги на своих соседей, ослабило среднеазиатские государства, нанесло удар по их экономической структуре, явилось препятствием на пути их политического объединения.

В Западном Ляо преобладала тенденция развития феодальных отношений. По форме государственного устройства оно было централизованной империей, а по форме правления — военно-деспотической монархией.

Паразитическое существование за счет угнетения местного населения Средней Азии и грабительских войн отрицательно отразилось на внутреннем строе киданей. Эксплуатация покоренного населения оттеснила на второй план непосредственное производство средств существования. Социальные отношения в западнокиданьском государстве формировались под знаком военных целей, диктовавших необходимость централизации и дисциплины. Для этого необходимы были завоевания обширных территорий. Но в этом регионе кидани встретились с сильными соперниками и вынуждены были в конце концов перейти к обороне. И этим в значительной мере объясняется упадок и последующая гибель их государства. История западнокиданьского государства — ярчайший пример того, что вся "история Центральной Азии, — как писал Г.Е.Грумм-Гржимайло, — это непрерывная борьба кочевых племен между собой, сопровождавшаяся быстрым образованием, кратковременным существованием и столь же быстрым падением обширных монархий" ("Западная Монголия и Урянхайский край". Т.3, вып.2. Л., 1930. С. 468).

Обзор свидетельств арабских и китайских авторов о западных киданях явственно демонстрирует необычайную сложность истории и культуры их государства. Разрозненность сведений, часто представляющих косвенные данные, не позволяет без привлечения вещественных источников реконструировать с достаточной полнотой важнейший этап в истории киданей. Только используя в совокупности данные письменных и археологических источников, проверяя их и подтверждая одни другими, можно добиться понимания одного из самых сложных периодов среднеазиатской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

Список сокращений

- ВДИ - Вестник древней истории
ЖМП - Журнал Министерства народного просвещения
ЗВРАО - Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества
ЗИРГО - Записки Императорского Русского географического общества
ИИАН - Известия Императорской Академии наук
ИРГО - Известия Русского географического общества
ИМКУ - История материальной культуры Узбекистана
ЛО ИВ - Ленинградское отделение Института востоковедения
АН СССР - Академии наук СССР
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
МИКК - Материалы по истории киргизов и Киргизии
МИТТ - Материалы по истории туркмен и Туркмении
МКТ - Материальная культура Таджикистана
МСРИЯЛ - Материалы сектора рукописей Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
СИЭ - Советская историческая энциклопедия
СНВ - Страны и народы Востока
ТВОРАО - Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества
ТИИАНК - Труды Института истории Академии наук Казахской ССР
ТЧРДМП - Труды членов Российской духовной миссии в Пекине
ТКАЭЭ - Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
CAJ - Central Asiatic Journal (The Hague - Wiesbaden)
JA - Journal asiatique(Paris)
JRAS - Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britian and Ireland (London)

ж ж ж

цз. - цзюань (глава)

ЛИТЕРАТУРА

Глава I

- I Употребляемый здесь и далее термин "племена" обозначает родо-племенную организацию (в отличие от кровнородственной) вторичного порядка, название которой предложено Т.А.Жданко и принято также другими учеными. - См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. - М., 1973. - С. 142-143.
- 2 Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит. В.С.Таскина. - М., 1979. - С. 15.
- 3 Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, джурджитах и монголо-татарах // ТВОРАО. - СПб., 1859. - Ч. 4. - С. 17.
- 4 Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь (X в. - 1234 г.). - М., 1975. - С. 3.
- 5 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society (907-1125). - Philadelphia, 1946; Idem. - 1949.
- 6 Tatzuro Jamamoto. From T'ang to Sung. A transitional period in East Asian history. Comité international de sciences historiques, XI-e Congrès International des sciences historiques. - Stockholm; Uppsala, 1960. - P. 15.
- 7 Суровцов. Ответ на тему "О владычестве киданей в Средней Азии" // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. - Фонд А.М.Позднеева № 44, оп. I, ед.хр. 278, тетр. 3.
- 8 Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. - Фрунзе, 1941. - С. 99.
- 9 Рудов Л.Н. Кидани // Дальний Восток: Сб. ст. по филологии, истории, философии. - М., 1961. - С. 158.
- 10 Вторая Всесоюзная конференция китаеведов // Пробл. Дальнего Востока. - 1982. - № 2. - С. 189.
- 11 Малавкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. - Новосибирск, 1974. - С. 17.

- 12 Ли Э, автор "Ляо ши ши", написанной в 1743 г. при маньчжурском императоре Гаоцзуне, использовал 357 китайских сочинений сунского и юаньского периодов. Но источников фактически еще больше. По отдельным периодам киданьской истории они распределены крайне неравномерно. Для времени, предшествовавшего созданию империи Ляо, они исчисляются единицами и представлены только краткими статьями, вошедшими в истории различных династий. Здесь о киданях сообщается только между прочим, иногда всего несколько строк. С X в. количество источников увеличивается, содержание их становится более разнообразным и подробным. - См.: Таскин В.С. Китайские источники по истории династии Ляо // Страны Дальнего Востока: (История и экономика). - М., 1972. - С. 62; Флут К.К. История китайской печатной книги Сунской эпохи (X-XIII вв.). - Л., 1959. - С. 214-219.
- 13 Таскин В.С. Китайские источники... - С. 66-69; Е Лун-ли. История... - С. 24-37.
- 14 Таскин В.С. Китайские источники... - С. 68.
- 15 Е Лун-ли. История... - С. 279.
- 16 Там же. - С. 207.
- 17 Таскин В.С. Китайские источники... - С. 69.
- 18 Позднеев Д. К вопросу о пособиях при изучении монголов в период Минской династии. - СПб., 1895. - С. 93.
- 19 Васильев В.П. История и древности... - С. 3.
- 20 Stein R.A. Liao-tche // T'oung Pao. - Leiden, 1940. - N 35. - P. 1-154.
- 21 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - 1949. - P. 610.
- 22 Таскин В.С. Китайские источники... - С. 72; Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op.cit. - P. 500.
- 23 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 503.
- 24 Ibid./-P.499, 501, 503, 504.
- 25 Ibid./-P.610.
- 26 Ibid./-P.611.
- 27 Тюрюмина Л.В. К истории создания маньчжурского перевода "Ляо ши", "Цзинь ши" и "Юань ши" // Материалы конференции "Этногенез народов Северной Азии. - Новосибирск, 1969. - Вып. I. - С. 139.
- 28 Лян Юньдун. Си Ляо ши (История династии Западная Ляо). - Шанхай, 1934. - С. 38 (на кит. яз.).
- 29 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op.cit. - P.620.
- 30 Сюй Мэнсинь. Сань чао бэй мэн хуйбянь (Летописный сборник о сношениях с Севером в период трех царствований). - Б.м., 1879. - Цз. 98. (на кит. яз.); Да Цзинь го чжи (Записки о государстве Великая Цзинь) / Сост. Юйвэнь Маочжао // Госюэ вэньку. - Шанхай, 1937. - № 41. - Цз. 3, За-б. (на кит. яз.).

- 31 Oppert G. Des Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. - Berlin, 1864.
- 32 Barhebraei Chronicon Syriacum / Ed. Budge. - L., 1932.
- 33 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Алмабад, 1969; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972.
- 34 Суровцов. Ответ на тему...
- 35 Е Лун-ли. История...; Малявкин А.Г. Материалы...
- 36 См.: Bretschneider E.V. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. - L., 1888. - Vol.1-2; Howorth H.H. History of the Mongols from the 9th the 19th century. - L., 1876. - Pt.1; Stien R. Liao-tche...; Visselou G. Observations // D'Herbelot: Bibliotheque Orientale. - La Haye, 1776; Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit.
- 37 Gabelentz H. Geschichte der Grossen Liao. Spb., 1879.
- 38 Тюрюмина Л.В., Ларичев В.Е., Лебедева Е.П. Гибель империи Ляо // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск, 1974. - С. 225-260.
- 39 Ли Э. Ляо ши ши (Подборка пропущенного в истории династии Ляо). - Б.м., 1885 (на кит. яз.); Ян Фуцзи. Ляо ши ши бу (Дополнение к "Подборке пропущенного в Ляо ши"). - Б.м., 1887 (на кит. яз.).
- 40 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 77.
- 41 МИКК. - М., 1973. - Вып. I. - С. 66.
- 42 Тюрюмина Л.В. К истории создания маньчжурского перевода... - С. 139-140.
- 43 Малявкин А.Г. Цзинь ши, гл. I // Сборник научных работ пржевальцев. - Харбин, 1942.
- 44 Розов Г. История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с III4 по 1233 г. // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. - Разд. I, оп. I, ед.хр. 3.
- 45 Harlez Ch. de. Histoire de la Empire de Kin, ou Empire d'Or. - Louvain, 1887.
- 46 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 643.
- 47 Васильев В.П. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин // Годичный акт Санкт-Петербургского университета за 1858 год. - Спб., 1859. - С. 97.
- 48 Сун ши (История династии Сун), Бо-на бэнь. - Б.м., б.г. (на кит. яз.).
- 49 Юань ши (История династии Юань), Сыбу бэй яо. - Шанхай, 1935. - Цз. 120, л. 7 (на кит. яз.).
- 50 Vasary I. The origin of the institutions of Basqaqs/Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae.-Budapest, 1978. - Vol. 32, fasc. 2. - P. 204.

- 51 МИКК. - С. 66.
- 52 Абульгази. Родословное древо тюрков / Пер. Г.Саблукова // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. - 1906. - Т. 21, вып. 5-6.
- 53 Бартольд В.В. Соч. - М., 1963. - Т. I. - С. 469.
- 54 Oppert G. Op. cit. - S. 160.
- 55 Бартольд В.В. Соч. - Т. I. - С. 469-470.
- 56 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 654.655.
- 57 Тюркина Л.В. К истории создания...
- 58 Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. - СПб., 1829.
- 59 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ...; Zarncke F. Der Priester Johannes // Abhandlungen der Philologisch-historischen Classe der konigl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. - Leipzig, 1883. - Bd 7, H. 8. - S. 826-1028; Bd 8, H.1. - S. 1-184.
- 60 Би Юань. Сюй цзы чжи тун цзянь (Продолжение "Всепроницающего зеркала, управлению помогающего"). - Шанхай, 1957. - Цз. I-122 (на кит. яз.); Ли Дао. Сюй цзы чжи тун цзянь чанбянь (Материалы, продолжающие "Всепроницающее зеркало, управлению помогающее"). - Ханьчжоу, 1881. - Цз. I-250 (на кит. яз.); Ма Дуанлинь. Вэнь сянь тун као (Систематический свод письменных памятников и суждений). - Шанхай, 1936. - Цз. I-348 (на кит. яз.); Сыма Гуан. Цзы чжи тун цзянь. - Пекин, 1956. - Т. I-10 (на кит. яз.); Сюй Мэнсинь. Указ. соч.
- 61 Bretschneider E.V. Mediaeval researches... - Vol. 1. - P. 30-31.
- 62 Ван Говэй. Столица Западного Ляо Куз-ордо // Гуаньтан цзи-линь. - Пекин, 1959. - Т. 3. - С. 628-634 (на кит. яз.).
- 63 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 88.
- 64 Ibid. - P. 232.
- 65 Wayley A. The travels of an Alchemist. - L., 1931. - P. 88.
- 66 Кафаров П.И. Путешествие даосского монаха Чан-чуня на запад ("Си-ю-цзи" или описание путешествия на Запад) // ТЧРДМП. - СПб., 1866. - Т. 4.
- 67 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ...
- 68 Хайнин Ван Цзинь-ань сянь-шэн и шу (Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзинь-аня из Хайнина). - Б.м., 1940. - Т. 39 (на кит. яз.).
- 69 Wayley A. Op. cit.
- 70 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. P. 660.
- 71 История Киргизии. - Фрунзе, 1956. - Т. I. - С. 142.
- 72 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ...
- 73 Ibid. - P. 18.

- 74 Горячева В.Д. О локализации города Баласагуна // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). - Фрунзе, 1975. - С. 130-141.
- 75 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ...
- 76 Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.). - М., 1978. - С. 38, 41, 51.
- 77 Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием "Юань чао би ши" / Пер. С.А.Козина. - М., Л., 1941. - Т. I. - С. 35; Poucha P. Die Geheime Geschichte der Mongolen. - Praha, 1956. - S. 8.
- 78 Кафаров П.И. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане / Пер. с кит., с примечаниями // ТЧРДМП. - СПб., 1866. - Т. 4. - С. 3-258.
- 79 Юань чао би-ши (Секретная история монголов) / Изд. текста и предисловие Б.И.Панкратова. - М., 1962. - Т. I.
- 80 Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чупая. - М., 1965; Histoire des campagnes de Gengis-Khan. Cheng-wou ts'in-tseug lou / Traduit et annote par P.Pelliot et Hambis.-L.; Leiden, 1951. - Т.1.
- 81 Бира Ш. Монгольская историография... - С. 101.
- 82 Histoire des campagnes de Gengis-Khan ... - P.1.
- 83 Кафаров П.И. Шэн-ву-цин-чжэн-лу. Описание личных походов священновоинственного (Чингисхана) // Восточный сборник. - СПб., 1877. - Т. I; Histoire des campagnes de Gengis-Khan ...
- 84 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - СПб., 1898. - Ч. I. - С. 83, 99.
- 85 Awfi M. Lubabu 'l-Albab /Ed. by Browne E.G. - L; Leide, 1903. - Pt. 2. - P. 385.
- 86 Ar Ra'wandi M. The Rahat-us-Sudur wa Aydt-us-Surur, being a history of the Saljuqis /Ed. by Ikbāl M. with notes, glossary and indices. - Leyden; L., 1921.
- 87 Al-Bondari. Histoire des Seljoucides de l'Iraq. - Leide, 1889.
- 88 Шихаб Ад-Дин Мухаммад ан-Насаби. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. с араб. З.М.Буниятова. - Баку, 1973; МИКК. - С. 77-98.
- 89 Бартольд В.В. Соч. - Т. I. - С. 46-47.
- 90 Там же. - С. 47.
- 91 Ибн аль-Асир. Китаб аль Камиль фи-т-та'-рих. - Каир, 1883; То же. - 1929-1940.
- 92 Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. - СПб., 1897-1903. - Т. I-4; Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишской теософии. - М., 1914-1917. - Т. I-3.

- 93 Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhamaddan Dynasties
of Asia. - L., 1881. - Vol. 1 - 12; Idem. - Calcutta, 1897.
- 94 Бира Ш. Монгольская историография... - С. 134.
- 95 Бартольд В.В. Соч. - М., 1971. - Т. 7. - С. 293.
- 96 Бира Ш. Монгольская историография... - С. 134.
- 97 Петрушевский И.П. Рашидаддин // СИЭ. - Т. 2. - С. 908.
- 98 Бартольд В.В. Соч. - Т. 7. - С. 293.
- 99 Rieu Ch. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British
Museum. L., 1879. - Vol. 1. - P. 162.
- 100 Hamdu'llah Mustawfi-i-Qazwini. The Ta'rikh-i-Guzida or Select
History / Ed. by Browne E.G. - Leyden; L., 1913. - Pt 2.
- 101 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 28. - С. 223.
- 102 Бартольд В.В. Соч. - Т. 1. - С. 107.
- 103 Григорьев В.В. История монголов. От древнейших времен до Та-
мерлана. - Спб., 1834.
- 104 Жирмунский В.М. Народный героический эпос: Сравнительно-
исторические очерки. - М.; Л., 1962. - С. 328.
- 105 Бартольд В.В. Выступление на заседании II марта 1899 года //
ЗВРАО. - Т. 12. - С. У1.
- 106 МИКК. - С. 203-214.
- 107 Nerchakhy M. Description topographique et historique de Bouk-
hara. - P., 1892.
- 108 Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана
хивинского. - М.; Л., 1958; Родословная туркмен / Пер.
А.Г.Туманского. - Асхабад, 1897; Родословное древо турков /
Пер. Г.С.Саблукова // Изв. Общества археологии, истории и эт-
нографии при Казан. ун-те. - 1905-1906. - Т. 21, вып. 5-6;
Бартольд В.В. Соч. - Т. 1. - С. 469.
- 109 D'Herbelot B. Bibliotheque Orientale. - La Haye, 1777. - Т. 1.
- 110 Deguignes J. Histoire Generale des Huns, des Turcs, des Mon-
gols et des autres Tartares Occidentaux. - P., 1756-1758.
Vol. 1-5; Gaubil. Histoire de Gentchiscan et de toute la dy-
nastie des Mongols. - P., 1739; Mailla J. Histoire generale de
la Chine oux annales de cet empire, traduits du Toungh-Kien-
Mou. - P., 1785. - Т. 13, suppl.
- 111 Deguignes Jos. Histoire ... - Т. 3, Pt 2. - P. 253.
- 112 Oppert G. Op. cit. - S. 128.
- 113 Географическое, историческое, хронологическое, политическое
и физическое описание Китайской империи и Татарии Китайския,
снабженное разными чертежами и разными фигурами, сочиненное
Ж.Б.Дюгальдом, а с французского переведенное Игнатием де Те-
ильсом. - Спб., 1774-1777. - Ч. 1-2.
- 114 Бартольд В.В. Соч. - Т. 9. - С. 299.

- II5 Senkowski J. Supplement a l'histoire generale des Huns, des Turcs et des Mongols. - Spb., 1824.
- II6 Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. - Спб., 1774. - С. 9.
- II7 Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги, сочинения Абулгачи-Баялдурхана, а с французского на российский в Академии наук. - Б.м., б.г.
- II8 Mailla J. Histoire generale ... - Vol. 1-13.
- II9 Алексеев В.М. Китайская история в Китае и Европе // Пробл. Дальнего Востока. - 1975. - № I. - С. 156.
- I20 Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях "Надежда" и "Нева". - Спб., 1810. - Ч. 2. - С. 338.
- I21 Скачков П.Е. "Бичуринский период" русской синологии // Пробл. Дальнего Востока. - 1975. - № I. - С. 186.
- I22 Бартольд В.В. Анналы. - Пг., 1923. - С. 261.
- I23 Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. - Спб., 1828. - Т. I, ч. I-2; Он же. Статистическое описание Китайской империи. - Пекин, 1910. - Ч. I-2; Он же. История первых четырех ханов из дома Чингисова. - Спб., 1829.
- I24 Русский библиографический словарь. - Спб., 1897. - Т. 2.
- I25 Березин И.Н. Замечания о слове "куркан" // ИМНП. - Спб., 1839. - Ч. 22, отд. 7; Sacy S. de. Rez. Hammer Jos. Geschichte des Osmanischen Reichs // Journal des savans. - P., 1831, - septembre. - P. 522-536; Idem. Autre lettre au Redocteur du Nouveau Journal Asiatique // Nouveau Journal Asiatique. - P. - 1829, decembre. - T. 4. - P. 473-475; Klaproth M. Sur le titre de Gourkhan // Nouveau Journal Asiatique. - P., 1828. - T. 11. - P. 294-305.
- I26 Риттер К. Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, т.е. Китайской империи, независимой Татарии, Персии и Сибири. - Спб., 1856. - Т. I. - С. 735.
- I27 Howorth H.H. History of the Mongols. - Vol. 1. - P. 1-4.
- I28 Howorth H.H. The Northern Frontagers of China. Pt. 3: The Kara Khitai // JRAS. - 1876. - P. 262-290; Idem. Pt 5: The Khitai or Khitans // JRAS. - 1881. - P. 121-182.
- I29 Цянь Дасинь. Ши цзя чжай ян син лу // Цянь ян тан цзю ань шу. - 1884 (на кит. яз.).
- I30 Marquart Jos. Über das Volkstum der Komannen // W. Bang, J. Marquart. Osttürkische Dialectstudien. - Berlin, 1914. - S. 125, 237, 238.

- I31 Васильев В.П. История и древности... - С. I4.
- I32 Gabelentz C. von der. Geschichte der Grossen Liao. - Spb, 1877.
- I33 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. VI.
- I34 Бартольд В.В. Автобиография // Огонек. - 1927. - № 40.
- I35 От редакционной коллегии по изданию "Сочинений" академика В.В.Бартольда // Бартольд В.В. Соч. - Т. I. - С. 6.
- I36 Якубовский А.Ю. Проблемы социальной истории народов Востока в трудах академика В.В.Бартольда // Вест. ЛГУ, 1947. - № I.- С. 79.
- I37 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. II0.
- I38 Бартольд В.В. Соч. - М., 1964. - Т. 2, ч. 2. - С. 29I.
- I39 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. I07.
- I40 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. - Л., 1926. - Т. 2. - С. 395, 397.
- I41 Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. - Фрунзе, 194I. - С. 96.
- I42 Там же. - С. 99.
- I43 Исторический музей: (Справочник-путеводитель). - Фрунзе, 1960. - С. 36.
- I44 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ. - 1959. - Т. 2. - С. 236.
- I45 Лян Юаньдун. Си Ляо ши...
- I46 Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. - Фрунзе, 1983. - С. 54-66.
- I47 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op.cit.
- I48 Чэнь Шу. Ха ла ци дань шо (О кара-киданах) // Лиши яньцзю (Изучение истории). - 1956. - № 2. - С. 67-78 (на кит. яз.); Ханэ-да Тору. Си Ляо цзянь го шимо цзи ци цзинянь (История основания династии Западная Ляо и ее погодные записи) // Юй Гун. - Бейпин, 1936. - Т. 5, № 7 (на кит. яз.).
- I49 Лян Юаньдун. Си Ляо ши... - С. I.
- I50 Ху Цюань. Елюй Дашу синь чжуань (Новая биография Елюй Дашу) // Далу цзачжи. - Тайбэй, 1958. - Т. I7, № 6 (на кит. яз.).

Глава 2

- I Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.627.
- 2 D'Herbelot B. Bibliotheque Orientale ... P. 28.
- 3 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 210.
- 4 Е Лун-ли. История... - С. 346.

- 5 Главный город области Тайчжоу находился к юго-западу от современного уездного г. Нунтань в провинции Гирин, а главный город области Сянчжоу - к северу от него. - См.: Ляо ши, цз. 37, л. 8а; цз. 38, л. 17а.
- 6 Е Лун-ли. История... - С. 353, 491.
- 7 Чэн Суло. Бэй Сун Лянь Цзинь гун Ляо-ди вайцзяо (Дипломатическая (история) антикиданьского союза Северной Сун с Цзинь) // Шисюэ цзикань (исторический сборник). - 1950. - № 6 (на кит. яз.); Современная китайская литература по общественным наукам: Реф. сб. - М., 1956. - № 6 (на кит. яз.).
- 8 Шэнь Цивэй. Сун Цзинь чжань чжэн ши-люэ (Краткий очерк войны между Сун и Цзинь). - Ухань, 1958. - С. 12 (на кит. яз.).
- 9 Rogers M.C. The Regularisation of Koryo-Chin Relations (1116-1131) // САУ. - 1961. - Vol. 6, N 1. - P. 58-59.
- 10 Е Лун-ли. История... - С. 499-500.
- 11 Там же. - С. 346, 351.
- 12 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... P. 211-1120.
- 13 Тюрюмина Л.В., Ларичев В.Е., Лебедева Е.П. Гибель империи Ляо. - С. 238.
- 14 Современный уездный город Чжосянь в провинции Хэбэй.
- 15 Е Лун-ли. История... - С. 207.
- 16 Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X - первой четверти XII в. - М., 1974. - С. 178.
- 17 Е Лун-ли. История... - С. 207.
- 18 Там же. - С. 209.
- 19 Там же. - С. 210.
- 20 Там же. - С. 211.
- 21 Центром области Сюн была застава к югу от современного уездного города Сюнсянь в провинции Хэбэй.
- 22 Е Лун-ли. История... - С. 212-213.
- 23 Там же. - С. 213.
- 24 Цзинь ши. - Б.м., б.г. - Цз. 134, с. 825; цз. 71, с. 459 (на кит. яз.).
- 25 Chavannes. Voyageurs chinois chez les khitan et les joutchen. // JA. Ser. 9. - 1898. ... - P. 420.
- 26 Е Лун-ли. История... - С. 215, 216.
- 27 Тюрюмина Л.В., Ларичев В.Е., Лебедева Е.П. Гибель империи Ляо... - С. 241.
- 28 Летопись китайской империи, называемая Юй-пхи цзы-чжи тхун-цзянь ган-му / Пер. с кит. И. Бичурина // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. - Фонд 7, фп. I, ед.хр. 10, с. 267.
- 29 Е Лун-ли. История... - С. 419.
- 30 Там же. - С. 320.
- 31 Там же. - С. 511.

- 32 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.629.
- 33 Розов Г. История дома Цзинь... - Л. 76а.
- 34 Цзинь ши. - Цз. 2, с. 22а.
- 35 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 76.
- 36 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 629.
- 37 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 77.
- 38 Mailla J. Histoire generale ... - P. 8.
- 39 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P.220.
- 40 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 629.
- 41 Ibid. - P.630.
- 42 Е Лун-ли. История... - С. 279.
- 43 Там же.
- 44 Цзинь ши. - Цз. 134, с. 825.
- 45 Там же. - Цз. 3, с. 29.
- 46 Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. - Л., 1968. - С. 96-97.
- 47 Е Лун-ли. История... - С. 221-222.
- 48 Местонахождение горы Цзя неясно. - См.: Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 427.
- 49 Эти сановники, вероятно, были фанатично преданы идее борьбы до последней капли крови. Так, например, Сяо Иси - член "Северного" Военного Совета, наместник Верховной столицы - в III6 г. участвовал в подавлении восстания бохайцев, а в следующем году, будучи уже наместником Западной столицы, подавил выступление китайских подданных империи Ляо. С чжурчжэнями он впервые столкнулся, видимо, в III4 г., когда в качестве левого помощника главнокомандующего участвовал в походе 270-тысячной армии киданей на чжурчжэней. Тогда этот поход потерпел неудачу, но с тех пор Иси ненавидел "варваров" и соответственно невзлюбил Даша, который в вопросе о спасении империи стоял на самостоятельной позиции. - См.: Бичурин Н.Я. Черноватая история монгольского народа // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР.- Фонд 7, оп. I, ед.хр. 253, с. 761.
- 50 Тюрюмина Л.В., Ларичев В.Е., Лебедева Е.П. Гибель империи Ляо... - С. 245.
- 51 Цзинь ши. - Цз. 71, с. 460.
- 52 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.623.
- 53 Е Лун-ли. История... - С. 223.
- 54 Там же. - С. 221-222.
- 55 Там же. - С. 279.
- 56 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 74.
- 57 Там же. - С. 142.

- 58 Малиявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии: (Материалы и исследования). - Новосибирск, 1981. - С. 65.
- 59 Ляо ши. - Цз. 29, л. 9а; Тюрюмина Л.В., Ларичев В.Е., Лебедева Е.П. Гибель империи Ляо... - С. 245.
- 60 Ляо ши. - Цз. 30, л. 4б.
- 61 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 159, 212.
- 62 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 631.
- 63 Ibid. - P.427.
- 64 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 212.
- 65 Малиявкин А.Г. Материалы... - С. 154.
- 66 Е Лун-ли. История... - С. 279.
- 67 Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства... - С. 50, 51.
- 68 Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / Пер. с кит. П.С.Попова // ЗИРГО. - Спб., 1895. - Т. 24. - С. 34.
- 69 Лян Каньдун. Си Ляо ши... - С. 19.
- 70 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 557-559.
- 71 Бичурин И. Летопись китайской империи... - С. 271.
- 72 Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология.- 1957. - № 2. - С. 91-101; Малиявкин А.Г. Материалы... - С. 142.
- 73 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 632.
- 74 Лян Каньдун. Си Ляо ши... - С. 38.
- 75 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 620.
- 76 Сюй Мэнсинь. Указ. соч. - Цз. 98, л. 14а; Юйвэнь Маочжао. Цзинь го чжи (Записки о государстве Великая Цзинь) // Госюэ вэнь-ку. - Шанхай, 1937. - № 41. - Цз. 3, л. 3а-б (на кит.яз.).
- 77 Розов Г. История дома Цзинь... - л. 85а-б.
- 78 Малиявкин А.Г. Материалы... - С. 77.
- 79 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 632.
- 80 Малиявкин А.Г. Материалы... - С. 77.
- 81 Кожанов С.Т. Начальный этап войны между империями Сун и Цзинь (1125-1127 гг.) // Дальний Восток и соседние территории в средние века. - Новосибирск, 1980. - С. 45.
- 82 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 633.
- 83 Малиявкин А.Г. Материалы... - С. 77.
- 84 Bretschneider E.V. Notices on the mediaeval geography and history of Central and Western Asia. - L., 1876. - P. 106.
- 85 Малиявкин А.Г. Материалы... - С. 77.
- 86 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.634.
- 87 Малиявкин А.Г. Материалы... - С. 135.
- 88 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 634.
- 89 Малиявкин А.Г. Материалы... - С. 143, 161.
- 90 Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. I. - С. 193.

- 91 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 98.
- 92 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.; Л., 1950. - Т. 2. - С. 69-72.
- 93 Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. I. - С. II8.
- 94 Там же. - С. 77.
- 95 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 213-214.
- 96 Ibid. - P. 214.
- 97 Родословное древо тюрков... - С. 44.
- 98 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 77, 148.
- 99 У Н.Я.Бичурина, не использовавшего данные мусульманских источников, ошибочно значится II3I г. - См.: Бичурин Н.Я. Черновая история монгольского народа // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. - Фонд 7, оп. I, ед.хр. 53, с. 763.
- 100 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.636.
- 101 Е Лун-ли. История... - С. 279.
- 102 Бичурин Н.Я. Черновая история... - С. 763.
- 103 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 214-215.
- 104 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 73; Он же. Уйгурские государства в IX-XII вв. - Новосибирск, 1983. - С. 183.
- 105 D'Ohsson. Histoire ... - 1852. - Vol. 1. - P. 424.
- 106 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 17, 29, 99.
- 107 Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь... - С. II4.
- 108 Бичурин Н.Я. Черновая история... - С. 763.
- 109 Цзинь ши. - Цз. 3, с. 33.
- 110 Караев О. История Караханидского каганата. - Фрунзе, 1983. - С. 164, 262.
- 111 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 8. - С. 568.
- 112 Рудов Л.Н. Кидани // Дальний Восток. - М., 1961. - С. 167.
- 113 МИКК. - С. 58.
- 114 Этот факт подтверждает предположение, что данная миграция племен могла произойти только в XI в., ибо первые сведения о распространении несторианства на Дальнем Востоке относятся как раз к началу XI в. - См.: Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972. - С. 125.
- 115 Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках// Труды сектора востоковедения АН КазССР. - Алма-Ата, 1959. - Т. I. - С. 212.
- 116 Кононов А.Н. Родословная туркмен... - С. 57.
- 117 Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969.
- 118 ПСРЛ. - Т. I. - С. 227, 239, 279; Т. 2. - С. 217.
- 119 Pelliot P. A propos des Comans. - JA, 1920. - Ser 11. - T.15. - P. 135.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... - Л., 1931. - Т. 3, вып. 2. - С. 772.

Путешествие в восточные страны Пяно Карпини и Рубрука. - М., 1957. - С. 115, 229.

Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur /Ed. Tornberg C.J. - Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851. - Vol.11. P.55.

Здесь имеются в виду именно кидани, так как средневековые географы распространяли название "Кыта" на территории, расположенные к востоку от мусульманской Средней Азии (кроме районов обитания уйгуров), но не на Китай. Так, например, ал-Истахри относил сюда "все страны тюрок". - См.: МИКК. - С. 16, 25. МИКК. - С. 65.

Description topographique ... - P. 234.

Ibn-el-Athiri. Chronicon ... - Vol. 11. - P. 55.

Фишер И.Э. Сибирская история... - С. 11.

Aboul Ghazi Behadour Khan. Histoire des Mongols et des Tatars. - Spb., 1874. - Т. 2. - P. 49.

Oppert G. Op. cit. - S. 91, 124.

Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. 104.

Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. 2. - С. 79.

Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 49.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... - Т. 2. - С. 396. Там же. - С. 396, 397.

Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - Т.1. - P. 232.

Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 636.

Родословное древо тюрок... - С. 43.

Ламдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. - М., 1957. - С. 62.

Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. I. - С. 135-137, 150.

Родословное древо тюрок... - С. 43.

Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 502.

D'Ohsson. Histoire des Mongols. - La Haye, 1834. - Т.1. - P.441.

Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam. - Strassburg; Berlin, 1954. - Bd. 31. - S. 42-43.

Deguignes J. Histoire ... - P. 1758. - Т.3. - P. 252.

По наблюдению О.Прицака этот правитель является единственным представителем восточных Караханидов, не имеющим все-таки титула Великого кагана (Арслан-кара-хаган), что, по мнению исследователя, связано, в определенной степени, с вторжением киданей. Однако О.Караев совершенно справедливо возражает ему: этот титул не был у Караханидов обязательным, причем

- единственным, высшим титулом. — См.: Караев О. История Караханидского каганата... — С. 171. Кроме того, О.Прицак основывается лишь на одном источнике — "Маджму ат-таварих" (см.: МИКК. — С. 202), в котором не значится этот титул и у предков Ибрахима, за исключением его отца. Надо также иметь в виду, что в этом источнике, написанном через 400 лет после вторжения киданей, факты переплетены с легендами.
- I46 Бартольд В.В. Соч. — Т. 2, ч. I. — С. 49; Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. — P. 622.
- I47 Риттер К. Землеведение Азии: География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан / Пер. В.В.Григорьева. — Спб., 1869. — Вып. I. — С. 290.
- I48 МИКК. — С. 202, 206.
- I49 Бартольд В.В. Соч. — Т. 2, ч. I. — С. 132-133.
- I50 Бичурин Н.Я. Черновая история... — С. 762.
- I51 Cordier H. Situation de Holin Tartaire. — T'oung-Pao, 1893. — Vol. 1, N 1. — P. 23.
- I52 Бичурин И. Летопись китайской империи... — С. 385-386.
- I53 МСРЯЛ. Инв. № 1706. — С. 26.
- I54 Bretschneider E.V. Notices ... — P. 106.
- I55 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. — P. 638.
- I56 МИКК. — С. 66.
- I57 Бичурин И. Летопись китайской империи... — Т. 13. — С. 272.
- I58 МИКК. — С. 66.
- I59 Там же. — С. 203-204.
- I60 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. — P. 639.
- I61 Ibn-el-Athiri. Chronicon ... Vol. 5. — P. 2.
- I62 Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097-1231. — М., 1986. — С. 12.
- I63 МИКК. — С. 66-67.
- I64 Ал-Хусайни Садр ад-Дин. Ахбар ад-даула ас-салджукии / Пер. с араб. З.М.Бунятова. — М., 1980. — С. 91.
- I65 МИКК. — С. 66-67.
- I66 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... — P. 215.
- I67 МИКК. — С. 67.
- I68 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Спб., 1898. — Т. 2. — С. 133, 144, 177, 186, 389.
- I69 Ал-Хусайни Садр ад-Дин. Ахбар... — С. 92.
- I70 Barhebraei. Chronicon ... — P. 376.
- I71 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... — P. 215.
- I72 Revised translation of the Chahar Maqala ("Four Discourses") of Nizami Arudi of Samarqand. — L., 1921. — P. 132.

- I73 Zarncke F. Der Priester Johannes. - Leipzig, 1883. - S. 850-860.
- I74 Al-Bondari. Histoire des Seljoucides de l'Iraq. - Leide, 1889. - P. 276-278.
- I75 Barhebraei. Chronicon ... - P. 376.
- I76 Qazwini. Op. cit. - P. 238, 300.
- I77 Deguignes J. Histoire ... - T.3, pt 2. - P. 253.
- I78 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... P. 215.
- I79 Oppert G. Des Presbyter ... - S. 128.
- I80 Haneda Toru. Recueil des oeuvres posthumes. - Kyoto, 1957. - Vol. 1. - P. 224.
- I81 Лян Дандун. Си Ляо ши... - С. 43.
- I82 Marquart J. Über das Volkstum ... - S. 166.
- I83 Pelliot P. A propos ... - S. 173.
- I84 Bretschneider E.V. Notices ... - P. 101.
- I85 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 216.
- I86 Ibid. - P. 216-217.
- I87 Spuler B. Die Mongolen in Iran. - Berlin, 1955. - S.498-499.
- I88 В данном случае мы имеем дело с латинизированной формой имени Санджара.
- I89 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 639-640.
- I90 Monumenta Germaniae Historica. - Berlin. - Bd. 20. - S. 266.
- I91 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 639.
- I92 Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды // ЖМНП. - СПб., 1875. - Ч. 178. - С. 329-330.
- I93 Ritter C. Die Erdkunde von Asien. - Berlin, 1832. - Bd 1. - S. 291.
- I94 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. 2. - С. 293.
- I95 Там же. - Т. 9. - С. 268.
- I96 Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. - М., 1970. - С. 138.
- I97 Oppert G. Op. cit. - S. 134-135.
- I98 Zarncke F. Der Priester ... ; Peshel O. Geschichte der Erdkunde. - München, 1865. - S. 153; A. von Gutschmid. Kleine Schriften. - Leipzig, 1892. - Bd 3. - S. 609.
- I99 Энциклопедический словарь Гранат. - М., 1935. - Т. 22. - С. 643.
- 200 Nidhami-i-Arudi. The Chahar Maqala ... - P. 650.
- 201 Qazwini. The Ta'rikh-i-Guzida... - P. 238.
- 202 Ромодин В.А. Контакты киргизов с другими народами в свете ранних записей эпоса "Манас" // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. - Алма-Ата, 1976. - С. 90-92.

- 203 Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов... -
С. 197.
- 204 МИКК. - С. 67.
- 205 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... -
Т. I. - С. 132.
- 206 Давидович Е.А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов // Нумизматический сборник. - М., 1957. - С. III.
- 207 Al-Bondari. Op. cit. - P. 278.
- 208 Description topographique ... - P.23.
- 209 Nidhami-i-Aridi.Op. cit. - P.24.
- 210 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.641.
- 211 Ibid.
- 212 Д'Оссон К. История монголов... - С. 247.
- 213 Бичурин И. Летопись китайской империи... - С. 385.
- 214 Давидович Е.А. Нумизматические материалы... - С. 109.
- 215 Nidhami-i-Arudi. Op. cit. - P. 650-651.
- 216 Ibn-el-Athiri. Chronicon ... - T.11.- P. 57.
- 217 Bretschneider E.V. Notices ... - P. 103.
- 218 Marquart J. Über das Volkstum ... S. 237.
- 219 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. 545.
- 220 Juwaini. The Ta'rikh-i-Jahan-gusha. - Leyden; L., 1912. -
Pt 1. - P. 17, 88.
- 221 Marquart J. Über das Volkstum... - S. 237.
- 222 МИКК. - С. 67; Бичурин И. Летопись китайской империи... -
С. 386; Bretschneider E.V. Notices ... - P. 103.
- 223 Al-Jawzjani. The Tabakat-i-Nasiri. - Calcutta, 1864. - P.911.
- 224 Бичурин И. Летопись китайской империи... - С. 386.
- 225 Oppert G. Op. cit. - S. 145.
- 226 Marquart J. Über das Volkstum... - S. 237.
- 227 Bretschneider E.V. Notices ... - P. 103.
- 228 Marquart J. Über das Volkstum ... - S. 237.
- 229 Д'Оссон К. История монголов... - С. 247.
- 230 Бичурин И. Летопись китайской империи... - С. 386.
- 231 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 77, 78, 146, 150.
- 232 Бичурин И. Летопись китайской империи... - Л. 386, 386а.
- 233 Давидович Е.А. Нумизматические материалы... - С. II4; Она же. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье. - М., 1977. - С. 183.
- 234 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.644.
- 235 Ibid. - P. 645, 647-648.
- 236 Юань Ши. - Б.м., б.г. - Цз. I, л. 6а-б.

- 237 Козин С.А. Сокровенное сказание. - М.; Л., 1941. - Т. I. - С. 122.
- 238 Наршахи М. История Бухары. - Ташкент, 1897. - С. 35.
- 239 Иностранцев К.А. Коркуд в истории и легенде / ЗВОРАО. - Спб., 1912. - Т. 20. - С. 40-46.
- 240 Давидович Е.А. Нумизматические материалы... - С. 114.
- 241 Давидович Е.А. Вопросы хронологии... - С. 183.
- 242 МИКК. - С. 68.
- 243 Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов... - С. 24.
- 244 Ал-Хусайни. Садр ад-Дин. Ахбар... - С. 113.
- 245 Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов... - С. 25.
- 246 Qazwini. Op. cit. - 1913. - P. 182.
- 247 Крымский А.Е. Низами... - С. 134.
- 248 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - С. 399.
- 249 Oppert G. Op. cit. - S. 132.
- 250 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - С. 148.
- 251 Давидович Е.А. Вопросы хронологии... - С. 177-186; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - С. 399.
- 252 МИКК. - С. 56. 68.
- 253 Mirkhond. Histoire des sultans du Kharezm. - P., 1842.
- 254 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 77.
- 255 Bretschneider E.V. Notices ... - P. 107.
- 256 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 95, 96.
- 257 Marquart J. Über das Volkstum ... - S. 167; Pelliot P. A propos ... - P. 173-174.
- 258 Давидович Е.А. Заметки по нумизматике Средней Азии. Ч. I. (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды) // МКТ. - 1971. - Вып. 2. - С. 181.
- 259 Давидович Е.А. Нумизматические материалы... - С. 113.
- 260 Бартольд В.В. - Соч. - Т. 5. - С. 124.
- 261 Juwaini. The Ta'rikh-i Jahān-gusha ... - P. 19.
- 262 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - С. 404-407.
- 263 Давидович Е.А. Нумизматические материалы... - С. 97.
- 264 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - С. 404-405.
- 265 МИКК. - С. 69-71.
- 266 Marquart J. Über das Volkstum ... - S. 126.
- 267 МИКК. - С. 69-71.

- 268 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - С. 409.
- 269 МИКК. - С. 69-71.
- 270 Прошлое Казакстана в источниках и материалах: Сб, I. - Алма-Ата, 1935. - С. 40.
- 271 МИКК. - С. 71-72.
- 272 Juwaini. The Ta'rikh-i Jahan-gusha ... - P.57.
- 273 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 650.
- 274 МИКК. - С. 72-73.
- 275 История Бухары. - Ташкент, 1976. - С. 95-96.
- 276 МИКК. - С. 73-74.
- 277 Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов... - С. 74.
- 278 Khondemir.. Histoire des khans du Turkestan et de la Trans-oxania //JA. Ser 4. - 1852. - Т. 20. - P. 401.
- 279 Д'Оссон К. История монголов... - С. 246.
- 280 Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - Спб., 1893. - С. 41-42.
- 281 Юань ши. - Цз. 7, с. 128.
- 282 Козин С. Сокровенное сказание... - С. 189.
- 283 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. I. - С. 148.
- 284 Козин С. Сокровенное сказание... - С. 141.
- 285 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, ч. 2. - С. 134.
- 286 Martin H.D. The rise of Chingis Khan ... - P. 87.
- 287 Григорьев В.В. История монголов. - Спб., 1834. - С. 17.
- 288 Грумм-Гржимайло Г.Е. Тангуты // ИРГО. - Л., 1934. - Т. 66, вып. I. - С. 117.
- 289 Козин С. Сокровенное сказание... - С. 151.
- 290 Палладий. Старинное китайское сказание о Чингис-хане // ВС. - Спб., 1877. - Т. I. - С. 181.
- 291 Histoire des mongols ... - P. 105.
- 292 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... - Т. 2. - С. 417.
- 293 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. 2. - С. 180.
- 294 Григорьев В.В. История монголов... - С. 19.
- 295 Д'Оссон К. История монголов... - С. 109-110.
- 296 Прошлое Казакстана... - С. 40.
- 297 МИКК. - С. 75.
- 298 Д'Оссон К. История монголов... - С. 109-110.
- 299 Прошлое Казакстана... - С. 41.
- 300 Д'Оссон К. История монголов... - С. 110.
- 301 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - С. 112.
- 302 Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI - начала XIII вв. - Фрунзе, 1981. - С. 154-155.

- 303 Якубовский А.Ю. Феодальное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X-XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. - Л., 1933. - Ч. I. - С. 26.
- 304 Большаков О.Г. Надгробие 541/II46 г. из Самарканда // Эпиграфика Востока. - 1961. - Вып. I4. - С. 10, 11.
- 305 Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. - М., 1970. - С. 90.
- 306 МИА. - Т. I4. - С. I3.
- 307 Bretschneider E.V. Notices ... - P. 103.
- 308 Description topographique ... - P. 243.
- 309 МИКК. - С. 75, 82.
- 310 Там же. - С. 75-76.
- 311 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. 128.
- 312 Кафаров П.И. Путешествие даосского монаха Чан-чуня... - С.34.
- 313 Д'Оссон К. История монголов... - С. III-II2.
- 314 Briefe des Jacobus de Vitriaco (1216-1221) // Zeitschrift für Kirchengeschichte. - Gotha, 1896. - Bd. 16. - S. 72-114.
- 315 Григорьев В.В. История монголов... - С. 19.
- 316 Родословное древо тюрков... - С. 83-84.
- 317 Иванов А. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Кань-ши // Записки разряда военной археологии и археграфии императорского русского военно-исторического общества. - Пг., 1914. - Т. 3. - С. 20.
- 318 Родословное древо тюрков... - С. 81, 83.
- 319 Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М., 1957. - С. 38.
- 320 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. 2. - С. 183.
- 321 Родословное древо тюрков... - С. 83-84.
- 322 И сянь чжи. - Пекин, 1928. - Л. 16 (на кит. яз.).
- 323 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 56.
- 324 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. I. - С. 194.
- 325 Ан-Насави. Жизнеописание султана... - С. 45.
- 326 Прошлое Казакстана... - С. 41.
- 327 Juwaini. The Ta'rikh-i Jahan-guscha ... - P. 211.
- 328 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, ч. 2. - С. 200; Juwaini. The Ta'rikh-i Jahan-guscha ... - P. 218.
- 329 Бартольд В.В. Соч. - Т. I. - С. 482.
- 330 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. 2. - С. 34-35.
- 331 Иванов А. Походы монголов... - С. 20.
- 332 Vassary I. Op. cit. - P. 204.
- 333 Pelliot P. Notes sur le "Turkestan" de M.W.Barthold. // T'oung Pao. - 1930. - Vol. 27. - P. 12-56.
- 334 Бартольд В.В. Соч. - Т. 3. - С. 533.

- 335 En-Nesawi. Histoire du sultan Djelal ed-Din ... Paris, 1985. - Т. 2. - P. 75.
- 336 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 43.
- 337 Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. - Спб., 1875. - С. 57.
- 338 Иванов А. Походы монголов... - С. 20.
- 339 Al-Jawzjani. The Tabakat-i-Nasiri ... - Vol. 2. - P.934, note.
- 340 En-Nesawi. Histoire du sultan Djelal ed-Din ... - P. 157.
- 341 Qazwini. Op. cit. - P. 131.
- 342 Howorth H.H. The Kara Khitai...
- 343 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op.cit. - P. 626.
- 344 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 147.
- 345 Книга Марко Поло. - С., 1956. - С. 66.
- 346 En-Nesawi. Histoire du sultan Djelal ed-Din ... - P. 95,124.
- 347 Ibn-el-Athiri. Chronicon ... - Vol. 12. - P. 237.
- 348 Qazwini. Op. cit. - P. 116.
- 349 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 656.
- 350 En-Nesawi. Histoire du sultan Djelal ed-Din ... - P. 144.
- 351 Wassaf. Geschichte. - Wien, 1856. - Bd.1. - S.43.
- 352 У Казвини - 1234 г. - См.: Qazwini. Op. cit. - P. 131.
- 353 Ibid. - P. 132.
- 354 Ibid.-P. 132-133.
- 355 Kramers J.K. Kirman // Enzyklopaedie des Islam. - Leiden; Leipzig. - Bd 2. - S. 1031.
- 356 Qazwini. Op. cit. - P. 133.
- 357 Дочь последнего потомка династии вышла замуж за Мухаммеда, музаффаридского владетеля Фарса. - См.: Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. - Спб., 1899. - С. 152.
- 358 Козин С. Сокровенное сказание... - С. 127-128.
- 359 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. 2. - С. 204.
- 360 Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов... // Живая старина. - Спб., 1894. - Вып. 3-4. - С. 393.
- 361 Материалы по истории Татарии. - Казань, 1948. - Вып. I. - С. 184.
- 362 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 31.
- 363 Семенов Г.И., Моржанов В.М. Материалы по родоплеменному составу казаков Старшего и Среднего Жузов в XVIII веке // Учен. зап. Каз. гос. ун-та. - Сер. ист. - Алма-Ата, 1961. - Т. 48. - Вып. 7. - С. 185.
- 364 Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. - Алма-Ата, 1959. - С. 59.

- 365 Грумм-Гржимайло Г.Е. Тангуты... - С. 181.
- 366 История Абуль-гази /// Библиотека восточных историков. - Казань, 1854. - Т. 2, ч. I. - С. 41.
- 367 Барнштам А.Н. Эпоха возникновения киргизского эпоса "Манас"// "Манас" - героический эпос киргизского народа. - Фрунзе, 1968. - С. 162.
- 368 Наливкин В.П. Киргизы Наманганского уезда // Туркестанские ведомости. - 1881. - № 20.
- 369 ТКАЭЭ. - М., 1959. - Т. 2. - С. 338.
- 370 Magasine Asiatique. - P., T.1. - P. 209.
- 371 Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. - Спб., 1897. - Вып. 3, 4. - С. 432.
- 372 Смирнов Е. Сыр-Дарьинская область. - Спб., 1887. - С. 323.
- 373 Bretschneider E.V. Notices ... - P. 116.
- 374 Протокол заседания общего собрания членов Туркестанского кружка любителей археологии, состоявшегося 26 февраля 1896 г. // Среднеазиатский вестник. - Ташкент, 1896. - С. 13.
- 375 Андреев М. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении // Там же. - С. 17.
- 376 Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821-1825 гг.: Источники и опыт их исследования. - М.; Л., 1937.
- 377 Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. - М.; Л., 1950. - С. 99.
- 378 Прошлое Казакстана... - С. 49.
- 379 Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. - М.; Л., 1940. - С. 138-140; Он же. Микроэтнонимы и проблемы изучения этногенетических связей между народностями (на материале этнонимии ногайцев и каракалпаков) // Ономастика Средней Азии. - Фрунзе, 1980. - Вып. 2. - С. 3-8.
- 380 Авляев Г.О. О тюркоязычных этнических компонентах в составе приволжских калмыков в конце XIX в. // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. тюркологической конференции. - Алма-Ата, 1976. - С. 8-9.
- 381 Попов А. Краткие замечания о Приволжских Калмыках // ЖМНП. - 1839. - Ч. 22, отд-ние 2. - С. 18.
- 382 Башкирские шежере. - Уфа, 1960. - С. 79.
- 383 Вопросы башкирской топонимики // Учен. зап. башк. гос. пед. ин-та. - Сер. филол. - Уфа, 1956. - Вып. 8, № 2. - С. 234.
- 384 Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. - М., 1974. - С. 225.

- 385 Рафиков Х.С., Белова И.Ю., Кмагутина Н.Х., Кузеев Р.Г. Структура популяции башкир в регионе Среднего Поволжья и Урала // Популяционно-генетические исследования народов Южного Урала. - Уфа, 1981. - С. 4.
- 386 История Уфы: Краткий очерк. - Уфа, 1981. - С. 18.
- 387 Баскаков Н.А. Родоплеменные названия кипчаков в топонимии Южной Молдавии // Топонимика Востока. - М., 1964. - С. 48.
- 388 Уйгуры и Семиречье // Белек С.Е. Малову: Сб. ст. - Фрунзе, 1946. - С. 21.
- 389 Валиханов Ч.Ч. Сочинения. - Алма-Ата, 1964. - Т. 3. - С. 350-413, 474.
- 390 История Казахской ССР. - Алма-Ата, 1957. - Т. 1. - С. 73.
- 391 Бертельс Е.А. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. - М., 1960. - С. 516.

Глава III

- I Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. - Новосибирск, 1948. - С. 134.
- 2 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 658-659.
- 3 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 232.
- 4 Ibid.
- 5 Дин Цянь. Си Ляо ли-го ши-мо (Все об основании государства Западное Ляо). - Шанхай, 1923. - С. 4 (на кит. яз.).
- 6 МИКК. - С. 73.
- 7 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 600-661.
- 8 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 206.
- 9 Ibid. - P. 30.
- 10 Wittfogel K.A., Feng Chia-seng. Op. cit. - P. 660.
- 11 Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. - СПб., 1899. - Т. 2. - Ч. I. - С. 140-141; Древнетюркский словарь. - Л., 1969. - С. 423.
- 12 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 1, 660, 663.
- 13 СИЭ. - Т. 7. - С. 13-14, 200.
- 14 Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию в 1910 г. - Томск, 1911. - С. 126.
- 15 Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос. - Пг.; М., 1923. - С. 10.
- 16 Майский И.М. Монголия накануне революции. - М., 1959. - С. 112.
- 17 История МНР. - М., 1967. - С. 21.

- 18 Пэрлээ Х. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск, 1974. - С. 273-274.
- 19 Викторова Л.Л. Кочевой уклад в Киданьской империи // Материалы по этнографии. - Л., 1961. - Вып. I. - С. 33-34.
- 20 *Geographie d'Edrisi*. - P., 1836. - Т.1. - P. 501.
- 21 *Geographie d'Edrisi*. - P., 1836. - ... - P. 501.
- 22 Bretschneider E.V. *Mediaeval researches* ... - P. 215.
- 23 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. *Op. cit.* - P. 634, 662.
- 24 *Ibid.* - P. 117, 153, 154, 359, 392, 662.
- 25 Мэн-гу-ху-му-цзи... - С. 340, 387.
- 26 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. *Op. cit.* - P. 117, 154, 662.
- 27 Bretschneider E.V. *Mediaeval researches* ... - P. 215.
- 28 Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази... - С. 213.
- 29 Бернштам А.Н. Археологический очерк... - С. 104.
- 30 Залкинд Е.М. Кидане и их этнические связи // Советская этнография. - 1948. - № I. - С. 51.
- 31 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - Т. 2. - С. 73.
- 32 Е Лун-ли. История... - С. 530.
- 33 Д'Оссон К. История монголов... - С. 117; МИКК. - С. 73-74.
- 34 Е Лун-ли. История... - С. 294, 298, 299, 305, 411, 437.
- 35 Bretschneider E.V. *Mediaeval researches* ... - P. 218, 223.
- 36 Викторова Л.Л. Ранние формы религии киданей // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск, 1974. - С. 264.
- 37 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. *Op. cit.* - P. 662.
- 38 Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // ТИИМК. - Алма-Ата, 1960. - Т. 8. - С. 102.
- 39-40 *Geographie d'Edrisi* ... - P. 501
- 41 Кадырбаев С.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИМК. - Алма-Ата, 1959. - Т. II. - С. 200; Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969. - С. 46-47.
- 42 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. *Op. cit.* - P. 131.
- 43 МИКК. - С. 73.
- 44 Маливкин А.Г. Материалы... - Т. 7^я.
- 45 Таскин В.С. Походные лагеря киданских императоров // Китай: Общество и государство. - М., 1973. - С. 113.
- 46-47 Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М., 1957. - С. 115-116.
- 48 Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. - Алма-Ата, 1960. - С. 76.

- 49 Петров К.И. Очерки... - С. 90.
- 50 Новые материалы... - С. 82.
- 51 Таскин В.С. Походные лагеря... - С. II4.
- 52 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 218.
- 53 Awad G. Historical manuscripts in the Iraq Museum. - Baghdad, 1957. - Vol. 3, N 1-2. - P.41.
- 54 Новые материалы... - С. 82.
- 55 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.132-134, 304, 594-595, 662.
- 56 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 225.
- 57 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 661, 662.
- 58 Кафаров П.И. Путешествие даосского монаха... - С. 307.
- 59 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 57.
- 60 Кафаров П.И. Путешествие даосского монаха... - С. 307.
- 61 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 72.
- 62 Воробьев М.В. Чжурчженьское государство Цзинь и Центральная Азия (по цзиньским источникам) // СИБ. - М., 1971. - Вып. II. - С. 38.
- 63 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit., - P. 661.
- 64 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 397-398.
- 65 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 222, 225, 232.
- 66 Siasset Namen ... - P. 197.
- 67 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 52.
- 68 Tabakat-i-Nasiri ... Т.2. - P. 912.
- 69 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 30-31.
- 70 МИА. - № I4. - С. 90, 92, I34; ТКАЭЭ. - Т. 2. - С. 2II; Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967. - С. 7I.
- 71 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959. - С. 87.
- 72 Известия АН КиргССР, 1959. - Т. I, вып. I. - С. 56; Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963. - С. I99.
- 73 Древняя и раннесредневековая культура... - С. I09-IIO.
- 74 Амиджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда // ИМКУ. - Ташкент, 1962. - Вып. 3. - С. I00.
- 75 Караев О. История Караханидского каганата... - С. 236.
- 76 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 153.
- 77 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 234.
- 78 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 661.
- 79 Бартольд В.В. Соч. - Т. I. - С. 48I.
- 80 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 30-31.
- 81 Караев О. История Караханидского каганата... - С. 237.

- 82 Кафаров П.И. Путешествие даосского монаха... - С. 304, 327.
- 83 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit.-P.224,253,630,664.
- 84 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 30-31.
- 85 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op.cit. - P. 662, 664.
- 86 Бартольд В.В. Соч. - Т. 9 (приложение).
- 87 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.662.
- 88 Deguignes M. Histoire generale ... ; Mailla P. Histoire generale ... - Т.8; D'Herbelot. Bibliotheque Orientale ... Т.4; Sacy S. de. Autre letre au Redocteur du Nouveau Journal Asia-tique ...; Klaproth M. Sur le titre de Gourkhan,...; Menges К.Н. Titles and organisational terms of the Qytan (Liao) and Qara-Qytay(Si-Liao)//Rocznik Orientalistyczny. - Krakow, 1953. - Т.17.- P. 68-79.
- 89 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 213-214.
- 90 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 632.
- 91 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. 544.
- 92 D'Ohsson K. Histoire des Mongols ... - Т.1. - P. 47,71.
- 93 Menges К.Н. Titles ... - P. 68-79.
- 94 Березин И. Замечания... - С. 23.
- 95 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 484.
- 96 Ibid. - P. 643.
- 97 Ibid. - P. 475-477, 487, 665.
- 98 Ibid. - P. 473,631.
- 99 Ibid. - P. 475, 665.
- 100 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. 544.
- 101 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 666.
- 102 Menges К.Н. Titles ... - P. 73.
- 103 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 126,127,129, 427, 440, 441, 474, 665.
- 104 Е Лун-ли. История... - С. 375.
- 105 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 665.
- 106 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. 544.
- 107 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 665.
- 108 Е Лун-ли. История... - С. 314, 514.
- 109 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 52.
- 110 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 218.
- 111 Ibid. - P. 232.
- 112 Ibn-el-Athiri. Chronicon ... Vol. 11. - P. 57.
- 113 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. I. - С. 148.
- 114 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 260.
- 115 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 666; Vasary I. Op. cit. - P. 201-206.
- 116 The Ta'rikh-i Jahan-gusha ... - Pt 2. - P. 83.
- 117 The Chahar Maqala ... - P. 617.

- I18 The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela. - Vol. 1. - P.119; Vol. 2. - P. 170; Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 667.
- I19 Dorn B. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan. - Spb., 1881. - S. 734; Idem. Nachträge zu der Abhandlung über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan. - Spb., 1888. - S. 65.
- I20 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 457.
- I21 Histoire du sultan Djelal ed-Din ... - P. 13.
- I22 Горячева В.Д. О локализации города Баласагун // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. - Фрунзе, 1975. - С. 130.
- I23 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 149.
- I24 Е Лун-ли. История... - С. 529-533.
- I25 Ibn-el-Athiri. Chronicon ... - Vol.9. - P. 355.
- I26 Бартольд В.В. Соч. - Т. 9 (приложение).
- I27 Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. - Спб., 1828. - С. 163.
- I28 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 77, 78, 149.
- I29 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 218.
- I30 Е Лун-ли. История... - С. 530.
- I31 Bretschneider E.V. Notices ... - P. 110.
- I32 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 18.
- I33 Кафаров П.И. Старинное монгольское сказание... - С. 76; Д'Оссон. История монголов... - С. 53; Bretschneider E.V. Notices ... - P. 114.
- I34 Marquart J. Kultur-und Sprachgeschichtliche Analekten. //Ungarische Jahrbücher . - Berlin, 1929. - Bd 9. - S. 97.
- I35 Pelliot P. l'Edition Collective des Oeuvres de Wang Kuo-Wei // T'oung Pao. - 1929. - N 26. - P. 124.
- I36 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 216.
- I37 Малявкин А.Г. Материалы... - С. 149-150.
- I38 Bibliotheque orientale ... - P. 31.
- I39 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 654.
- I40 Е Лун-ли. История... - С. 515, 516.
- I41 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. - М.; Л., 1951. - С. 42.
- I42 Е Лун-ли. История... - С. 516.
- I43 De Groot. Die Hunnen der vortchristlichen Zeit //Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. - Berlin-Leipzig. 1921, T.1. - S. 52.
- I44 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - Т. I. - С. 47, 78.
- I45 Е Лун-ли. История... - С. 516.

- 230 Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Аспара... - С. 95.
- 231 Зир - мера длины (локоть), равная от 65 до 81,25 см.
- 232 Ферсанг равнялся 6-7 км.
- 233 Махмуд ибн Вали. Море тайн... - С. 24.
- 234 Ларичев В.Е., Тюркина Л.В. Военное дело у киданей // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975. - С. 99-112.
- 235 Об этом свидетельствуют, в частности, его неоднократные боевые победы и отношение к нему последнего киданьского императора Тянь-цзо, простившего ему даже измену и постоянно советовавшегося с ним по военным вопросам.
- 236 Е Лун-ли. История... - С. 221.
- 237 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 217..
- 238 МИТТ. - Т. I. - С. 218.
- 239 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 216.
- 240 Ibid. - P. 216, 218, 232.
- 241 МИКК. - С. 67.
- 242 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.548,549,560, 561, 668.
- 243 Родословное древо тюрков... - С. 44.
- 244 Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования). - М., 1980. - С. 52-53.
- 245 Е Лун-ли. История... - С. 214.
- 246 МИА. - № 14. - С. 13.
- 247 МИКК. - С. 71.
- 248 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.635,644,651.
- 249 Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961. - С. 60; Малявкин А.Г. Материалы... - С. 26-27, 30; Бичурина Н.Я. - Собрание сведений. - Т. I. - С. 351; Бартольд В.В. Сочинения. - Т. 2, ч. I. - С. 487.
- 250 Скачков К.А. Исторический обзор военной организации в Китае. - Спб., 1879.
- 251 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P.222.
- 252 Волин С. Сведения арабских источников... - С. 89.
- 253 Бернштам А.Н. Археологические работы в Казахстане и в Киргизии // ВДИ. - 1939. - № 4; Авдиев В.И. Историко-археологическое изучение Средней Азии // 25 лет исторической науки в СССР. - М.; Л., 1942. - С. 76.
- 254 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 21. - С. 164.
- 255 Наршахи М. История Бухары. - Ташкент, 1897. - С. 35.
- 256 Махмуд ибн Вали. Море тайн... - С. 24; Гяз равнялся от 2,1 до 2,5 м.

- 257 Большаков О.Г. Полкиная керамика Мавераннахры VIII - нач. XIII в. как исторический памятник. - Л., 1954. - С. 13-14.
- 258 Плетнева С.А. От кочевий к городам. - М., 1967. - С. 156.
- 259 Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам БЧК. - Фрунзе, 1943. - С. 26.
- 260 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.625.
- 261 Ibid. - P.631, 636, 638.
- 262 Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В. Военное дело у киданей... - С.103.
- 263 Васильев В.П. История и древности... - С. 184; МИА. - № 14. - С. 49.
- 264 The Chahar Maqala ... - P.772.
- 265 Bretschneider E.V. Notices ... - P. 102.
- 266 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P.627-657.
- 267 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 214, 216.
- 268 Tabakat-i-Nasiri ... - Vol. 2. - P. 1023; Histoire du sultan Djelal ed-Din ... - Vol. 2. - P. 75.
- 269 МИКК. - С. 70.
- 270 Д'Оссон К. История монголов... - С. II0.
- 271 Бартольд В.В. Соч. - Т. I. - С. 401, 421.
- 272 Д'Оссон К. История монголов... - С. III.
- 273 Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. - М., 1965. - С.106.
- 274 Окладников А.П. Очерки истории западных бурят-монголов. - Л., 1937. - С. 284.
- 275 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - 1898. - С. 99.
- 276 Tabakat-i-Nasiri ... - Vol.2. - P. 912.
- 277 Bibliotheque orientale ... - P. 502.
- 278 Oppert G. Op. cit. - S. 83.
- 279 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 642.
- 280 МИКК. - С. 65; Д'Оссон К. История монголов... - С. 109.
- 281 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 52-53.
- 282 Коковцов П.К. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья // ИИАН. Сер. 6. - 1909. - Т. 3. - С. 778.
- 283 История Мар Ябалахи и раббан Саумы. - М., 1958. - С. 83.
- 284 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. 108.
- 285 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия... - Т. I. - С. 83.
- 286 Tabakat-i-Nasiri ... - Vol. 2. - P. 1157.
- 287 Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. - М., 1976. - С. 133; Кор-оглы Х.Г. Из истории древнетюркской поэзии // Средневековый Восток. - М., 1980. - С. 162.
- 288 Путешествие в восточные страны... - С. 127.

- 289 Семенов А.А. Очерк культурной роли уйгуров в монгольских государствах // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. - Алма-Ата, 1978. - С. 36.
- 290 Tabakat-i-Nasiri ... - Vol. 2. - P. 912.
- 291 Ibn-el-Athiri. Chronicon ... - Vol. 11. - P. 57.
- 292 En-Nesawi. Histoire du sultan Djelal ed-Din ... - P. 18.
- 293 Додхудоева Л. К вопросу о религиозной обстановке в Самарканде XII в. (по данным эпиграфических памятников) // Тез. докл. республ. науч.-теор. конференции молодых ученых и специалистов Таджикской ССР. - Душанбе, 1982. - С. 19-20.
- 294 Махмуд ибн Вали. Море тайн... - С. 24.
- 295 A History of the Moghuls of Central Asia, being The Tarikh-i-Rashidi of Mirza M. Naidar. - L., 1898. - P. 291.
- 296 Васильев В.П. История и древности... - С. 230.
- 297 Банзаров Д. Собрание сочинений. - М., 1955. - С. 57.
- 298 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 217.
- 299 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 268, 272, 561, 635, 670.
- 300 Е Лун-ли. История... - С. 341.
- 301 Банзаров Д. Собрание сочинений... - С. 65.
- 302 Фейербах Л. Избранные философские произведения. - М., 1955. - Т. 2. - С. 422-423.
- 303 Е Лун-ли. История... - С. 339-340.
- 304 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 213, 214, 216, 217.
- 305 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... - Т. 2. - С. 91.
- 306 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 213, 214, 216, 217.
- 307 Ibid. - P. 214. 216.
- 308 Е Лун-ли. История... - С. 341.
- 309 Там же. - С. 340, 341.
- 310 Васильев В.П. История и древности... - С. 181.
- 311 Лубсан Данзан. Алтан Тобчи "Золотое сказание" / Пер. с монг. Н.П. Шастиной. - М., 1973. - С. 296.
- 312 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - Т. I, кн. I. - С. 137; Т. I, кн. 2. - С. 112.

Отглавление

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Источники и история исследования Западного Ляо ...	8
1. Китайские источники	9
2. Мусульманские источники	31
3. История исследования западных киданей и их государства	41
Глава II. Политическая история государства Западное Ляо	53
1. Образование государства (II24-II43)	53
2. Государство западных киданей в II44-II218 годах	86
Глава III. Социально-экономический строй государства Западное Ляо	116
1. Экономика западнокиданьского государства	118
2. Государственное устройство	126
3. Столица государства	132
4. Организация военного дела	147
5. Религиозные воззрения	155
Заключение	161
Примечания	163
Литература	164

Научное издание

Ликов Геннадий Геннадьевич

ЗАПАДНЫЕ КИДАНИ

Редактор И.Я.Лаврова
Художник Л.М.Петрунева
Художественный редактор Л.М.Петрунева
Технический редактор Л.Т.Шарапова
Корректор Н.В.Кораблина

ИБ №3

Сдано в набор 10.09.89 Подписано в печать 19.03.90 МН 02172 Формат 60х90 1/16

Бумага тип. №2 Печать офсетная Усл. печ.л. 12.25 Усл.кр.-отт. 12,5 Уч.-изд.л. 13

Тираж 600

Заказ №052

Цена 1р. 80к.

Издательство Новосибирского университета
630058, Новосибирск, 58, ул. Русская, 35
Типография СКТЕ монокристаллов СОАН СССР
630058, Новосибирск, 58, ул. Русская, 43

- 201 Караханиды в Мавераннахре... - С. 7.
- 202 Бартольд В.В. Соч. - Т. 4. - С. 56-57, 101.
- 203 Бернштам А.Н. Башня Бурана. - Фрунзе, 1946. - С. 7.
- 204 Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии... - С. 96.
- 205 Кызласов Л.Р. Археологические исследования Ак-Бешима в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ. - Т. 2. - С. 235-236.
- 206 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города... - С. 78.
- 207 Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. - Алма-Ата, 1971. - С. 33-34.
- 208 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... - С. 389; Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 645, 665.
- 209 Howort H. The Kara Khitai ... - P. 275-276.
- 210 Венюков М. Краткий обзор внешней торговли через Западную Сибирь в 1851-1860 гг. // ЗИРГО. - 1861. - Кн. 3. - С. 119-120, 125.
- 211 Бартольд В.В. Соч. - Т. 4. - С. 42.
- 212 Караев О. О местонахождении города Баласагуна... - С. 60.
- 213 Горячева В.Д. - О локализации города Баласагуна... - С. 140.
- 214 Кочнев Б. Где же стоял Баласагун? // Литературный Киргизстан. - 1970. - № 6. - С. 100.
- 215 Pritsak O. Die Karachaniden ... - S. 23, 28.
- 216 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972. - С. 172.
- 217 Федоров М.Н. Баласагун при Караханидах (по данным нумизматики) // Изв. АН КиргССР. - 1975. - № 2. - С. 87-89.
- 218 Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии // ИМКУ. - Ташкент, 1978. - С. I, вып. 14. - С. 124.
- 219 Кочнев Б.Д. Где же стоял Баласагун?... - С. 99-100.
- 220 Махмуд ибн Вали. Море тайн... - С. 24.
- 221 Петров К.И. Очерки... - С. 60, 102.
- 222 Новые материалы... - С. 81-82.
- 223 Шер Я. Каменные изваяния Семиречья. - Л., 1962.
- 224 Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей. - М., 1963. - С. 50-51.
- 225 Бернштам А.Н. Эпоха возникновения киргизского эпоса "Манас". - С. 162.
- 226 Помаскин Б.А. К вопросу о датировке башни Бурана // Тез. докл. Всесоюз. науч. конференции "Культура и искусство Киргизии" (3-6 июня 1983 г.). - Л., 1983. - Вып. I. - С. 71-73.
- 227 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 51.
- 228 Descriptio imperii moslemici ... P. 263-264.
- 229 Петровский Н.Ф. Башня Бурана... - С. 353.

- I46 Панов В.А. Сюн-ну (хунну). Турецкое происхождение народов сюн-ну (хунну) китайских летописей // К истории народов Средней Азии. - Владивосток, 1916. - Т. I. - С. 28-30.
- I47 Цит. по: Е Лун-ли. История... - С. 516, 517.
- I48 Al-Mokaddasi. Descriptio ... - P. 264, 275.
- I49 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 549.
- I50 Viae regnorum. - Lugduni Batavorum, 1870. - P. 290.
- I51 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 549.
- I52 Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. Op. cit. - P. 634.
- I53 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 550.
- I54 Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. - Алма-Ата, 1960. - С. 49.
- I55 Мусабаев Г.Г. Некоторые сведения из жизни Махмуда Кашгарского // Исследования по тюркологии. - Алма-Ата, 1969. - С. 49.
- I56 Волин С. Сведения арабских источников... - С. 83.
- I57 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. 2. - С. 466.
- I58 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города... - С. 154-156.
- I59 Караев О. О местонахождении города Баласагуна // Средневековый город Средней Азии и Казахстана: Тез. к совещанию в г.Фрунзе 24-29 ноября 1970 г. - Л., 1970. - С. 60.
- I60 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. I. - С. 454.
- I61 Умняков И.И. Самая старая турецкая карта мира (XI в.) // Тр. Самарк. пед. ин-та им. А.М.Горького. - 1940. - Т. I, вып. I. - С. 109; Хасанов Х. Махмуд Кашгарий. - Ташкент, 1963. - С. 48.
- I62 Хасанов Х. Махмуд Кашгарий... - С. 48.
- I63 Древнетюркский словарь. - Л., 1949. - С. 481.
- I64 Бартольд В.В. Соч. - Т. 5. - С. 75.
- I65 Караев О. О местонахождении города Баласагуна... - С. 60.
- I66 Петровский Н.Ф. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. - Ташкент, 1894. - С. 29; Волин С. Сведения арабских источников... - С. 80.
- I67 Bretschneider E.V. Mediaeval researches ... - P. 17-18.
- I68 Григорьев В.В. Караханиды в Мавераннахре // ТВОРАО, 1874. - Ч. 17. - С. 21.
- I69 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. 2. - С. 288.
- I70 Караев О. О местонахождении города Баласагуна... - С. 59.
- I71 Кафаров П.И. Путешествие даосского монаха... - С. 134.
- I72 Yacut's geographisches Wörterbuch. - Spb.; P.; L.; Oxford; Leipzig, 1866. - Bd. 1. - S. 708.
- I73 Бартольд В.В. Соч. - Т. 3. - С. 53.

- I74 Das Kudatku Bilik. - Spb., 1891. - S. XLV.
- I75 Бартольд В.В. Соч. - Т. 2, ч. 2. - С. 89.
- I76 Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - Спб., 1893.
- I77 Descriptio imperii moslemici ... - P. 341.
- I78 Kodama ibn Djafar. Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Iber viarum et regnorum) auctore K. ibn Djafar. - Lugduni-Batavorum, 1889. - P. 22, 160, 203.
- I79 Бартольд В.В. Соч. - Т. 3. - С. 52.
- I80 Siasset Nameh ... - P. 189.
- I81 Петровский Н.Ф. Ответ консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского на заявление С.Ф. Ольденбурга // ЗВОРАО. - Т. 7. - С. 295.
- I82 Бартольд В.В. Соч. - Т. 3. - С. 57.
- I83 Джувейни. Тарих-и джехангушай / Пер. извлечений Н.Н. Туманович // Рукописный фонд ИСРИЯЛ АН КиргССР. - Инв. № I706, с. 15/43, 25/87/.
- I84 Mirkhond. Vie de Djenghiz-Khan. - P., 1841. - P. 89-91.
- I85 Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Suivies de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar". - P., 1949. - P. 110-114.
- I86 Волин С. Сведения арабских источников... - С. 90.
- I87 Горячева В.Д. О локализации города Баласагун... - С. 137. Курук (корук) - ханский заповедник.
- I88 Бартольд В.В. Соч. - Т. 3. - С. 355.
- I89 Aboulfeda. Geographie. - P., 1848. - Т. 1. - P. 133; Yacut's geographisches Wörterbuch ... - S. 524; Prolegomenes des Tables astronomiques d'Oloug-Beg. - P., 1847. - P. 268.
- I90 Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С. 95.
- I91 Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. - Спб., 1886. - Ч. 2. - С. 162-163. Уточнение перевода см.: Бартольд В.В. Соч. - Т. 4. - С. 55.
- I92 Бартольд В.В. Соч. - Т. 3. - С. 357.
- I93 Петровский Н.Ф. Башня "Бурана" близ Токмака // ЗВОРАО. - Спб., 1894. - Т. 8. - С. 354.
- I94 Горячева В.Д. О локализации города Баласагуна... - С. 139-140.
- I95 История Казахской ССР. - Алма-Ата, 1979. - Т. 2. - С. 143.
- I96 Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география) / Пер. Б.А. Ахмедова. - Ташкент, 1977. - С. 24.
- I97 Siasset Nameh ... - P. 277.
- I98 Бартольд В.В. Соч. - Т. 3. - С. 55-56.
- I99 Там же. - Т. 4. - С. 50.
- 200 Там же. - Т. 8. - С. 85.